

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д. н., проф. (Гамбургский университет, Германия)

Д. Бэкман, д. н. (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, к. и. н., доцент (декан Петрозаводского государственного университета)

Н. А. Копанев, к. и. н. (зав. Центром изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» РНБ)

Н. Кент, д. н., проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д. н. (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, к. и. н., доцент (ген. директор РНБ)

М. Ниендорф, д. н., проф. (Исторический институт, Грайфсвальд, Германия)

М. Рио-Сарсе, д. н., проф. (университет Париж VIII, Франция)

В. В. Сергеев, д. и. н., проф. (зав. кафедрой Российского Балтийского университета)

Э. Чапевский, д. и. н., проф. (Вроцлавский университет, Польша)

А. Г. Шкваров, к. и. н. (Хельсинкский университет, Финляндия).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (пред.), д-р истор. наук, проф.

В. А. Ушаков, д-р истор. наук, проф.

В. Е. Возгрин, д-р истор. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. истор. наук, доцент

Н. П. Евдокимова, канд. истор. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. истор. наук, доцент

А. В. Бодров, канд. истор. наук, ст. преп.

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. истор. наук, асс.

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. истор. наук, асс.

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

St-Petersburg State University
Faculty of History
The Chair of Modern and Contemporary History

**PROCEEDINGS OF THE CHAIR
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

7

2011

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: В. Н. Барышников (пред.), д-р истор. наук, проф.; Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. истор. наук, асс.; А. В. Бодров, канд. истор. наук, ст. преп.; Л. В. Сидоренко, канд. истор. наук, асс.

Рецензенты: д-р истор. наук, проф. Кротов П. А. (СПбГУ)
д-р истор. наук, проф. Пленков О. Ю. (СПбГУ)

Т78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 7. 2011 / Сост. Т. Н. Гончарова – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2011. – 220 с.

ISBN 978-5-88812-511-3

В сборнике представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, источниковедческие и историографические обзоры, публикации источников, рецензии, хроники и т.д. Сборник адресован специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Chair of Modern and Contemporary History of the Faculty of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books, chronicles etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

ISBN 978-5-88812-511-3

©Исторический факультет СПбГУ, 2011

*Памяти
Бориса Павловича
Заостровцева (1953-2011)
посвящается*



СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 11

Памяти Бориса Павловича Заостровцева (06.04.1953–06.08.2011). 15

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Евдокимова Н. П. В поисках истины: был ли Аристид Бриан ренегатом социалистического движения? 19

Катцова М. А. К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX – первой половине XX вв. /часть II/. 45

Барышников В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939-1940 гг. «войной Эркко»? 61

Вассоевич А. Л. Нацистская русофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса). 73

Фокин В. И. Уроки Нюрнбергского трибунала и преодоление национализма и ксенофобии в современной России. 91

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Яковлева М. Г. Положение гугенотов и границы религиозной терпимости во Франции в 1661–1683 гг. 103

Сидоренко Л. В. Лорд Бьют и политическая элита Великобритании в 1760-х гг. 108

Грудаков Ф. К вопросу об антисемитизме в Польше в межвоенный период (1918–1939 гг.). 118

<i>Туманова К. А.</i> Проблема интеграции мусульманских общин в Германии на современном этапе.	125
<i>Дубинко-Гуща Е. О.</i> Исторические предпосылки шлезвиг-голландского конфликта и его влияние на формирование внешней политики Дании.	132

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Гончарова Т. Н.</i> Прозорливый националист: журналист и историк Жак Бэнвиль.	139
<i>Петрова А. А.</i> «Национальная проблема» в Испании: история и современность (историографический аспект).	149
<i>Стецкевич М. С.</i> Антикатолицизм и британское национальное самосознание: проблемы историографии.	156

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

<i>Смолин А. В.</i> Русские в Финляндии 1918–1919 гг. Часть 2. Трагедия русских в Финляндии.	165
<i>Петров П. В.</i> Финское командование глазами советской разведки.	173

V. РЕЦЕНЗИИ

<i>Смолин А. В.</i> В. К. Шацко. Последняя война царской России. М., 2010. – 352 с.	186
---	-----

VI. ХРОНИКА

Конференции, проведенные кафедрой истории Нового и новейшего времени (апрель 2011 г.- сентябрь 2011 г).	191
Защита диссертаций.	207

РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ	208
--------------------------------	-----

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	214
---------------------------------------	-----

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	219
------------------------------------	-----

CONTENTS

PREFACE 13

To the memory of Boris Pavlovich Zaostrovtshev
(06.04.1953-06.08.2011). 15

I. SCIENTIFIC ARTICLES

- Evdokimova N. P.* In quest of truth: Was Aristide Briand renegade of the socialist movement? 19
- Katsova M. A.* To the problem of the origins of Northern regionalism: the phenomenon of «practical scandinavianism» in the last third of the XIX – first half of XX centuries /continuation/. 45
- Baryshnikov V. N.* About Xenophobia: was the Soviet-Finnish war of 1939–1940 an «Erkko war»? 61
- Vassoevich A. L.* Nazi Russophobia and its historical consequences (65 years after the Nuremberg trials). 73
- Fokin V. I.* Learning from the Nuremberg trials. How to fight the nationalism and xenophobia in contemporary Russia? 91

II. SCIENTIFIC REPORTS

- Jakovleva M. A.* The lot of Huguenots and limits of religious tolerance in France, 1661–1683. 103
- Sidorenko L. V.* Lord Bute and the Political Elite of Great Britain in 1760s. 108

<i>Grudakov F. V.</i> Anti-Semitism in Poland between the wars.	118
<i>Tumanova K. A.</i> Problem of integration of Muslim communities in contemporary Germany.	125
<i>Dubinko-Guscha E. O.</i> Schleswig-Holstein and the Foreign policy of Denmark.	132

III. CRITICAL STUDY OF SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

<i>Goncharova T. N.</i> A perceptive Nationalist: Journalist and Historian Jacques Bainville.	139
<i>Petrova A. A.</i> “National Problem” in Spain: Past and Present (historiographical aspect).	149
<i>Stetskevich M. S.</i> Anticatholicism and British national consciousness: problems of historiography.	156

IV. HISTORICAL ANTHOLOGY

<i>Smolin A. V.</i> Russians in Finland. Part 2. The tragedy of Russians in Finland.	165
<i>Petrov P. V.</i> Finnish Command by eyes of Soviet reconnaissance.	173

V. REVIEWS

<i>Smolin A. V.</i> V. K. Shatsilo. The last war of tsarist Russia. Moscow, 2010. – 352 p.	186
--	-----

VI. CHRONICLE

Conferences organized by the Chair of Modern and Contemporary history (April – September 2011).	191
Viva Voce examination	207

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	214
---------------------------------------	-----

PERSONAL DATA OF AUTHORS	219
---------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмой выпуск Трудов посвящен памяти нашего покойного и горько оплакиваемого коллеги, кандидата исторических наук, доцента Бориса Павловича Заостровцева, безвременно ушедшего из жизни прошлым летом. С 2007 г. он руководил публикационной деятельностью кафедры истории Нового и новейшего времени, вложив много времени и энергии в редактирование и составление пяти первых выпусков сборника. Трудно будет заменить его в этом качестве. Без сомнения, он был бы рад видеть, что его начинание продолжено, и сборник продолжает регулярно издаваться.

Очерк об основных вехах жизни и деятельности Б. П. Заостровцева, которым открывается этот выпуск, основан на автобиографических материалах, подготовленных им самим за несколько недель до кончины, как если бы он предчувствовал недоброе.

Остальные материалы сборника являют собой наиболее интересные недавние исследования кафедры по актуальным проблемам истории стран Западной Европы и Америки от Великих географических открытий до настоящего времени. Статьи и сообщения выпуска посвящены, по преимуществу, проблемам межэтнических конфликтов, межконфессиональных трений, ксенофобии. Их авторы апробировали результаты своих изысканий на международной научной конференции «Национализм и ксенофобия в странах Европы и Америки в Новое и новейшее время», организованной кафедрой в декабре 2010 г. и приуроченной к 65-летней годовщине Нюрнбергского процесса. Наряду со статьями виднейших петербургских историков В. Н. Барышникова, А. Л. Вассоевича, В. И. Фокина, в сборнике представлены сообщения начинающих исследователей. Историографические обзоры на тему национальной идентичности Франции, Испании и Великобритании являются полезным к ним дополнением.

Продолжена комментированная публикация архивных материалов. Судьбы русских в Финляндии в период Гражданской войны 1918–1919 гг. на этот раз освещены через воспоминания Н. Луниной из фондов Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета США. Несомненный интерес вызовет публикация отрывка из разведывательной сводки Ленинградского военного округа (ЛВО), в котором дается характеристика высшему командному составу финской армии в 1940 г.

Как обычно, в сборнике помещена рецензия на значительное историческое произведение, недавно вышедшее из печати, на этот раз – книга В. К. Шацко об участии России в Первой мировой войне. Выпуск заканчивается традиционным разделом Хроника, в котором нашли отражение наиболее значимые кафедральные события за период с апреля по сентябрь 2011 г.

Н.В. С материалами предыдущих выпусков «Трудов кафедры истории Нового и новейшего времени» можно бесплатно ознакомиться на нашем Интернет-сайте: <http://novist.narod.ru/sborniki.html>.

PREFACE

The seventh number of our Proceedings is dedicated to the memory of the late and our deeply regretted colleague Dr Boris Pavlovich Zaostrovstev, who died unexpectedly in the midst of last summer. He had been in charge of the editorial activities of the Chair of Modern and Contemporary history since 2007 and had invested much of his time and energy in supervising the publication of the first five numbers of this collection. He will be difficult to replace in this function. But he would have been happy to see that his work goes on and this collection continues in the way he had opened.

This issue opens with a biography of Dr B. P. Zaostrovstev, based upon materials he had himself prepared a few weeks before he died, as if he had a premonition of this fatal event.

The other contributions reflect some of the most interesting recent researches conducted in our Department, dealing with various problems of European and American history, both modern and contemporary, from the discovery of America to the present times.

Several papers concentrate on one subject that makes the bulk of this issue: the problems of interethnic conflicts, interreligious tensions, xenophobia. These papers were first discussed within the frame of a large conference organized by our Department in December 2010 on the occasion of the 65th anniversary of the opening of the Nuremberg trials. Among the authors are some well known professors, such as V. N. Baryshnikov, A. L. Vassoevich, V. I. Fokin, but also young bright scholars of the new generation. This collection has been completed by three bibliographical essays on the national identities of France, Spain and Britain.

Furthermore this volume carries on with the publication of archive materials. First, some new documents concerning the destiny of Russians in Finland at the time of the Civil war (1918–1919): chosen excerpts of N. Lunina's mem-

Preface

oirs from the Hoover fund, Stanford university (USA). And then a few pages from an interesting intelligence report, describing the commanding officers of the Finnish army in 1940.

As usual one will find here also the review of a significant newly published book, this time a military history of Russia in the First World War by V. K. Shatsilo. The issue closes with our traditional Chronicle of the Department's events from April to September 2011.

N. B. All papers and documents published in the former issues of our Proceedings are now available free of charge on our Internet site: <http://novist.narod.ru/sborniki.html>.

ЗАОСТРОВЦЕВ БОРИС ПАВЛОВИЧ **(06.04.1953 – 06.08.2011)**

В ночь на 6 августа 2011 г. ушел из жизни кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ Борис Павлович Заостровцев. Коллектив кафедры скорбит, а вместе с ним и весь Исторический факультет. За пять лет работы на кафедре Б. П. Заостровцев стал ее душой. Его творческая энергия и оптимизм, открытость и доброжелательность согревали всех, кому довелось работать с ним рядом. Борису Павловичу шел 58-й год, когда его не стало. Его внезапная смерть от тромбоза стала еще одним подтверждением печальной статистики о ранней мужской смертности в нашей стране. Не жалея себя, он целиком и полностью отдавал свои силы любимому делу, кафедре, студентам, семье и не заботился о своем здоровье. Из жизни ушел человек в расцвете сил, который своими знаниями и опытом мог бы принести еще много пользы людям. Его семья, друзья, коллеги, студенты, все мы понесли тяжелую утрату.

Б. П. Заостровцев родился 6 апреля 1953 г. в г. Архангельске в интеллигентной семье: мать, учительница литературы, отец, инженер, ветеран Великой Отечественной войны.

В 1970 г., после окончания средней школы в Ленинграде, Борис Павлович был принят на работу слесарем в цех № 20 завода «Волна» Научно-производственного объединения им. Коминтерна, где проработал до 1974 г. Активный член Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ), он был руководителем «Комсомольского прожектора» цеха. Инструктор организационного отдела Красносельского районного комитета ВЛКСМ, он был из тех комсомольцев-романтиков, которых отличала незашоренность взглядов, без догматизма и низкопоклонства.

Работу на заводе и в райкоме ВЛКСМ Б. П. Заостровцев совмещал с учебной на вечернем отделении Исторического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. Жданова, куда поступил в сентябре 1970 г. С юных лет определился интерес Бориса Павловича к экономической истории и к иностранным языкам. На Историческом факультете он с увлечением изучал английский язык, а в 1972–1973 гг. прошел курс обучения на Испанском отделении Московского государственного заочного института иностранных языков.

В 1976 г. Б. П. Заостровцев окончил Исторический факультет (специализация – история Нового и новейшего времени стран Западной Европы) и был направлен на работу в среднюю школу № 387 Кировского района Ленинграда организатором внешкольной и внеклассной работы.

В октябре 1978 г. был принят соискателем на кафедру Всеобщей истории Ленинградского государственного педагогического института (ЛГПИ) им. А. И. Герцена.

В 1979 г. Министерством обороны СССР был командирован в Венгерскую Народную Республику для работы учителем истории средней школы № 86 (г. Комаром) Южной группы войск. Там он познакомился со своей будущей супругой Еленой Борисовной, учительницей географии и пионервожатой, с которой создал счастливую и дружную семью. Отказавшись в феврале 1980 г. «разоблачить произраильскую группировку» среди педагогического коллектива школы, несмотря на предписание политотдела дивизии, Борис Павлович рисковал своим благополучием. Обвинение в «подрыве боеспособности Советских войск за рубежом» и персональное дело были следствием его смелого поступка. К счастью, Политическое и Разведывательное управление Южной группы войск замяло дело.

Вернувшись в Ленинград в августе 1981 г., он возобновил работу в школе № 387, где преподавал историю и обществоведение.

В июне 1985 г. с успехом защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Англо-американские отношения в европейском регионе (1912 – 1914 гг.)» под руководством доктора исторических наук, профессора В. К. Фураева.

С 1986 г. Б. П. Заостровцев преподавал историю в ленинградских – питерских ВУЗах, в том числе в Российском государственном педагогическом университете (РГПУ) им. А. И. Герцена на кафедре Всеобщей истории.

В 2003 г. ему было присвоено ученое звание доцент.

В 2006 г. Борис Павлович начал преподавательскую работу на кафедре истории Нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ. Работа на кафедре была для него тем более значительной и интересной, что он был ее выпускником. Его однокурсники С. В. Шершнева и В. И. Фокин были в числе ее преподавателей, как и В. Н. Борисенко и О. Ю. Пленков, с которыми его связывали годы работы в РГПУ им. А. И. Герцена. Жизнерадостный, дружелюбный, всегда внимательный к окружающим, Борис Павлович был душой компании, как в студенческие, так и в зрелые годы. Хороший и верный товарищ, наделенный душевной щедростью, интересный собеседник, он рад был новым знакомствам и не забывал старых друзей. В 2010 г. с энтузиазмом поддержал инициативу своих товарищей по учебе о возобновлении встреч, когда-то регулярных.

На кафедре Б. П. Заостровцев вел активную научную работу. В сфере его научных интересов были мировая экономическая история XX в., феномен влияния «большого бизнеса» на международные отношения, проблемы государственного регулирования рынка ценных бумаг в США и социально-экономическая политика президента Вудро Вильсона накануне Первой мировой войны. Скрупулезный исследователь, он был автором более десяти фундаментальных работ, среди которых научные статьи, учебно-методические пособия и рецензии. Лекционные курсы Бориса Павловича, читавшиеся им в рамках кафедральной специализации, пользовались неизменной популярностью среди студентов. Великолепный оратор, он завораживал слушателей простотой и доступностью изложения обширного материала, которым владел в совершенстве. Его семинарские занятия проходили в непринужденной атмосфере дискуссии по ключевым проблемам истории Нового и новейшего времени.

Борис Павлович любил студенческую молодежь, живо интересовался ее проблемами, но и строго с нее спрашивал. Он был требовательным научным руководителем, справедливым рецензентом на защитах дипломных работ. Но требовательным он был, прежде всего, по отношению к самому себе. Чем бы он ни занимался, он делал все тщательно и качественно. И всю жизнь учился. Великолепно владея английским языком, свободно на нем общаясь, он ходил на курсы повышения квалификации для научно-педагогических работников. И так во всем и всегда.

Б. П. Заостровцев принимал активное участие в учебной и научной жизни кафедры и факультета. С 2008 г. являлся координатором по международному сотрудничеству профессорско-преподавательского состава

Исторического факультета СПбГУ. В составе оргкомитетов способствовал проведению международных научных конференций. Благодаря его творческой энергии, начиная с 2007 г. на кафедре стали выходить ежегодные издания в виде сборника статей и научных сообщений, выполненных ее сотрудниками, студентами и аспирантами («Труды кафедры истории Нового и новейшего времени»). Борис Павлович был составителем и ответственным редактором этого сборника, выпустив пять его номеров. Он занимался подготовкой шестого номера, когда смерть забрала его у нас.

О Борисе Павловиче трудно говорить в прошедшем времени. Его неожиданная кончина в разгаре лета шокировала нас всех, его коллег, студентов, аспирантов. Многочисленны были те, кто, находясь в те августовские дни в Санкт-Петербурге, присоединились к его родным и близким, чтобы проводить его в последний путь. У Бориса Павловича остались жена, дочери и внуки, которым мы выражаем наши искренние и неутешные соболезнования.

Борис Павлович Заостровцев прожил недолгую, но прекрасную и насыщенную событиями жизнь, ведь смыслом ее было служение людям и исторической науке. Горечь утраты всегда будет довлеть над теми, кто знал Бориса Павловича.

Друзья и коллеги по историческому факультету
Санкт-Петербургского государственного университета

І. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Н. П. Евдокимова

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ: БЫЛ ЛИ АРИСТИД БРИАН РЕНЕГАТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ?

Нетерпимость, враждебность к чужому мнению, образу мысли, поступкам нередко проявляется в неприязненных, неаргументированных оценках и суждениях некоторых историков о тех или иных политических, государственных деятелях. Речь идет, конечно, о буржуазных государственных деятелях и политиках, среди которых в советской историографии особым вниманием пользуется Аристид Бриан. Советские историки не жаловали видного государственного и политического деятеля Франции конца XIX – первой трети XX вв. А. Бриана какими-либо положительными оценками и характеристиками. За именем Бриана на протяжении многих лет и десятилетий следует характеристика, ставшая клише — «ренегат социалистического движения»; далее нередко следуют рассуждения о том, что Бриан в молодости примкнул к рабочему движению, чтобы, приобретя в нем популярность, стать депутатом, министром. То есть Бриану приписывалась некая изначальная преданность в поступках: использовать рабочее, социалистическое движение в качестве трамплина для достижения высших государственных постов. А затем, по мнению советских историков, достигнув этих постов, он предал рабочий класс, стал верным слугой буржуазии, проводником ее влияния в рабочем классе.

Советские историки при этом не были оригинальными: это мнение они заимствовали у В.И. Ленина, который писал об А. Бриане так: «Известный ренегат Бриан был некогда архиревolucionонером и глашатаем “всеобщей стачки“ ...он изменил рабочему классу и продался буржуазии»¹. Правительство, созданное Брианом в 1909 г. с участием А. Мильерана и Р. Вивиани, Ленин назвал «министерством трех ренегатов». А далее, следуя традиции советской историографии – не анализировать, не подвергать сомнению, переосмыслению ленинские оценки,

историки, отталкиваясь от этих оценок, тиражировали их, дополняя их собственными суждениями и характеристиками. Приведем некоторые, наиболее колоритные из этих характеристик. А. З. Манфред писал так: «Ф. Пеллутье и Аристид Бриан, подвизавшийся в те времена в качестве *“архиревolucionера”*, развернули широкую пропаганду всеобщей экономической стачки в качестве универсального средства разрешения социального вопроса»². Другой крупнейший специалист по истории Третьей Французской республики В. И. Антюхина-Московченко пишет, что, пытаясь объединить рабочие и социалистические силы, «гедисты встретили сильное сопротивление со стороны таких сознательных, как Бриан, или стихийных, как Пеллутье или Аллеман, проводников буржуазного влияния в рабочем классе»³. Еще одно парадоксальное суждение В. И. Антюхиной-Московченко о Бриане: «Пытаясь оправдать доверие буржуазии, Бриан стремился проводить политику сглаживания противоречий путем подчинения рабочего класса буржуазному влиянию. Его правительство (1909 – 1911 гг.) в этих целях провело 5 апреля 1910 г. давно обсуждавшийся закон о пенсиях для рабочих и крестьян, устанавливавший обязательное страхование всех низкооплачиваемых лиц наемного труда с 65-летнего возраста»⁴. Подобных характеристик и оценок личности Бриана и его деятельности можно найти еще довольно много в нашей исторической литературе. Мы не найдем только попыток выявить мотивы тех или иных поступков Бриана, разобраться в причинах его причастности к рабочему, социалистическому движению и причин разрыва с ним.

Но как же все было на самом деле? Как А. Бриан стал социалистом? С чего начиналось его приобщение к политике? Было ли естественным его участие в синдикалистском движении? Что послужило основанием для его разрыва с социалистами в момент их объединения? Попытаемся разобраться в этом.

* * *

А. Бриан (1862 – 1932 гг.) родился в семье с весьма скромным достатком. Его отец был владельцем небольшого кафе сначала в Нанте, затем – в Сен-Назере. Бриан получил хорошее образование: в коллеже Сен-Назера, где он был полупансионером, здесь он встретился с прекрасным учителем словесности, директором коллежа, г. Женти, который обнаружил в своем ученике способности, развил их, добился для него стипен-

дии для продолжения образования в лицее г. Нанта. О неординарных способностях А. Бриана свидетельствовали похвальные листы, ежегодно получаемые им в коллеже, а затем и в лицее за знания латыни, греческого, английского, французского языков, истории, географии; за победу в конкурсе он был удостоен почетного приза Реннской академии за французскую речь. По окончании лицея он получил степень бакалавра словесности. Никто из политиков Третьей республики, его современников, пишет французский историк, автор последней биографии А. Бриана Ж. Онже, не был из более скромной, бедной среды, чем Бриан, и никто из них не мог похвастаться такими достижениями в учебе, как он⁵. Обучение на юридическом факультете Парижского университета (1883 – 1886 гг.) Бриан должен был совмещать с работой клерком в одной из юридических контор в Латинском квартале: теоретический курс, таким образом, дополнялся практическим знакомством с судебной системой страны. Благодаря работе Бриан мог чувствовать себя материально независимым от родителей.

На годы студенчества А. Бриана приходится приобщение его к политическим дискуссиям. В начале 80-х гг. XIX в. Франция переживала кризис, охвативший промышленность, сельское хозяйство, банковское дело. Действительность, окружавшая его в бурлящей политической, общественной, социальной, культурной жизнью столице, не оставила Бриана равнодушным. Что такое бедность в его родном крае – Бретани, он знал. В Париже его поражали резкие контрасты столичного города. С одной стороны, он видел бедность и нищету в рабочих кварталах, марши безработных, которые в 1883 г. стали почти обыденным делом из-за кризиса и связанной с ним безработицей. Бедность он видел в кварталах, населенных рабочими и ремесленниками. С другой стороны, он наблюдал, как вполне благополучная «буржуазия щеголяет в своих ландо и каретах, разъезжая вдоль авеню, ведет легкое фривольное существование», пишет Ж. Онже, и отмечает, что эти наблюдения вызывали у молодого человека чувство протеста, ощущение несправедливости. «Этот протест, — пишет Онже, — будет мотором в его политической деятельности в течение долгих лет. Он мог его привести только в лагерь ультралевых»⁶.

Первой демонстрацией политических настроений Бриана стала его статья в газете “La Démocratie de l’Ouest”, которая издавалась в Сен-Назере с октября 1883 г. Газета позиционировала себя как орган рабочих, коммерсантов, крестьян, моряков. Владелец газеты Евгений Куронне, сторонник радикалов, в августе 1884 г. предложил А. Бриану войти в

состав редакционного коллектива. 17 августа 1884 г. появилась первая статья, названная автором “*Alea jacta est!*” («Жребий брошен!»). Пафос статьи, полемический задор, уничижительная ирония статьи были направлены на критику политики правительства и парламента, в частности, на критику только что принятого конституционного закона о реформе сената. Бриан критикует главу правительства Ж. Ферри и его сторонников за то, что они не выполнили обещание – не упразднили сенат, как это предусматривалось программой радикалов, а ограничились упразднением института пожизненных сенаторов. Он критикует в целом политику правительства «за расстройство финансов», за состояние армии, «скомпрометированной в колониальной авантюре», критикует и «бесчестную, развращенную Палату депутатов»⁷. Статьи Бриана стали появляться регулярно. В многочисленных статьях он язвительно, в свойственной ему колючей манере критикует и местные власти Сен-Назера, что даже приводит его к дуэли с председателем торговой палаты Сен-Назера Дювалем. У него появились и друзья, и враги.

Летом 1886 г. с дипломом юриста А. Бриан вернулся в Сен-Назер. К этому времени у него уже была репутация бунтовщика и ультралевого политика. Он сосредоточивает внимание на своей адвокатской практике, приобретая навыки в судебных заседаниях, где рассматривались обычные дела. Он курсировал между Сен-Назером и столицей департамента Нижняя Луара Нантом, и другими городами и городками округа. Самые маленькие судебные дела приносили ему известность как адвокату. Здесь он оттачивал свое ораторское мастерство, которое помогало ему побеждать в процессах, покорять аудиторию мастерски выстроенной речью. Департаментская пресса не раз отмечала его красноречие, талант защитника обвиняемых⁸.

Известность приходила к А. Бриану не только из залов судебных заседаний, но и с другой стороны – от простых людей: в свободное время он путешествовал по родной Бретани. С рюкзаком за плечами он совершал длинные пешие переходы, останавливаясь в деревенских трактирах, подолгу доверительно беседовал с трактирщиками, крестьянами, рабочими, вникал в их нужды. Впечатления, приобретенные в этих путешествиях, дополняли его представления о жизни народа. Все биографы отмечают понимание Брианом простых людей, поскольку он говорил с ними на одном языке⁹.

К этому времени (вторая половина 1880-х гг.) относится начало его дружбы и сотрудничества с Фернаном Пеллутье, гиперактивным, по

отзывам многих его сотрудников, журналистом и политиком. Они познакомились в газете “La Démocratie de l’Ouest”. Бриан в течение многих лет был сторонником радикалов, что проявлялось в его журналистских материалах. Не был чужд ему и интерес к социальным проблемам. С Пеллустье пришел интерес к социалистическим идеям.

Что собой представляло социалистическое движение во Франции в 80-х – 90-х гг. XIX века? Сложность состояла в его неоднозначности, калейдоскопичности, наличии множества течений, групп, которые вели между собой беспринципную борьбу за влияние на рабочее движение. Наиболее авторитетной в социалистическом движении Франции была созданная в 1880 г. Французская рабочая партия, возглавляемая Ж. Гедом, стоявшим на позициях классовой борьбы и завоевания политической власти рабочим классом в результате революции. Определенную роль играла партия сторонников доктора П. Брусса, POSSИБИЛИСТОВ, сформировавшаяся в результате раскола Рабочей партии на съезде в Сент-Этьене в 1882 г., и получившая название Рабочей партии французских социалистов-революционеров, ратовавшей за отказ от классовой борьбы и использование только парламентских средств борьбы. Вернувшиеся после закона об амнистии из эмиграции и ссылки сторонники О. Бланки, возглавляемые бывшим коммунаром Э. Вайяном, создали свою партию — Центральный революционный комитет, высказывались за завоевание политической власти. В результате раскола POSSИБИЛИСТОВ в 1890 г. образовалась еще одна партия – Революционно-социалистическая рабочая партия, аллеманисты, названная так по имени возглавлявшего ее бывшего участника Парижской коммуны Жака Аллемана. Помимо названных организаций существовало множество групп и группок социалистов, называвших себя «независимыми», оказывавших влияние на неорганизованных рабочих. Все более активными, особенно в периоды подъема стачечного движения, становились анархисты¹⁰.

80-е – 90-е годы XIX в. были отмечены и ростом стачечного движения. Забастовки происходили в разных отраслях производства. Особенно упорными традиционно были забастовки шахтеров, но бастовали и текстильщики, железнодорожники, рабочие других отраслей промышленности. Забастовочное движение способствовало росту числа профсоюзов и численности их членов. Закон 1884 г. о легализации синдикатов расширил возможности рабочих организаций и усилил стремление к их объединению в национальном масштабе. На общенациональном конгрессе профсоюзов, созванном по инициативе гедистов в 1886 г. в Лионе,

была создана Национальная федерация синдикатов (НФС)¹¹. Под идейным влиянием Рабочей партии конгресс отметил, что профсоюзы должны стоять на позициях классовой борьбы и бороться вместе с социалистической партией¹². Бедой партии было то, что гедисты не воспринимали синдикаты в качестве самостоятельной, со своими целями и задачами формы рабочих объединений. Участвуя в создании профсоюзов, руководство Рабочей партии видело их роль лишь в том, чтобы использовать их как «простой трамплин для политической деятельности», чтобы «распространять там социалистические идеи и привлекать рабочих на сторону программы партии»¹³. То есть синдикаты, НФС должны были стать своего рода резервуаром для пополнения численности членов Рабочей партии.

Однако при множественности объединений и групп социалистов, существовавших во Франции в 80-х – 90-х гг. XIX в. трудно представить, что НФС останется единственным объединением массовых организаций рабочего класса. Противовесом и оппонентом Национальной федерации синдикатов станет специфическая форма организации французских рабочих — биржи труда, объединявшие рабочих одной местности — муниципалитета, города, департамента. Биржи труда занимались поисками работы для утративших ее, организацией помощи забастовщикам, выплаты пособий безработным и т.д. В феврале 1892 г. на съезде представителей бирж труда в Сент-Этьене была создана Федерация бирж труда (ФБТ), руководителями которой стали Фернан Пеллутье и Аристид Бриан. Отличие от Национальной федерации синдикатов состояло еще и в том, что Федерация бирж труда была организацией автономной, не признающей руководства со стороны политической партии. Гедисты, пренебрежительно относившиеся к синдикалистским организациям вообще, с недоверием относились к биржам труда¹⁴. Это недоверие мотивировалось известной материальной зависимостью бирж труда от местных властей, поскольку муниципалитеты, в частности, способствовали аренде синдикатами помещений. Гедисты полагали, что через биржи труда власти будут оказывать влияние на развитие профсоюзной борьбы, что профсоюзы окажутся под контролем буржуазии.

Такую пеструю картину представляло социалистическое движение Франции в те годы, когда настала пора для Бриана определить свою принадлежность к нему. Какое течение он выберет? В начале 1892 г. вместе с Ф. Пеллутье Бриан стал участвовать в работе местной ячейки Французской рабочей партии. Почему Бриан сделал выбор в пользу наиболее

доктринерской партии? Возможно потому, что Рабочая партия в это время была самой многочисленной, наилучшим образом организованной, самой активной, у нее были авторитетные лидеры – Жюль Гед и Поль Лафарг. То обстоятельство, что Рабочая партия призывала к революции, мало уделяя внимания повседневным нуждам рабочих, и, следуя формуле Ж. Геда «все или ничего», не вела борьбы за реформы, которые улучшили бы положение рабочего класса, неизбежно должно было развести гедистов и А. Бриана, который как раз много говорил и делал для оказания повседневной помощи тем, кто оказался в затруднительном положении в результате забастовки или безработицы. Не отвечал взглядам Бриана и призыв гедистов к революции. Все исследователи биографии Бриана подчеркивают его неизменную приверженность мирным средствам борьбы, предпочтение реформам, а не революции, отрицание им насилия и жестокости.

Эти расхождения отчетливо проявились уже во время первой встречи А. Бриана с одним из лидеров ФРП П. Лафаргом, который во время пропагандистской поездки по стране в начале 1892 г. посетил Сен-Назер. Это было после знаменитой первомайской демонстрации 1891 г. в Фурми (департамент Нор), расстрелянной войсками и полицией, когда 10 человек были убиты и 35 ранены. Министр внутренних дел Констан ответственность за события возложил не на армию и полицию, а на социалистов, призывавших рабочих к этой демонстрации. Лафарг, который за месяц до этой демонстрации, выступая в Фурми, заявил, что хозяева – это «беспольные животные», которых надо убивать «как беспольных животных», оказался, как пишет Ж. Онже, идеальным обвиняемым¹⁵ в призыве к бунту и к убийству фабрикантов. Лафарг и руководитель местной организации Рабочей партии рабочий Кюлин приговором суда были осуждены на тюремное заключение. Избрание Лафарга депутатом парламента на дополнительных выборах в Палату депутатов, состоявшихся 8 ноября 1891 г., привело к его освобождению.

10 и 11 января 1892 г. в рамках пропагандистского турне, по приглашению рабочих-социалистов, П. Лафарг посетил Сен-Назер и Триньяк. Речи Лафарга, как отмечает Ж. Онже, не отличались особым колоритом (*sans nuances* - без нюансов)¹⁶. На предложение проголосовать за сбор 50 тысяч франков в помощь жертвам Фурми Лафарг заявил, что «кровь рабочих не смывается золотом» и заговорил о близкой революции. Бриан парировал высокомерное заявление Лафарга, призывая социалистов к достижению большего согласия между лидерами, к необходимости

выработки «более однородной программы», когда сильная организация стала бы гарантом того, что «рабочие, которых бросят на завоевание власти, не будут вместе со своими женами и детьми подвергнуты репрессиям, безработице, ужасам нищеты и голода». Бриан призывал к мирной революции, исключая жестокость и насилие. Верным себе остался и Лафарг: что бы ни произошло с пролетариатом, нужно начинать битву немедленно, ответил он Бриану¹⁷.

Перепалка с Лафаргом убедила Бриана в преимуществе собственных взглядов на рабочее движение, но и в необходимости их теоретического обоснования. Весной и летом 1892 г. вместе с Ф. Пеллутье Бриан занимался сочинением теоретического труда о всеобщей стачке. Вопрос о всеобщей стачке как средстве борьбы рабочего класса в эти годы был одним из самых обсуждаемых в социалистическом движении Франции. В статьях в прессе, в различных дискуссиях А. Бриан постоянно в качестве альтернативы революции упоминал всеобщую стачку – мирное, без насилия и жертв, средство борьбы рабочего класса за улучшение своего положения.

Попыткой ответить на комплекс вопросов – что такое всеобщая стачка, как она должна быть подготовлена и осуществлена, к какому результату она должна привести, и была работа, которую авторы назвали так: «О революции, осуществленной всеобщей стачкой» (“De la Révolution par la grève générale”). Все биографы Бриана постоянно подчеркивали, что он был сторонником мирных средств борьбы, исключая жестокость и насилие. Они определяют его термином «conciliateur» — соглашатель, примиренец. Ф. Пеллутье, как отмечает Ж. Онже, был менее чувствителен к возможной жестокости, порожденной революцией¹⁸.

В тексте Записки о всеобщей стачке акцент делается на мирном и законном характере этого средства борьбы, предназначенного для проведения революции без насилия, без жестокости. Авторство этого положения, конечно, принадлежит Бриану. Авторы настаивают на необходимости придания всеобщей стачке международного характера. Подчеркивают связь между своей идеей всеобщей стачки и правами, предоставленными Республикой. И это — второе важное положение, которое постоянно будет и в дальнейшем отстаивать А. Бриан, положение о законности, легальности всеобщей стачки.

Дальнейшее описание практических конкретных действий, связанных с всеобщей стачкой: как она объявляется? что следует далее? — отличается наивностью, идеализмом, отсутствием реалистического представле-

ния о состоянии рабочего, в том числе и синдикалистского, движения. Авторы пишут так. В течение пяти лет четыре миллиона французских членов синдикатов будут платить членские взносы (предположительно увеличенные), чтобы рабочие смогли продержаться две недели, необходимые для успешного проведения всеобщей стачки. Чтобы не дать умереть с голода в течение этих пятнадцати дней участникам забастовки и членам их семей, на собранные деньги организаторы арендуют большой склад. Здесь в течение последнего полугодия перед стачкой накапливаются продовольственные резервы¹⁹. Что наивно и нереалистично в этих рассуждениях авторов? Во-первых, численность членов синдикатов явно завышена. Клод Виллар, отмечая рост численности членов синдикатов на протяжении 1890-х гг., указывает, что на 31 декабря 1899 г. во Франции насчитывалось 2685 синдикатов, объединяющих 492647 рабочих²⁰. То есть ни о каких четырех миллионах речь не шла! И, наконец, наивным со стороны авторов было предположение, что буржуазное государство позволит создавать хранилище резервов, которые должны были использоваться для его уничтожения. Неясно представлена была авторами и перспектива: после победы забастовщиков «народ овладевает властью». Какой будет эта власть? Что станет с государством? «Ответа на эти волнующие вопросы», пишет Ж. Онже, авторы не дают²¹.

Пропаганда идеи всеобщей стачки, развернутая А. Брианом и Пеллутье в **“La Démocratie de l’Ouest”**, в выступлениях перед членами синдикатов и местной секции Французской рабочей партии, в различных интервью, делала все более популярной эту идею. Еще более популярными в родной Бретани становились и сами пропагандисты. В итоге несколько организаций бирж труда и местной (сен-назерской) секции Рабочей партии делегировали А. Бриана на конгрессы Национальной федерации синдикатов (находившейся под влиянием гедистов) и Французской рабочей партии, которые состоялись в сентябре 1892 г. в Марселе. Ошибочно не признавая синдикаты самостоятельной частью рабочего движения, гедисты допускали и другие ошибки: конгрессы Федерации синдикатов и Рабочей партии проходили практически одновременно, в одном городе, круг обсуждавшихся вопросов и ораторы были одними и теми же. Так было и в Марселе: 19 – 23 сентября 1892 года здесь проходил конгресс Национальной федерации синдикатов, а 24 – 28 сентября – конгресс Рабочей партии; «около одной трети делегатов обоих съездов, профсоюзного и политического,— отмечает К. Виллар,— составляли одни и те же люди: 19 на съездах 1890 г., 42 на съездах 1892 г.»²². Главным вопро-

сом обоих конгрессов был вопрос о всеобщей стачке. Главным оратором по этому вопросу на синдикалистском съезде был Аристид Бриан, он же был одним из основных ораторов на съезде партии.

На конгрессе Национальной федерации синдикатов Бриан выступал несколько раз, обратил на себя внимание участников конгресса и журналистов своим ярким ораторским талантом. Гедисты потерпели поражение по двум важным вопросам: под влиянием Бриана, в порыве энтузиазма, как пишет К. Виллар, синдикалистский съезд проголосовал единодушно за всеобщую стачку и отверг гедистскую тактику посылки делегаций к органам государственной власти, намечавшуюся на 1 мая 1893 г.²³ Успех А. Бриана вызвал недовольство противников всеобщей стачки — гедистов. Отношение гедистов к забастовкам, в том числе к всеобщей забастовке, было сродни их отношению к реформам. Принцип Ж. Геда «Все или ничего» нацеливал на борьбу против капитализма вообще, а не на борьбу за частичные уступки буржуазного государства, улучшающие положение рабочего класса. Иногда, правда, из тактических соображений, гедисты и сам Гед все же поддерживали требования реформ²⁴. Что касается забастовок, то гедисты утверждали, что всеобщая забастовка — это утопия, которая может завести рабочих в тупик, отвлечь рабочий класс от политической борьбы за завоевание власти, разоружит пролетариат в его борьбе против буржуазии. Рабочая партия придавала второстепенное значение выступлениям рабочих за удовлетворение их насущных требований, оставалась в стороне от серьезных выступлений рабочих. Отстаивая право рабочих на забастовку, гедисты, как пишет К. Виллар, «не понимали, какую пользу могла принести подобная борьба, забастовка казалась им даже скорее опасным, чем полезным оружием». Они полагали, что забастовка истощает синдикаты, лишает их средств, необходимых для классовой борьбы «в ее наиболее необходимой и наиболее непосредственной форме — в форме завоевания государственной власти»²⁵. Гедисты видели, что идея всеобщей стачки становится все более популярной, она завоевывала синдикаты, и они пытались с этим бороться.

В преддверии начала конгресса Рабочей партии это обстоятельство не могло не беспокоить руководство партии. Среди лидеров партии только Лафарг был знаком с Брианом, помнил и о перепалке с ним в январе 1892 г. По-видимому, память была недоброй. Иначе чем объяснить брошенную Лафаргом теперь фразу, что Бриан — это «политик, который состоит на жаловании у Констанана», министра внутренних дел²⁶. Лафарг

при этом не обращался ни к кому и ко всем, кто хотел его услышать. Эта фраза не делала чести Лафаргу, она свидетельствовала о той глубокой неприязни, которая возникла у него по отношению к Бриану – молодому, энергичному, талантливому оратору и начинающему политику.

Предотвратить выступление А. Бриана на конгрессе Рабочей партии, открывшемся 24 сентября, на следующий день после завершения синдикалистского конгресса, ставшего, по сути, триумфом Бриана, было невозможно. Да еще Бриан обратил на себя внимание тем, что предложил избрать почетным председателем собрания гостя конгресса Карла Либкнехта, лидера Социал-демократической партии Германии²⁷. И предложение было принято.

Вечером того же дня Аристид Бриан предстал перед участниками конгресса и, как он позже говорил, перед лицом «бородатых стариков (старикашек) ортодоксального гедизма, перед брюзгливыми стариками партии»²⁸. Спокойно и сдержанно Бриан говорил о всеобщей стачке, противопоставляя «дорогому сердцу Геда романтическому восстанию» забастовку «скрещенных рук», не преминув при этом упомянуть о законности этого средства борьбы. Он напомнил, что «до настоящего времени, чтобы подготовить наступление экономического социализма, используют только два метода – революцию и всеобщее избирательное право». Но «было бы ребячеством думать о том, чтобы начать кровавый романтический эксперимент, романтический вооруженный захват власти». Попытка организовать восстание, утверждал он, будет обречена «в наше время на фатальную неудачу» из-за невозможности построить баррикады на современных широких проспектах. «Война на улицах – это другая эпоха». А второй метод даст результат, говорил Бриан, но социалисты еще слишком слабы, социалистическая партия численно недостаточна, чтобы мечтать о взятии власти. Почему бы в этих условиях не использовать забастовку, законное средство борьбы, сделав ее всеобщей? «Таким способом пролетариат показал бы свою силу, свою роль создателя богатств, и легко завоевал бы реформы, по поводу которых сейчас с ним ревниво торгуются общественные власти». Все, о чем говорил Бриан, соответствовало его взглядам об отказе от насилия и жестокости, о возможности использовать средства, предоставленные рабочим законами Республики²⁹.

Отвечать на эту «почти академическую речь, спокойно произнесенную Брианом»³⁰, взялся сам Ж. Гед. Он утверждал, что его партия – это «классовая партия... партия социальных преобразований, революции и восстания, когда это восстание станет возможным». Далее он напо-

нил, что все смены режима происходили в результате государственного переворота или восстаний: Бурбоны, говорил он, были реставрированы в 1814 и 1815 гг. с помощью оружия и иностранных пушек; Орлеаны взяли власть в свои руки в результате трехдневной борьбы в июле 1830 г; бонапартисты восстановили империю, используя пушки; республиканцы вновь пришли к власти в результате восстания 4 сентября. «Пролетариат в свою очередь будет действовать так же»³¹. Позицию Геда поддержала значительная часть делегатов конгресса. Гед торжествовал. Но и А. Бриан не потерпел сокрушительного поражения – у него появились сторонники в рядах Рабочей партии.

Вопрос о всеобщей стачке стал одним из самых обсуждаемых в социалистических партиях и в синдикалистском движении. Не менее значительным для самого Бриана стало то обстоятельство, что после конгрессов в Марселе он обрел известность, стал узнаваемым в национальном масштабе. В Сен-Назере, где у него появлялось все больше сторонников, но не уменьшалось и число противников, ему становилось тесно. Вот почему он, не раздумывая, принял предложение главного редактора газеты “*La Lanterne*” Майера создать и возглавить рабочую рубрику в этой столичной газете.

Время, когда А. Бриан обосновался в столице, для Франции продолжало оставаться непростым. Едва выйдя из серьезнейшего внутриполитического, буланжистского, кризиса, преодолев скандал в Елисейском дворце, завершившийся отставкой Жюля Греви с поста президента Республики, страна была втянута в коррупционный скандал в компании, занимавшейся строительством Панамского канала. А затем оказалась на пороге нового внутриполитического кризиса, связанного с делом Дрейфуса. На этот весьма неблагоприятный политический фон накладывалось и рабочее движение, активно проявлявшееся в различных формах – в манифестациях, забастовках, анархистском терроре.

Вопреки запрету правительства синдикаты, поддержанные бланкистами и аллеманистами, 1 мая 1893 г. организовали демонстрацию, которая закончилась столкновением с полицией и армейскими частями. В результате — на мостовой осталось много раненых. Проходили и другие манифестации и шествия. Назойливо активным стал анархистский террор: в декабре 1893 г. анархисты бросили бомбу в Бурбонский дворец, резиденцию Палаты депутатов, 70 человек было ранено; в феврале 1894 г. бомба была брошена в отель у вокзала Сен-Лазар; а 24 июня того же года в Лионе анархистом был убит президент Республики Сади Карно.

Правительство использовало обстановку для ужесточения внутренней политики, что проявилось и в принятии так называемых «злодейских законов», и в репрессиях против по-прежнему раздробленных социалистов и синдикалистов. Бриан оказался в центре событий. Во время первомайской демонстрации 1893 года он находился среди рабочих, призывал к спокойствию, утверждал, что «большие манифестации могут быть только мирными», что попытка ответить агрессией на агрессивные действия правительства может привести к еще большим жертвам³². В информации же парижских газет о манифестации Бриана стали называть вожаком, заправилой, главарем.

На съезде Федерации бирж труда, состоявшемся в Париже в 1893 г., по предложению Бриана было принято одностороннее решение о слиянии ФБТ с Национальной федерацией синдикатов. Кроме того съезд подтвердил верность принципу всеобщей стачки. Гедисты, находившиеся в руководстве НФС, отрицательно относившиеся и к идее всеобщей стачки, и к автору этой идеи Бриану, помешать стремлению синдикалистов к единству не могли. А стремление это ясно обнаружилось во время опроса по этому вопросу, проведенного Биржей труда Нанта, где в 1894 г. планировалось провести конгрессы Рабочей партии и Национальной федерации синдикатов. Бриан получил мандат делегата конгресса НФС от одного из синдикатов. Пеллутье, который почти одновременно с Брианом перебрался в Париж, был делегирован на конгресс НФС биржей труда Сен-Назера.

Синдикалистскому конгрессу предшествовал конгресс Рабочей партии, который проходил в Нанте 14 – 16 сентября 1894 г. Здесь главным лицом, конечно, был Ж. Гед. В выступлении в Нанте он осудил идею всеобщей стачки, как и частичную стачку как средство борьбы вообще, заявив, что стачки «не меняют существенно положения пролетариата». Несколько иную точку зрения высказал Ж. Жорес. Если, говорил он, допускаются частичные стачки, так как они могут принести рабочим некоторое улучшение их положения, когда сами рабочие думают, что они могут подготовить всеобщую стачку, почему не позволить проявиться здесь общественному мнению? «Не лишайте трудящихся оружия, в эффективность которого, справедливо или нет, они верят»³³. Решения конгресса утверждали позицию гедистов: «Социализм не побуждает к забастовкам, ибо даже там, где они приводят к цели, они оставляют трудящихся в их положении пролетариев, то есть наемных рабочих»³⁴.

17 сентября открылся конгресс Национальной федерации синдикатов. Гедисты оказались перед реальной перспективой остаться в меньшинстве на этом конгрессе. К. Виллар отмечает, что в протесте сторонников Геда против действий Федерации бирж труда, направленных, как они полагали, против Национальной федерации синдикатов, «сквозил скрытый страх перед необходимостью столкнуться с рабочими массами, находясь в меньшинстве». Автор отмечает, что успехи синдикализма, начиная с 1892 года, были достигнуты «без участия и даже вопреки гедистам, которые очень дорого заплатили за бюрократическое отношение» к синдикалистскому движению, «за свою неспособность указать в противовес всеобщей стачке другие революционные перспективы, за свои тактические ошибки»³⁵. На конгрессе Национальной федерации синдикатов «упорный догматизм» гедистов, их «революционная фразеология», мало сочетавшиеся, по словам К. Виллара, с реальностью, с очевидностью проявились.

Обсуждение вопроса о всеобщей стачке было еще более острым, чем на предыдущем конгрессе. Бриан в своем выступлении приводил все новые и новые аргументы в пользу возможности использования этого средства борьбы. Всеобщая стачка, говорил он, может укрепить рабочую солидарность. «Я не прошу голосовать за немедленное применение всеобщей стачки. Но почему вы отказываетесь голосовать за эту формулу?» Он убеждал, что, если рабочие организуют стачку за несколько месяцев до Всемирной выставки, которая должна была пройти в Париже в 1900 году, то правительство вынуждено будет принять закон о еженедельном и трехнедельном отпусках и о пенсионных кассах. Делегаты конгресса стоя аплодировали речи А. Бриана. Ф. Пеллутье на конгрессе высказал несколько отличную от А. Бриана точку зрения на всеобщую стачку. Необходимо отметить, что если и раньше Пеллутье не слишком щепетильно относился к возможности применения насилия в борьбе рабочего класса, то со времени переезда в Париж он сблизился с анархистами, что отдаляло его от Бриана. Но пока они были вместе. На конгрессе НФС Пеллутье говорил, что всеобщая стачка, стачка «скрещенных рук», ограниченная несколькими важными стратегическими секторами, — не что иное как революция, в ходе которой может быть применено насилие. Восстание, как утверждал Пеллутье, может быть обречено на поражение, и он ратовал за некий «тромбоз», способный победить государство и дать власть трудящимся. В выступлениях делегатов-гедистов, атаковавших Бриана, звучало определение всеобщей стачки как химеры, спо-

собной разделить народ и повести его к поражению. Один из делегатов иронично заявил: «Утверждают, что всеобщая стачка приводит в ужас капиталистов, что она нависает над ними как Дамоклов меч. Увы! Это только шпага адвоката, над которой буржуазия смеется». Самого же Бриана этот делегат презрительно назвал «судейским крючком (robin), который претендует на то, чтобы вести за собой рабочих»³⁶.

Голосование по вопросу о всеобщей стачке дало победу Бриану и его сторонникам: 65 голосами против 37, при 9 воздержавшихся делегаты согласились рассматривать всеобщую стачку как революционное средство борьбы. Не в пользу противников Бриана был решен и второй важный вопрос – о единстве. Было решено создать Национальный рабочий совет, в состав которого вошли по три представителя от Национальной федерации синдикатов и Федерации бирж труда и по одному человеку от каждой автономной федерации. Этот Совет должен был подготовить объединительный синдикалистский конгресс, который предполагалось провести в 1895 г. в Лиможе. Не поддержав идеи всеобщей стачки и преобладающее среди делегатов конгресса стремление к единству, гедисты обрели себя на изоляцию. И как считает К. Виллар, 21 сентября во второй половине дня покинув съезд («хлопнув дверью», пишет по этому поводу П. Онже), 16 делегатов Национальной федерации синдикатов пошли на раскол³⁷.

Лидеры Рабочей партии не смогли серьезно проанализировать свои ошибки, просчеты, которые привели их к разрыву с массовым рабочим движением. Об этом свидетельствуют слова, сказанные П. Лафаргом: Бриан и Пеллутье, говорил он, «разрушили нашу зарождающуюся синдикальную федерацию и нанесли удар нашей попытке объединения рабочих и социалистических сил»³⁸. В. И. Антюхина-Московченко, хоть и пишет о сектантских ошибках гедистов, цитируя Лафарга, косвенно соглашается с ним, вслед за ним перекладывая вину за случившееся в Нанте на людей, которые умели убеждать, умели бороться, опираясь на поддержку тех самых масс, с которыми утратили связь гедисты.

На съезде в Лиможе в 1895 г. была создана Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), за пределами которой оставалось еще несколько автономных синдикатов, и действительным объединение станет лишь в 1902 г. Национальная федерация синдикатов после Нантского конгресса, как пишет К. Виллар, медленно агонизировала, и в конце концов распалась. Гедисты официально бойкотировали Федерацию бирж труда и Всеобщую конфедерацию труда. В целом синдикалистское движение в эти

годы находилось в состоянии застоя, вызванного наступлением реакции, действием «злодейских законов», ограничивающих демократические свободы. В ВКТ шел процесс усиления анархо-синдикалистских тенденций. Все более приверженным анархизму становился Ф. Пеллутье, один из лидеров ВКТ, что увеличивало пропасть между ним и А. Брианом.

Чем отчетливее сказывалось влияние анархистских элементов в деятельности бирж труда, тем реже там бывал Бриан. В годы, последовавшие за Нантским конгрессом, он посещал Биржи труда, был делегатом конгрессов синдикалистов, но много сил и внимания отдавал работе в газете «La Lanterne». Постепенно руководство газетой перешло в его руки. Именно под его руководством газета, по утверждению Ж. Онже, стала действительно социалистической. Бриан смог привлечь к сотрудничеству с газетой Р. Вивиани, А. Мильерана, Ж. Жореса, а также радикалов К. Пельтана, Ж. Клемансо. И сам сотрудничал с газетами «La Petite République» и «La Justice», в издании которых участвовали названные лица. Его круг общения в эти годы – группа независимых социалистов, таких колоритных личностей как Жорес, Вивиани, Жеро-Ришар, Мильеран и другие. Некоторые из них были депутатами парламента. Бриан чутко вслушивался в разговоры депутатов о повседневной жизни Бурбонского дворца, о дебатах в Палате и о разговорах в ее кулуарах; прислушивался к едким репликам, которыми обменивались его новые друзья по поводу речей, произносимых в парламенте. В Бриане, который уже неоднократно неудачно баллотировался в депутаты, эти разговоры подогревали стремление стать парламентарием, которое он сможет реализовать только в 1902 году.

Во второй половине 1990-х годов три проблемы общественной жизни и жизни социалистов оказались взаимосвязанными. Дело Дрейфуса из банального дела о шпионаже превратилось в политическое в связи с разоблачением преднамеренной лжи суда и военных властей. Борьба прогрессивных сил страны в защиту Дрейфуса поставила перед социалистами вопрос о необходимости объединения всего социалистического движения. А вхождение независимого социалиста А. Мильерана в «правительство республиканской концентрации», созданного на волне борьбы за и против Дрейфуса, поставило под сомнение перспективу объединения социалистов, разделив их на сторонников и противников участия социалистов в буржуазном правительстве, министералов и анти-министералов.

А. Бриан и Ж. Гед вновь оказались по разные стороны «баррикад». Гедисты, как пишет К. Виллар, отмежевались от дела Дрейфуса как раз тогда, когда дело стало проясняться³⁹, а в общественном мнении наступил поворот – от равнодушия или осуждения Дрейфуса к его защите. В одной из деклараций Французской рабочей партии говорилось, что «пролетариату нечего делать в этой битве, это не его борьба», что «пролетарии должны лишь наблюдать со стороны и считать удары». Борьба за пересмотр дела Дрейфуса, утверждалось в декларации ФРП, «должна полностью отойти на задний план перед главной целью – борьбой за социальную революцию». В это время Жорес, стремясь ввести объединенные силы социалистов в борьбу за Дрейфуса, старался их объединить. Тенденция к единству находила отклик и в рядах ФРП. Но руководство партии потребовало и добилось от Жореса обещания, что он «не впутает социалистическую партию в дело Дрейфуса, а ограничится только своими собственными действиями». Догматизм, справедливо утверждает К. Виллар, делал гедистов слепыми, он помешал им глубоко проанализировать ситуацию. В результате «они остались в стороне от массового движения, отказавшись его возглавить»⁴⁰.

А. Бриан «не остался индифферентным наблюдателем», он включился в борьбу, «участвуя в различных дискуссиях и публикуя статьи в газетах», пишет один из его первых биографов А. Обер⁴¹. Во время избирательной кампании 1898 г., проходившей по определению Ж. Онже в «ядовитой атмосфере антисемитизма», один из противников Бриана назвал его «человеком евреев», который защищает Дрейфуса в «*La Lanterne*»⁴². Выборы были неудачными не только для Бриана: и Жорес, и Гед не были избраны в Палату депутатов. Но сразу после выборов Бриан вместе с Жоресом кинулся отражать новый приступ антидрейфусаров. Он с головой погрузился в борьбу, взяв на себя обязательство защищать «честь капитана» Дрейфуса, а также «ценности республики и гуманного социализма»⁴³.

К этому времени в Рабочей партии сформировалась достаточно четкая тенденция к преодолению сектантства руководства партии в деле Дрейфуса: многие организации и отдельные активисты, пишет Клод Виллар, отказывались «оставаться над схваткой». В сентябре 1898 г. Национальный съезд ФРП выработал компромиссное решение, в котором говорилось, что «партии следует вести агитацию вокруг последних военных, судебных и правительственных скандалов», чтобы «расширить социалистическое и революционное воспитание пролетариата». Но

занять определенную позицию «в частном случае с Дрейфусом» съезд отказался⁴⁴.

Однако атмосфера гражданской войны, проявившаяся, в частности, в активизации ультраправых сил и введении осадного положения в Парижском районе, заставляла социалистов, в том числе и гедистов, подумать о необходимости единства действий для защиты Республики. В середине октября 1898 г. возникает Постоянный комитет бдительности с представительством от всех социалистических групп. Бриан вошел в этот Комитет, воспринимаемый Жоресом и его сторонниками как шаг к единству действий всех социалистов. Однако как только Комитет бдительности к неудовольствию гедистов стал превращаться в комитет действия, они стали игнорировать его деятельность⁴⁵, чем похоронили Комитет, не похоронив, однако, идею единства.

Но едва на волне победы дрейфусаров⁴⁶, закалившиеся в борьбе социалисты ощутили возможность объединения, как на пути этого нарождающегося единства возникло новое препятствие, разделившее их. Фактором, взорвавшим относительное единство и спокойствие в рядах социалистов, стало создание в июле 1899 г. правительства «республиканской концентрации» во главе с Вальдеком-Руссо: на крайне левом фланге этого правительства был один из лидеров независимых социалистов А. Мильеран, на крайне правом – один из тех, кто проявил жестокость во время «кровавой майской недели» 1871 г. – генерал Галиффе. Вопрос – может ли социалист сотрудничать с буржуазным правительством – разделил социалистов. Гедисты и бланкисты высказались категорически против такого сотрудничества, осудив Мильерана в опубликованном ими манифесте, призывая покончить с «мнимосоциалистической тактикой, состоящей из компромиссов и отклонений, которыми слишком долго пытались подменить классовую политику»⁴⁷. Жорес и его сторонники, среди которых был и Бриан, одобрили вступление Мильерана в правительство, аргументируя это необходимостью использовать все средства для защиты Республики, которая по-прежнему находилась в опасности. А. Бриан, кроме того, в самом факте участия социалистов в буржуазном министерстве видел «совпадение интересов пролетариата и интересов всей нации, выполнение исторической миссии пролетариата, которая состоит в уничтожении классов»⁴⁸.

«Казус Мильерана» не помешал, а только осложнил и растянул во времени решение главного вопроса социалистического движения Франции

– об объединении. Однако позиция всех, по-прежнему многочисленных социалистических партий и групп, в подходе к решению этого важнейшего вопроса времени определялась в значительной степени отношением, прежде всего, их лидеров к мильеранизму как явлению и к Александру Мильерану как личности. Над всеми конгрессами социалистов витал дух министерализма и антиминистерализма.

На первом объединительном конгрессе, проходившем в зале Жапи в Париже в декабре 1899 г., гедисты и бланкисты обладали большинством. Гед соглашался вести дискуссию об объединении только в том случае, если участие социалиста в буржуазном правительстве будет осуждено конгрессом. «Доктринальная чистота была для него намного важнее, – пишет Ж. Онже, – чем сближение с другими социалистами, которые так мало значили в его глазах»⁴⁹. В результате трехдневных дискуссий по вопросу о министерализме большинством в 818 голосов против 634 конгресс принял резолюцию, осуждающую вхождение социалиста в буржуазное правительство. К. Виллар пишет, что «победа, одержанная гедистами в зале Жапи, оказалась пирровой победой»⁵⁰. Под влиянием Жореса, в своем выступлении напомнившим Лафаргу о некогда написанной им книге «Социализм и завоевание общественных властей», где автор выступал апологетом участия социалистов во власти⁵¹, и выступления Бриана, говорившего о том, что гедисты нередко отступали от своих принципов во имя власти, и сделавшего вывод о том, что все социалисты несут ответственность за поступок Мильерана⁵², конгресс принял и вторую резолюцию, которая допускала возможность участия социалиста в буржуазном правительстве в исключительных обстоятельствах. Эта резолюция собрала 1140 голосов против 240⁵³. Соотношение голосов вполне могло поставить под сомнение голосование по первой резолюции! Если Гед не придавал никакого значения второй резолюции, то независимые, аллеманисты и бруссисты считали, что эта резолюция оправдывает присутствие Мильерана в правительстве.

Что касается вопроса об объединении социалистов, то на конгрессе в зале Жапи произошло формальное объединение социалистических партий и групп, которые продолжали действовать самостоятельно. Главой созданного Генерального комитета, обладавшего административными функциями, был избран А. Бриан, хотя большинство в Комитете принадлежало гедистам. И это тоже ставило под сомнение надежность позиций ортодоксальных гедистов. И все же шаг в сторону единства был сделан.

Когда на следующем конгрессе, созванном в октябре 1900 г. с целью объединения, гедисты поняли, что резолюция, осуждающая участие социалистов в правительстве не получит большинства участников конгресса, они, следуя своей обычной тактике, покинули зал Ваграм, оставив поле битвы своим оппонентам. Оставшиеся в зале договорились предоставить Генеральному комитету мандат для выработки программы единой партии. В 1901 г. на аналогичном конгрессе (проходившем без участия гедистов) маневр гедистов повторили бланкисты, когда большинство не поддержало предложенный ими проект резолюции об исключении Мильерана из социалистической партии. По предложению А. Бриана Мильеран был оставлен в партии. Бриан при этом резонно заметил, что «социалисты собираются на ежегодный раскол»⁵⁴.

После всех этих неудачных попыток объединения во Франции образовались две самостоятельные социалистические партии. Странники Жореса и Бриана, аллеманисты и POSSИБИЛИСТЫ создали Французскую социалистическую партию (ФСП), не скрывавшую своих реформистских тенденций. Гедисты и бланкисты объединились в Социалистическую партию Франции (СПФ), которая конкретным реформам в интересах рабочего класса и расширения республиканских свобод противопоставляла, по выражению К. Виллара, гедистский мираж революции.

Создание двух партий диссонировало с реальной внутривнутриполитической и международной обстановкой, требовавшей противоположного – единства. В конце XIX – начале XX вв. ухудшилась международная обстановка: нарастал антагонизм между европейскими странами, ужесточилась борьба за колонии, усилилась гонка вооружений, русско-японская война стала показателем серьезных сдвигов в мире. В это же время произошли серьезные изменения в социально-экономической обстановке во Франции: с ростом промышленности увеличилась численность рабочего класса; нестабильность в некоторых отраслях, рост цен привели к повышению стоимости жизни и нарастанию рабочего движения. Кроме того, масса рядовых социалистов не понимала и осуждала бесконечные теоретические споры между лидерами партий и групп социалистов, требовала объединиться. Процесс сближения враждующих партий начался практически сразу после их оформления. Причем страдавший хроническим сектантством Гед сделал в этом направлении первый шаг, обратившись к авторитету Интернационала. По его инициативе Амстердамский конгресс Интернационала в августе 1904 г. рекомендовал национальным партиям, являвшимся секциями международной социалистической пар-

тии (Интернационала) объединиться. СПФ и ФСП должны были подчиниться этому решению. Проблема состояла в платформе объединения. Гед задал тон обсуждению этого вопроса: он предложил забыть разногласия, открыть новую страницу в истории французского социализма. «Забыты ошибки тех, кто сошел с классовой платформы, мы протягиваем им братскую руку», – говорил Гед на заседании Исполнительной комиссии СПФ⁵⁵. После некоторых колебаний Жорес принял вызов, стремясь избежать обвинений со стороны французского и международного рабочего класса в том, что именно он является главным препятствием к единству. Вскоре стало ясно, что ФСП уступила, перешла на позиции СПФ. В конце декабря был выработан проект общей резолюции, который К. Виллар определил как «подлинную хартию единства». В проекте резолюции говорилось, что единая социалистическая партия «не является партией реформистской, это партия классовой борьбы и революции»⁵⁶.

Дебаты развернулись на ежегодном национальном конгрессе ФСП, состоявшемся в марте 1905 г. в Руане. В своей как обычно яркой речи Бриан, обращаясь к сторонникам объединения, говорил: «Некоторые из вас идут к объединению, низко опустив головы; вы хотите бросить нас как ковры под ноги наших противников. Будет ли прочным единство, которое осуществляется при смирении одних и торжествующей ненависти других?»⁵⁷. Дебаты завершились речью Ж. Жореса, который смог добиться единодушной поддержки объединения. Среди поддержавших лидера был и А. Бриан.

Конгресс единства, проходивший в зале Глоб в Париже 23 – 25 апреля 1905 года, принял решение о создании партии, получившей название Социалистическая партия, Французская секция рабочего Интернационала – СФИО (аббревиатура от французского названия – **S**écti**o**n **f**ranç**o**ise de l'**I**nternati**o**nal ouvriè**re**). Бриан вопреки обыкновению в течение всего конгресса не проронил ни слова. В новой партии доктринально и политически господствовали друзья Геда. Бриан в СФИО оказался маргиналом. Парадокс, бросающийся в глаза, отмечает Ж. Онже, состоял в разительном отличии положения Бриана в новой партии и его положения в стране. Он был одним из лидеров ФСП, признанным организатором и руководителем синдикалистского движения, успешным адвокатом, журналистом. После избрания в 1902 г. депутатом он обратил на себя внимание парламентариев и прессы своим ораторским искусством, особенно во время более чем четырехмесячных дебатов в Палате депутатов по зако-

нопроекту об отделении церкви от государства: он был председателем комиссии Палаты, подготавливавшей законопроект, а также одним из его авторов, а затем и докладчиком в Палате депутатов. Такое расхождение в положении в партии и в стране не могло не иметь последствий. Бриан ощущал себя способным сделать больше, чем та роль, которая отведена была ему в партии. К тому же сама партия после объединения однородной не стала. Оппозиция объединению была как в той, так и в другой партии. Сами гедисты вскоре стали представлять что-то вроде фракции меньшинства в СФИО. Недовольство сторонников Жореса вызывал и все-сторонний контроль со стороны гедистов. Многие видные деятели Французской социалистической партии остались вне СФИО, создав группу независимых социалистов. Бриан не отказался войти в объединенную партию, как пишут об этом советские историки⁵⁸. Он в ней остался, он даже после колебаний присоединился к парламентской фракции СФИО в Палате депутатов. Но, как оказалось, его членство в этой партии было недолгим. И инициатором разрыва стал не он.

В марте 1906 г. радикал Ф. Саррьен, формировавший по поручению президента А. Фалльера правительство, предложил А. Бриану войти в состав этого кабинета в качестве министра народного образования и культов: ему предоставлялась возможность реализации закона об отделении церкви от государства, за который он так отчаянно сражался. Бриан решил предупредить Ж. Жореса о полученном предложении, заявляя даже о готовности выйти из партии. Жорес предпочел созвать по этому поводу Национальный совет партии. Однако вопрос о возможном участии Бриана в правительстве не обсуждался: Жорес просил Бриана не поднимать его⁵⁹. Но в тот же вечер Бриан узнал, что едва он вместе с Жоресом вышел, как Национальный совет принял решение исключить его из партии⁶⁰. А на следующий день, 12 марта, в “L’Humanité” была опубликована статья Жореса, в которой было раскрыто имя нового министра и говорилось, что «Национальный совет взял на себя инициативу голосования, которым он напоминал о классовом характере партии и констатировал, что всякий социалист, участвующий в буржуазном правительстве, сам ставит себя вне партии». Правда, далее автор писал, что «роль Бриана будет состоять в том, чтобы заботиться о применении закона об отделении церкви от государства, сторонником которого он был... а также напомирать министрам о неотложных социальных проблемах... Почему,— задавал вопрос автор, — чтобы использовать свои правительственные полномочия и свои возможности немедленно действовать, он

должен отделиться от этой большой социалистической партии?»⁶¹. Так А. Бриан оказался вне СФИО. Или, как пишет об этом В. Маргеритт, был избавлен «от ярма гедизма»⁶². Шаг к разрыву с социалистической партией сделал не он. Он присоединился к группе независимых социалистов, став самостоятельной политической фигурой, не связанной обязательствами ни с какой партией. Стал ли А. Бриан ренегатом социалистического движения?

А. Бриан довольно рано приобщился к политике. Он приобрел известность как журналист, стал известным адвокатом, прославился как великолепный оратор. В силу обстоятельств своего социального происхождения и жизни он включился в рабочее движение, став одним из лидеров синдикалистского движения и социалистической партии, которая старалась, по характеристике К. Виллара, сегодня, а не завтра помочь улучшить условия жизни и борьбы трудящихся, старалась давать конкретные ответы на животрепещущие проблемы современности⁶³. Он был сторонником мирных, ненасильственных, легальных средств борьбы, разрешенных законами Республики. Одним из таких средств он считал всеобщую забастовку. И он выступал пропагандистом этого средства борьбы.

Практически с самого начала приобщения Бриана к рабочему движению начинается его противостояние с Ж. Гедом, лидером Французской рабочей партии, а затем и Социалистической партии Франции, отличавшихся догматическим подходом к решению насущных проблем общественной жизни. Невнимание гедистов к повседневной жизни рабочих, отрицательное отношение к борьбе за реформы, к синдикалистскому движению, к стачкам как средству борьбы, установка только на подготовку рабочего класса к завоеванию власти в результате революции, революционная фразеология обрекли их на сектантскую оторванность от тех самых масс, на руководство которыми они претендовали.

Создание объединенной партии – СФИО – положило конец этому противостоянию: гедистский постулат о том, что новая партия является не партией реформ, а партией классово-борьбы и революции, заложенный в Хартию единства, делал неизбежным разрыв между Брианом и созданной партией. Он не отказался войти в СФИО, как сделали это А. Мильеран, Р. Вивиани, А.-Л. Жеро-Ришар. Он остался в партии. Но долгим его членство в ней быть не могло. Отрицание Брианом насилия,

жестокости, кровопролития, неизбежных в революции, должно было послужить основанием для его разрыва с партией. Согласие его войти в состав формировавшегося правительства радикала Саррьена стало причиной его исключения из СФИО. То обстоятельство, что инициатором разрыва был не он, значения не имело. Можно отметить, что естественным было вступление Бриана в синдикалистское, социалистическое движение, так же естественно теперь было для него оказаться вне социалистической партии, прокламировавшей принципы, противоречившие его внутренним убеждениям. Вот почему неправомерно называть его ренегатом социалистического движения. К тому же абсолютным разрыв Бриана с социалистическим движением не был. Он продолжал поддерживать отношения с массовыми организациями рабочего класса, материально поддерживал газету «L'Humanité». **Но нельзя отрицать и того, что положение вне СФИО оказалось для него благоприятным.** Вкус к политике, горизонты, которые открылись для него после избрания в Палату депутатов, перспектива стать министром также сыграли существенную роль в его разрыве с СФИО.

¹Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 297.

²См.: Франция в 1871 – 1898 гг. // Новая история. 1870 – 1918 / Учебник для студ. исторических специальностей университетов и пединститутов. Глава 7. М., 1973. С. 104.

³См.: *Антюхина-Московченко В. И.* История Третьей республики во Франции. 1870 – 1918. М., 1986. С. 207.

⁴Там же. С. 361.

⁵*Unger G.* Aristide Briand: le ferme conciliateur. Paris, 2005. P. 22.

⁶См.: Ibidem. P. 35 – 36.

⁷Цит. по: Ibidem. P. 38 – 39.

⁸См.: Ibidem. P. 45 – 46.

⁹См.: *Marguerite V. A.* Briand. Paris, 1932. P. 33; Aubert A. Op. cit. P. 20 – 21.

¹⁰Подробнее о социалистическом движении во Франции этого времени см.: *Антюхина-Московченко В. И.* Указ. соч. С. 165 – 180.

¹¹Подробнее о забастовочном и профсоюзном движении см.: Там же. С. 185 – 189, 203 – 208.

¹²См.: История Второго Интернационала. В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 55 – 56.

¹³См. об этом: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции. 1893 – 1905. (Гедисты) / Пер. с франц. М., 1969. С. 74 – 75.

¹⁴См.: Там же. С. 75.

¹⁵*Unger G.* Op. cit. P. 65 – 66; См. также: *Болдырев И. А.* Лафарг. М., 1984. С. 59.

¹⁶Ibidem. P. 66.

- ¹⁷Ibidem.
- ¹⁸Ibidem. P. 69.
- ¹⁹Содержание работы А. Бриана и Ф. Пеллутье о всеобщей стачке прокомментировано по: Ibidem. P. 69 – 70.
- ²⁰См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 74, 77 и др.
- ²¹*Unger G.* Op. cit. P. 70.
- ²²См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 77.
- ²³Там же.
- ²⁴Подробнее об изменении позиции гедистов в вопросе о реформах см.: Там же. С. 89 – 90.
- ²⁵Там же. С. 249, 372 – 373.
- ²⁶*Escholier R.* Souvenirs parlés de Briand. Paris, 1932. P. 58.
- ²⁷*Unger G.* Op. cit. P. 71.
- ²⁸*Escholier R.* Op. cit. P. 58.
- ²⁹Ibidem. P. 59 – 61..
- ³⁰Так охарактеризовал речь А. Бриана А. Зеваэс. См.: Ibidem. P. 61.
- ³¹Ibidem. P. 62.
- ³²*Unger G.* Op. cit. P. 76.
- ³³См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 383 – 384; *Unger G.* Op. cit. P. 84.
- ³⁴Цит. по: *Виллар К.* Указ. соч. С. 374.
- ³⁵См.: Там же. С. 378, 574 – 575.
- ³⁶Цит. по.: *Aubert A.* Op. cit. P. 29 – 30.
- ³⁷*Виллар К.* Указ соч. С. 384; *Unger G.* Op. cit. P. 86. Подробнее о конгрессе Национальной федерации синдикатов в Нанте см.: *Aubert A.* Op. cit. P. 29 – 30; *Unger G.* Op. cit. P. 84 – 86.
- ³⁸Цит. по: *Антохина-Московченко В. И.* Указ. соч. С. 207.
- ³⁹Покончил с собой главный лжесвидетель полковник Анри; действительно виновный – Эстергази, бежал из страны.
- ⁴⁰См.: *Виллар К.* Указ. соч. С.426 – 428. См. также: *Unger G.* Op. cit. P.95 – 96.
- ⁴¹*Aubert A.* Op. cit. P. 32 – 33.
- ⁴²*Unger G.* Op. cit. P. 96.
- ⁴³Ibidem.
- ⁴⁴Цит. по: *Виллар К.* Указ соч. С. 429.
- ⁴⁵Подробнее об этом см.: Там же. С. 430 – 433.
- ⁴⁶Приговор, вынесенный Дрейфусу в 1894 г., был отменен.
- ⁴⁷Цит. по: История Второго Интернационала. Т. 1. С. 297.
- ⁴⁸Цит. по: *Margueritte V.* Op. cit. P. 61 – 62.
- ⁴⁹*Unger G.* Op. cit. P. 108.
- ⁵⁰*Виллар К.* Указ соч. С. 455.
- ⁵¹Подробнее об этом см.: *Unger G.* Op. cit. P. 108.
- ⁵²См. об этом: *Виллар К.* Указ соч. С. 451 – 452.
- ⁵³Там же. С. 453.
- ⁵⁴Цит. по: *Unger G.* Op. cit. P. 1. 17.
- ⁵⁵См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 548.
- ⁵⁶Там же. С. 549 – 550.

⁵⁷Цит. по: *Marguerite V.* Op. cit. P. 90 – 91.

⁵⁸См. об этом, напр.: *Антохина-Московченко В. И.* Указ. соч. С.344.

⁵⁹См. об этом: *Unger G.* Op. cit. P182.

⁶⁰См.: *Aubert A.* Op. cit. P. 65 – 66.

⁶¹Цит. по: *Unger G.* Op. cit. P. 182 – 183.

⁶²*Marguerite V.* Op. cit. P. 90 – 91.

⁶³*Виллар К.* Указ. соч. С.576 – 577.

**К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ СЕВЕРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА:
ФЕНОМЕН «ПРАКТИЧЕСКОГО СКАНДИНАВИЗМА»
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.
/ПРОДОЛЖЕНИЕ/***

Преследуя цель наладить широкую сеть социальных контактов, Северные Ассоциации (СА) стремились привлечь к сотрудничеству не только население крупных городов, но и жителей сельской местности. Отделение СА в Западной Швеции, с секретариатом в Гётеборге, активно поощряло контакты между сельскохозяйственным населением соседних стран. Одним из мероприятий, проведение которых удалось наладить на постоянной основе, стал т.н. «обмен для домохозяек»: женщины из сельской местности, на плечах которых лежало дворовое хозяйство, получали неделю отдыха в одной из соседних северных стран, самостоятельно оплачивая при этом лишь дорожные расходы¹.

Энергичная пропагандистско-просветительская деятельность СА была направлена на то, чтобы, как упоминалась выше, открыть дорогу практическому, деловому сотрудничеству между странами Северной Европы. Хотя, в силу специфики международной ситуации, в которой начинали работать Ассоциации, акцент делался на культурно-образовательную работу, СА стремились посильными средствами содействовать развитию экономического взаимодействия, гармонизации скандинавского законодательства и другим практическим контактам между скандинавскими странами. Данные задачи, логичным образом, актуализировали вопрос свободы перемещений в регионе, в связи с чем возникала потребность в налаживании комфортных, быстрых и дешевых транспортных связей и упрощении процедур, связанных с пересечением государственных политико-правовых пространств.

Более тесное сотрудничество между железнодорожными ведомствами скандинавских стран было налажено ещё в 1874 г.: в 1924 г. к нему присоединилась Финляндия, вследствие чего организация была переименована в «Общество северных железнодорожников». В рамках данной

организации происходила координация деятельности железнодорожных администраций, экономики и управления перевозками, устанавливались тесные контакты между различными подразделениями транспортных компаний. С 1925 г. во всех странах Северной Европы был начат выпуск «Северного железнодорожного журнала»². Однако ещё более актуальной областью, в которой следовало наладить бесперебойное региональное взаимодействие, являлись морские перевозки.

В 1920-е гг. Туре Андерссоном, секретарем гётеборгского филиала шведской СА, активно развивалась идея устройства регулярных рейсов, удовлетворяющих самым высоким требованиям комфортности, через пролив Каттегат – между шведским Гётеборгом и датским Фредриксхавном. После бурных рекламных компаний Андерссона в датских и шведских газетах, а также по мере увеличения (под влиянием потепления международного климата в Скандинавии) общего числа туристических поездов внутри скандинавского региона, за период с 1928 до 1935 гг. ежегодный пассажиропоток на морской линии увеличился с 4 до 13 тысяч человек. В результате этого был накоплен стартовый капитал для запуска 2 августа 1935 г. регулярной линии GFL*, суда на которой вскоре стали осуществлять рейсы по маршруту Гётеборг – Фредриксхавн - Йевле – Карлстад³. Первое судно на линии носило название «Кронпринцесса Ингрид», которое, однако, в народе шутливо окрестили «Кронпринцесса Андерссон» – в честь главного инициатора проекта каттегатского судоходства.

Наряду с развитием новых транспортных путей, СА стремились минимизировать количество формальных процедур при пересечении государственных границ внутри скандинавского региона. До 1914 г. для перемещения по Европе не требовалось даже паспорта, однако Первая мировая война и принесенная ею социальная напряженность изменили ситуацию. В 1917 г. требование иметь при себе паспорт при прохождении границы ввели все скандинавские страны⁴. Хотя после 1918 г. удалось избежать введения виз для перемещения внутри региона Северной Европы, требования относительно паспортного контроля сохранились: в условиях массовой безработицы власти стремились, во избежание беспорядков, контролировать поток въезжающих в страну.

Вопрос, однако, продолжал обсуждаться на уровне правительств. В середине 1920-х гг. премьер-министр Норвегии Й. Л. Мувинкель предлагал оставить требование об обязательном предъявлении паспорта только при пересечении внешних границ региона Северной Европы⁵. Глава

финского МИДа Я. Прокопе, в свою очередь, в 1928 г. высказывался за отмену паспортных проверок между Финляндией и Швецией в случае, если имеется какое-либо подтверждение (обратный билет и т.д.) того, что визит в соседнюю страну носит краткосрочный характер⁶. Несмотря на то, что среди сторонников превращения Северной Европы в единую паспортную зону были влиятельные политики, воплощение данной идеи на практике оказалось в тот момент затруднительным. Успешная реализация проекта Северного паспортного союза, созданного существенно позже – в 1957 г., оказалась возможна, тем не менее, во многом благодаря прелиминарным исследованиям этого вопроса СА⁸.

В целом до 1939 г. Ассоциациям удалось добиться отмены удостоверений личности на отдельных международных судоходных маршрутах (Гётеборг-Фредриксхавн, Хельсинборг-Хельсингё, Копенгаген-Мальмё), а также при воздушных перемещениях в пределах региона. В 1928 г. туристические визы для поездок внутри региона были окончательно заменены на северные туристические карточки специального образца⁹.

Значительный шаг в северном сотрудничестве удалось совершить также в области социального и рабочего страхования, где был заключен ряд обоюдных соглашений о возможности получения работником, трудоустроенным в соседней североευропейской стране, обязательных медицинских услуг по месту работы. Принцип обоюдности начал действовать и в отношении страхования от несчастных случаев, рабочих компенсаций и даже трудоустройства: созданные ещё в 1910-х годах центральные скандинавские организации работодателей продолжали функционировать и в межвоенный период¹⁰. В 1920-х годах к прогрессивному сотрудничеству скандинавских стран в области социальной политики постепенно присоединилась Финляндия.

Согласование вопросов социальной защиты с соседними государствами являлось одной из важных совместных мер, предпринимаемых североευропейскими правительствами для общего снижения социальной напряженности в регионе в беспокойные межвоенные годы. С начала 1920-х годов проводились регулярные встречи высших чиновников министерств социальных дел стран Северной Европы, в которых с 1926 г., с периодичностью раз в два года, принимали участие министры социальных дел северных стран¹¹. Таким образом, очевидно, что основные принципы подписанной в 1955 г. конвенции о социальной защите граждан Северной Европы, ставшей прологом к созданию знаменитой «северной модели» социального устройства, были сформулированы ещё

в межвоенный период. Реформы социального законодательства, помимо экономии ресурсов и упрощения документооборота, были направлены на предоставление всем гражданам региона Северной Европы одинаковых прав и привилегий, независимо от того, в какой из северных стран они находятся, проживают или работают в конкретный момент.

Ощутимые практические результаты наблюдались в сотрудничестве скандинавских предпринимателей, интенсивно развивавшемся в 1920-е годы на гражданском уровне. Примечательно, что данное сотрудничество носило функциональный характер, то есть определялось не последовательной государственной экономической стратегией, а прагматическими соображениями и одинаковой практической заинтересованностью в нём непосредственных участников экономических процессов. Уже в 1918 г. центральные организации кооперативов трех скандинавских стран сформировали Северный Торговый Союз, ставший в межвоенный период органом регулирования части скандинавского промышленного производства и координирования работы отдельных заводов и фермерских хозяйств¹². Производство электрических лампочек, автомобильных шин, широкого спектра резиновых изделий, части сельскохозяйственной продукции (как и организация закупки сырья) было поставлено в Скандинавии под общий контроль, что делало его более экономичным и позволяло рационально распределять произведенные товары как среди населения региона, так и на экспорт за пределы Скандинавии¹³. В 1920-е гг. коммерческие фирмы начали образовывать центральные региональные скандинавские офисы, создавая тем самым благоприятные условия для слияния компаний Северной Европы и объединений в международные картели. В частности, скандинавские ассоциации транспортных перевозчиков согласовывали грузовые и пассажирские тарифы, правила судоходства и предоставляли друг другу расширенную коммерческую информацию. В 1920 г. была образована североευропейская картель целлюлозно-бумажного производства. За счет обоюдовыгодных соглашений удалось частично устранить конкуренцию и добиться взаимодополняющего регулируемого производства в молочной, электротехнической промышленности¹⁴.

Определенную роль в укреплении практики экономического взаимодействия промышленных кругов северных стран играла попытка стабилизации цен и регулирования производства в ведущих экспортных отраслях скандинавской экономики. В 1923 г. была создана Скандинавская угольная импортная Федерация (Финляндия присоединилась к ней 10 лет спустя) с целью содействия заключению в будущем совместных

торговых соглашений с Англией, Польшей и Германией. В рамках Федерации свои интересы координировали крупнейшие угольные компании, и её деятельность, в определенной степени, позволяла скандинавским коммерсантам сообща более успешно отстаивать свои позиции при заключении торговых соглашений с Великобританией¹⁵. В 1925-26 гг. начали совместную работу норвежские, финские и шведские целлюлозно-бумажные ассоциации с целью противостояния попыткам Лондона наложить высокие пошлины на импортируемую бумагу. В 1927 г. был образован Северный Бумажный Союз, борющийся за благоприятные экономические условия скандинавам на китайском рынке, в 1927-1928 гг. – влиятельная картель «Фенноскандия» по производству бумажной массы, участниками которой стали Норвегия, Швеция и Финляндия (организация продолжала действовать, после перерыва, и в 1930-е гг.)¹⁶.

Хотя в условиях стабилизации международного товарообмена и возобновления торговой конкуренции между скандинавскими странами в 1920-е гг. идеи «экономического скандинавизма» находили лишь незначительную поддержку в скандинавских правительствах, в послевоенное десятилетие произошло закрепление практики периодических деловых контактов между скандинавскими предпринимателями и свободного обмена экономической, финансовой, производственной и информацией в рамках региона¹⁷. Данная ситуация способствует выводу о том, что скандинавская экономическая интеграция, которую приходится наблюдать в 1920-е гг., зарождалась «снизу», с бытовых практических связей. Позитивный эффект от рационального обоюдывыгодного взаимодействия скандинавских производителей являлся одним из основных козырей в руках Северных Ассоциаций, который использовался ими для обоснования актуальности идей «экономического скандинавизма» в скандинавском обществе и необходимости поддержки региональных экономических связей со стороны правительств.

Деятельность Северных Ассоциаций основывалась на представлениях о глубинном и уникальном характере родства стран Северной Европы – концепта, который вновь оказался в поле внимания в политических и общественных кругах Скандинавии в период Первой мировой войны. Важно отметить при этом, что события военных лет внесли изменения в «территориальное измерение» данной концепции: уже с начала 1920-х гг. в деятельности, направленной на всестороннее стимулирование регионального взаимодействия и международных контактов между странами Северной Европы, начала участвовать Финляндия, в 1917 г. обрет-

шая долгожданную государственную независимость. Несмотря на то, что Финляндия не входила в число стран-учредителей Ассоциаций, а её периферийное и обособленное (не только в географическом, но и в языковом, культурном, политическом отношении) положение могло вызывать сомнения в причастности финнов к «северной общности», культивируемой скандинавистами, подсоединение Финляндии в качестве нового актера к северному сотрудничеству произошло весьма органично. Оно было оправдано, в первую очередь, давними и крепкими культурными и историческими связями страны со Швецией: со шведской стороны ещё при переговорах 1918 г. об учреждении Ассоциаций звучало пожелание о включении, в перспективе, в их работу и Финляндии¹⁸.

Шведская СА, пользовавшаяся активной поддержкой шведского посланника в Хельсинки Х. Элмквиста, начиная с 1922 г. (после разрешения острого финско-шведского конфликта относительно статуса Аландских островов) пыталась привлечь Финляндию к деятельности СА¹⁹. Однако горькие воспоминания о недавнем болезненном споре двух стран в то время были ещё свежи. К тому же непременным требованием, предъявляемым скандинавскими СА к Финляндии, было обязательное участие в финском «филиале» Ассоциаций представителей как финско-, так и шведскоговорящих групп. Конфронтационная позиция, которую заняла Шведская партия Финляндии, объявившая себя единственным полномочным «связующим звеном между Финляндией и Скандинавией» и нарочито отказывающаяся от любого взаимодействия с финно-язычными активистами в деле организации сотрудничества с соседними странами и формирования финской СА, создавала неблагоприятную обстановку для посреднических инициатив Швеции. Одновременно на этой волне финские националисты развернули грандиозную агитацию вокруг большого языкового вопроса, призывая, вместо усиления сотрудничества, наконец, расквитаться со шведским прошлым²⁰.

Приемлемая для создания СА обстановка создалась в Финляндии только к осени 1924 г.²¹. К этому моменту в финском обществе произошла определенная переоценка ценностей и «общественной пользы» «нового скандинавизма». Для многих участие в северном сотрудничестве представляло теперь не угрозу молодому национальному суверенитету, а удачную возможность преодолеть, в условиях «невнятной» внешнеполитической ориентации Финляндии, всё ещё существующую изолированность страны от большой европейской политики через «присоединение к северной группе с аналогичными внешнеполитическими приоритета-

ми»²². 17 ноября 1924 г. представители буржуазных и социал-демократических партий, при активном содействии сенатора Лео Эрнрута и шведских политиков и общественных деятелей, подписали соответствующую резолюцию²³.

В состав финской СА вошли как известные шведскоязычные, так и финскоязычные деятели, однако организация по популярности уступала «филиалам» в скандинавских странах – на протяжении 1920-1930-х гг. её численность не превышала 500 человек (в то время как, например, в Норвегии, также относящейся к «северной интеграции» с нескрываемым предубеждением и осторожностью, к 1930-м гг. численность уже превышала 3,5 тысячи человек)²⁴. В первые десять лет своего существования Северная Ассоциация продолжала функционировать в Финляндии фактически на грани распада – практическая польза углубления сотрудничества со Скандинавией (особенно в свете недавнего Аландского конфликта) для многих в финском обществе была отнюдь не очевидна. Тем не менее, «новый скандинавизм» отныне трансформировался в «нордизм» – в начале 1920-х гг. этот термин вошёл в употребление повсеместно в северных странах.

С одной стороны, введение нового термина было обусловлено вниманием и уважением скандинавов к Финляндии как новому равноправному участнику северного сотрудничества. Замена – как в письменной, так и в устной речи – характеристики «скандинавский» на «северный» позволяла максимально корректно, без ущерба для национальных чувств народов соседних стран, подчеркнуть новый формат концепта «северной общности» и сделать подсоединение Финляндии к скандинавским региональным проектам комфортным и безболезненным. С аналогичной целью в этот период были практически выведены из употребления такие термины как «Svedano» и «Danosve», которые были изобретены ещё в XIX веке для собирательного обозначения региона (по аналогии с более известным термином «Бенилюкс»), однако так и не получили широкого распространения и использовались к тому моменту лишь в телеграфной переписке скандинавских МИДов²⁵. С другой стороны, отказ от термина «скандинавизм» и утверждение нового «нордизм» позволял удачно избавиться от той неоднозначной, сомнительной репутации и негативного оттенка, которые приобрела сама концепция скандинавизма после расторжения шведско-норвежской унии²⁶.

Уже в 1922 г. в Хельсинки, при широкой рекламной поддержке, были проведены два общескандинавских конгресса – Третий Северный кон-

гресс журналистов и Северный Конгресс социальных политиков²⁷. Эти встречи крайне благоприятно сказались на региональных отношениях, которые всё быстрее освобождались от чувства отчужденности и некоторой настороженности по отношению друг к другу.

Воодушевленная потеплением международного климата в шведско-финских отношениях, в 1925 г. шведская СА провела в Стокгольме Неделю Финляндии, в рамках которой прошли многочисленные лекции и культурные мероприятия с участием финских гостей²⁸. Год спустя аналогичная Шведская неделя состоялась в Хельсинки. Со второй половины 1920-х гг. между Швецией и Финляндией наметился активный образовательный обмен, за развитие которого во многом отвечала реорганизованная в Стокгольме осенью 1924 г. международная культурная Ассоциация «Швеция-Финляндия»; параллельно значительно интенсифицировалось взаимодействие Норвегии и Финляндии по линии культуры²⁹.

Стремление Финляндии наладить более прочные связи со «скандинавской семьей» всемерно приветствовалось скандинавскими политиками и общественностью, однако данное доброжелательное отношение сопровождалось осознанием и глубокой самобытности финского общества, культуры, менталитета, которая отличала его от остальных скандинавов³⁰. Преграду на пути более глубокого интегрирования финнов в «северное сообщество» создавала, прежде всего, лингвистическая обособленность Финляндии от скандинавских стран³¹. В этом отношении показательно, что инициативы СА, направленные на стимулирование изучения языков соседних братских стран (организация языковых курсов, выездных лекций и практикумов) продолжали в одностороннем порядке, даже после появления финской СА, затрагивать, по большей части, только скандинавские языки. Решение вопроса о способах продвижения финской языковой культуры, по сути, ограничивалось лишь обсуждениями в СА. Данная ситуация во многом объяснялась опаской, с которой большинство скандинавов относилось к финскому: широко были распространены представления о том, что рядовому обывателю, не обладающему филологическими талантами, просто не под силу овладеть грамматикой этого труднодоступного языка³². Организуемые финской Ассоциацией курсы и ознакомительные туры для скандинавских соседей проводились, с учётом этого, на шведском языке, который быстро приобрел для финнов статус «малого международного»³³.

В то же время, господство шведского как языка интеллектуальной и правительственной элиты Финляндии заметно ослабевало. Использо-

ние финского в университетах, государственных и административных структурах становилось делом принципа и символом государственной независимости молодой страны и национальной самобытности ее народа. В данной обстановке процесс самоутверждения и поиска финской нацией собственной идентичности сопровождался стремлением оттолкнуться и от шведского, и от русского прошлого страны, что вело к тому, что столкновения на языковой почве начали приобретать в Финляндии необычайно острый характер³⁴. В отношении «северного сотрудничества» требования наиболее радикальных финских националистов касались исключительного права использования на тех североευропейских конференциях, которые проводились в Финляндии, финского языка (как, например, это было на Северной конференции экономистов, прошедшей в Хельсинки в 1930 г.)³⁵.

Ярким примером чрезмерной уязвимости и болезненной реакции финнов в языковых вопросах стали широкие общественные волнения, инспирированные финскими националистами, осенью 1934 г., когда 758 университетских преподавателей из Швеции, Норвегии, Дании и Исландии подписали переданную всем финским посланникам в северных странах петицию с призывом о сохранении и защите статуса шведского языка в Финляндии. Данная петиция, преследовавшая сугубо гуманистические цели, носила мирный и частный характер и не была обеспечена официальной поддержкой правительств соответствующих северных стран. Тем не менее, воззвание скандинавских ученых мужей было расценено в Финляндии как скандальное вмешательство во внутреннюю жизнь страны. Взрыв народного возмущения удалось не без труда погасить усилиями лиц высшего правительственного круга (К. Г. Маннергейма, Р. Эриха, Ю. К. Паасикиви), придерживавшихся мнения о необходимости внешнеполитической переориентации Финляндии на страны Скандинавии в 1930-е гг.³⁶. Вскоре Финляндия, отчетливо осознавшая к этому времени необходимость выработки альтернативного «третьего пути» внешнеполитического поведения, позволяющего дистанцироваться и от Германии, и от Советской России, действительно официально провозгласила «северную ориентацию» во внешней политике, которая во второй половине 1930-х гг. стала символической декларацией северной солидарности на политическом уровне³⁷.

Невзирая на отдельные сложности, определяющиеся спецификой подхода финнов как граждан молодого суверенного государства, с присутствием им объяснимым обостренным чувством национальной гордости, к

вопросам региональной интеграции, Финляндия в межвоенный период становилась равноправным членом скандинавского общества и начинала занимать важное место в культурно-этической картине региона, конструируемой Северными Ассоциациями, а также в многообразии форм гражданского взаимодействия³⁸.

Таким образом, в 1920-1930-х гг. в Северной Европе происходили глубинные процессы территориальной, лингвистической, культурной, этнической консолидации, которые позволили северным странам к 1950-м гг., когда международная обстановка для реализации дальнейших инициатив регионального сотрудничества наконец стала благоприятной, накопить ценный и беспрецедентный по своему богатству, разнообразию и насыщенности опыт практического взаимодействия.

Подчеркивая функционализм как основу развития контактов северных стран в 1920-1930-е гг. на уровне «малой политики», существует опасность формирования превратных представлений о том, что их сотрудничество носило поверхностный, сугубо прагматический характер. Однако, напротив, использование при анализе северного сотрудничества как исторического процесса функционального подхода позволяет четче выявить объективные предпосылки интенсификации политического сотрудничества правительств северных стран, начавшегося в 1940-1950-е гг. и с тех пор развивающегося невероятно интенсивно. Налаженная широкая сеть прямых и регулярных контактов среди гражданского населения северных стран, т.е. своеобразное «рутинное», повседневное сотрудничество, идущее «снизу», создали тот необходимый психологический климат в регионе, при котором ценность сотрудничества с «братскими» странами понималась и культивировалась на уровне отдельного индивида и его частной жизни, а не насаждалась искусственно «сверху» путем государственной пропаганды регионального объединения с какими-либо глобальными политическими целями. Иными словами, правомерно предположить, что именно развившееся на уровне гражданского общества и местных властей северных стран эффективное сотрудничество, минимизировавшее значение внутри региона национальных границ, повлекло за собой во многом переосмысление высшими правительственными кругами Северной Европы их взаимоотношений друг с другом на политическом уровне.

Анализ тенденций и мотивов северного сотрудничества в межвоенное двадцатилетие, а также основных направлений деятельности Северных Ассоциаций, позволяет более четко идентифицировать характер север-

ного сотрудничества в течение всего XX века (в том числе – на современном этапе). Данный процесс целесообразно рассматривать в двух аспектах: идеалистическо-эмоциональном («северные народы настолько близки, что сотрудничать и поддерживать друг друга – их взаимный гуманистический долг») и утилитарно-прагматическом («из социально-политической, языковой, культурной общности северных стран следует извлекать взаимовыгодные практические, материальные преимущества и искать эффективные совместные решения проблем»). Оба данных подхода к процессу регионального сотрудничества на практике оказывались зачастую тесно переплетены и подвержены взаимному влиянию – идейным нордистам была отнюдь не чужда «утилитарная» аргументация и наоборот. Уже в самой формулировке понятия «практический скандинавизм» заложена, таким образом, характеристика северного сотрудничества как сложного процесса, со свойственным ему дуализмом и комплексной мотивацией³⁹.

В эпоху пропаганды идей международного мира и согласия и деятельности Лиги наций (как наиболее масштабного и амбициозного их воплощения) северные страны, без громкого анонсирования и шумихи вокруг своей деятельности, смогли достичь высокого уровня межнационального сотрудничества на региональном уровне. Данный процесс, ориентированный на т.н. «горизонтальные связи» между странами и нужды бытовой повседневности населения и ввиду своей поступательности требующий продолжительного времени, протекал достаточно обособленно и незаметно для остального мира, лишенный ярких событий и революционных решений, организационно размытый, однако его итоги для развития региона стали значительными. Сотрудничество северных стран, имеющее в своей основе «концепцию Севера», переросло после Второй мировой войны в целую социально-политическую идеологию, выражениями которой стали знаменитая северная модель социально ориентированного государства, отказ от агрессивной внешней политики, приверженность идеям прав человека⁴⁰. Благодаря многочисленным успехам, достигнутым на этом пути (таким, как общескандинавский рабочий рынок, северный паспортный союз, единая система социального страхования, гармонизация многих статей законодательства и т.д.), в настоящее время регион Северной Европы, по многим параметрам, подобен свободно, нечётко организованному конфедеративному государству всеобщего благополучия. Залогом успеха реализации этой модели во второй половине прошлого столетия в отдельно взятом европейском регионе во

многим стала особенная «внутренняя открытость» скандинавского или северного общества, конструирование которой происходило с последней трети XIX века.

В период с 1905 по 1914 гг. северное сотрудничество оказалось на время «замороженным» под влиянием создавшегося в отношениях между Швецией и Норвегией напряжения, однако уже в 1920-е гг. оно достигло прежнего уровня, продолжая строиться отныне на прагматической основе, которая определяет ход межскандинавского диалога и по сей день. В этом смысле идея возрождения «северного единства» или «нордизма», сформулированная (в том числе, в связи с постепенным присоединением к региональному сотрудничеству Финляндии) в 1920-е гг., существенно отличалась от исторического скандинавизма середины XIX века. В то время как скандинавизм представлял из себя романтико-утопическое течение, нордизм исходил из реалистичной оценки ситуации и был тесно связан с повседневной действительностью⁴¹. Эти изменения обусловили тот факт, что отныне не мифический политический союз, а культурное сотрудничество, с подчеркиванием особой северной национальной идентичности, находилось в центре внимания сторонников северного сближения.

Тесная связь с сегодняшним днём и насущными потребностями населения были, в частности, теми характерными чертами, которые являлись показателем существенного прогресса в северном сотрудничестве, произошедшего с момента зарождения концепта «практического скандинавизма» в 1850-х годах до 1920-х гг. Так, официальному государственному сотрудничеству в северных странах, установленному в 1952 г. с появлением первого официального органа межпарламентского сотрудничества северных стран – Северного Совета, предшествовал долгий и кропотливый процесс развития идей северной идентичности на гражданском, общественном уровне (*grass-roots level*)⁴². Характерно, что основные направления правительственной программы по развитию региона Северной Европы, осуществляемой с 1950-х гг., а именно приграничное сотрудничество местных администраций, координация действий в области социальной политики, законодательной деятельности, культуры, образования, свобода перемещений для граждан стран региона через поощрение развития транспортных коммуникаций и туризма, практика свободного обмена информацией, были выработаны уже в период между двумя мировыми войнами.

Ответом на вопрос, почему же «северный регионализм», при наличии многочисленных объективных предпосылок, так и не вошел в 1920-1930-х гг. в число постоянных внешнеполитических приоритетов северо-европейских правительств, может служить как напряженная ситуация в Европе в целом в первой половине XX века, так и наличие серьезных внутренних противодействующих факторов в самих северных странах, связанных с национальными движениями в Норвегии и Финляндии.

При этом неверным было бы утверждать, что скандинавизм или нордизм, который (несмотря на обильную риторику и немалые усилия скандинавистов) в силу различных причин, оказывался неприменимым в качестве опорного концепта внешней политики северных стран вплоть до 1950-х гг., в первые десятилетия своего существования в целом потерпел поражение. Возможно, на фоне масштабных и более успешных движений XIX века за национальное объединение Италии, Германии или панславистскими течениями (аналогичных скандинавизму по целям и форме), стремление скандинавистов к северному единству и сотрудничеству выглядит, с точки зрения осязаемых политических итогов, малоэффективным. При этом, однако, важно подчеркнуть, что в концептуальном отношении главная особенность мировоззрения скандинавистов уже с 1860-х гг. заключалась в том, что они отказались от оспаривания существования различных скандинавских наций и государств и сосредоточились, напротив, на принципах федерализма (в отличие от националистического унитарного государства), плюрализма, равноправия и консенсуса, которые предполагали уважение к национальной идентичности и самостоятельности каждой из северных стран⁴³.

Таким образом, сущность и идейная специфика «особого пути» интеграции стран скандинавского региона в XX веке состояла в том, что скандинавизм (или нордизм) неизменно находивший на протяжении последних 150 лет горячую поддержку в самых разных кругах скандинавского общества, воспринимался как своеобразная «вторая государственность» или «коллаборационный национализм» – концепция, дополняющая, расширяющая и укрепляющая собственную национальную идентичность каждого из северных народов⁴⁴. Данный тезис подтверждается тем фактом, что старый «скандинавизм» имеет достаточно сильные позиции в Северной Европе и в наши дни, хотя до сих пор это движение не привело ни к каким конкретным геополитическим изменениям в направлении создания единого «северного государства».

В свете динамичных интеграционных процессов, наблюдающихся в Балтийском регионе в настоящее время, в которые начинает активно вовлекаться Санкт-Петербург и субъекты Северо-Западного региона Российской Федерации, изучение аспектов истории становления регионального сотрудничества народов Северной Европы отечественными историками, политологами, экономистами представляется чрезвычайно перспективным и актуальным. Знакомство с опытом начального этапа строительства «северного регионализма» позволяет, в частности, обнаружить готовые рецепты для некоторых видов современного трансграничного взаимодействия и тем самым значительно повысить его эффективность, а также способствовать развитию крепких добрососедских отношений между Россией и Северной Европой.

*Первая часть статьи была опубликована в предыдущем выпуске: Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 6. 2011. С. 56–78.

¹*Andersson J. A. Nordiskt samarbete: Aktörer, ideer och organisering 1919–1953.* Lund, 1994. S. 32.

²*Wendt F. Cooperation in the Nordic countries: achievements and obstacles.* Stockholm, 1981. P. 197.

*Göteborg- Fredrikshavnlinjen

³*Andersson J. A. Op. cit.* S. 38.

⁴*Ibid.* S. 39.

⁵*Ibid.*

⁶*Kaukiainen L. Joint Information Services as a Nordic Answer in the Crisis of the 1930s. // Miscellanea.* Helsinki, 1983. P. 212-213.

⁷О попытках, предпринятых СА в межвоенный период для снижения контроля за перемещениями граждан Северной Европы внутри региона, см. подробнее: *Hansen S. O. Op. cit.* S. 45-49.

⁸*Wendt F. Op. cit.* P. 188-189.

⁹*Nielsen H. Nordens enhed gennem tiderne.* Bd. III. København: Nit nordisk forlag, 1938. S. 328.

¹⁰См. *Johansson P. Norden – ett Atlantis? Nationellt och nordiskt i svenk-norskt socialpolitiskt samarbete till mellankrigstiden // Goda grannar eller mörka motståndare? Sverige och Norge från 1814 till idag* (red. T. Nilsson & Ø. Sørensen). Stockholm, 2005. S. 66-68; *Wendt F. Op. cit.* P. 213; *Hansen S. O. Drømmen om Norden. Der norske foreningen Norden og det nordiske samarbeidet 1919–1994.* Oslo, 1994. S. 43-45.

¹¹*Wendt F. Op. cit.* P. 215.

¹²*Ibid.* S. 72.

¹³Lindgren R. E. Norway-Sweden: Union, Desunion and the Scandinavian Integration. Princeton, 1959. P. 246.

¹⁴Ibid.

¹⁵Olsson S.-O. Nordic Trade Policy in the 1930s. // Papers of the XVI International Economic History Congress, Helsinki, 21-25 August 2006, Session 91: The Nordic Countries and the Commercial De-globalization of the Interwar Period. – (<http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers/3/Olsson.pdf>)

¹⁶См. подробнее: Karlsson B. Swedish forest industry and the inter-war cartels // Papers of the XVI International Economic History Congress, Helsinki, 21-25 August 2006, Session 91: The Nordic Countries and the Commercial De-globalization of the Interwar Period. (<http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers/3/Karlsson.pdf>).

¹⁷Wendt F. Op. cit. P. 181.

¹⁸Бессменный секретарь шведской Северной Ассоциации в 1920-е гг. и инициатор создания в 1952 г. Северного Совета Нильс Херлиц отмечал в своих мемуарах: «С самого начала шведы учитывали в перспективе вступление Финляндии в организацию – для нас было несколько странно создавать союз с Данией и Норвегией, оставляя Финляндию вне его, но в условиях гражданской войны финны не были готовы обсуждать подобные альтернативы. Ситуацию пытались изменить в сентябре 1918 г. в Копенгагене, но Финляндия тогда ориентировалась на Германию, а не на союз с соседями». См.: Herlitz N. När föreningarna Norden bildades. Minnen från 1918 och 1919 // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. 1959. Vol. 35. S. 153.

¹⁹Kaukiainen L. Op. cit. P. 210.

²⁰Hansen S. O. Op. cit. S. 58-59.

²¹См. подробнее: Janfelt M. Att leva i den bästa av världar. Föreningarna Nordens syn på Norden 1919–1933. Stockholm, 2005. S. 149-153.

²²Suomen Sosialidemokratti, 19.01.1924.

²³Kaukiainen L. Op. cit. P. 210; Andersson J. A. Op. cit. S. 25-27.

²⁴Kaukiainen L. Op. cit. P. 211; Hansen S. O. Op. cit. S. 57.

²⁵Götz N. Norden: Structures That Do Not Make a Region // European Review of History—Revue européenne d'Histoire. 2003. Vol. 10. № 2. P. 339

²⁶О трансформации, в результате нового «открытия Финляндии» скандинавским обществом, концепта «Северная Европа» в общественном сознании см. подробнее: Janfelt M. Op. cit. S. 187-190.

²⁷Kaukiainen L. Op. cit. P. 210.

²⁸Stockholms Tidningen. 1925. 19.03.

²⁹Kaukiainen L. Op. cit. P. 211; Idem. Avoin ja suljettu raja: Suomen ja Norjan suhteet 1918-1940. Helsinki, 1997. S. 261.

³⁰Janfelt M. Op. cit. S. 170-175.

³¹Ibid. S. 175-179.

³²Kaukiainen L. Op. cit. P. 211.

³³Ibid.

³⁴Об этиологии скандального языкового диспута в Хельсинском университете и движении за «финнизацию» высшего образования в столице в начале 1930-х гг. см.: Kaukiainen L. Op. cit. P. 213-214.

³⁵Ibid. P. 212.

³⁶См. подробнее: *Mustelin O.* De nordiska universitetsadresserna 1934. Skandinaviska och finlandsvenska opinioner. Helsingfors, 1981.

³⁷См. подробнее: *Сойкканен Т.* Борьба за скандинавскую ориентацию, как линия внешней политики Финляндии 1934-1939 гг. // Россия и Финляндия в XX веке: К 80-летию независимости Финляндской Республики. Сб. материалов ежегод. Рос-Финлянд. гуманитар. чтений / Редкол.: С. Б. Коренева, А. В. Прохоренко. СПб., 1997. С. 145-170; *Steinby T.* Då Finland mognade för den nordiska neutraliteten // *Historiska och litteraturhistoriska studier.* 1980. Vol. 55. S. 127-154.

³⁸Согласно финскому историку Йорма Калела, активное поощрение шведским МИДом негосударственных, «гражданских» форм международного сотрудничества способствовало тому, что Финляндия в начале 1920-х годов развила широкое функциональное сотрудничество со Швецией, которое, в отличие от официального межгосударственного экономического взаимодействия двух стран, было несравненно успешнее и эффективнее. *Kalela J.* Grannar på skilda vägar. Det finländsk-svenska samarbetet i den finländska och sveska utrikespolitiken 1921-1923. Helsingfors, 1971. S. 249, 287-288.

³⁹См. подробнее: *Andrén N.* Nordic Integration // *Cooperation and Conflict.* 1967. Vol. 2. № 1. P. 8-9.

⁴⁰*Володькин А. А.* Становление балтийского регионализма [Электронный ресурс] // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. (http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1013&Itemid=176).

⁴¹Норвежская исследовательница Рут Хемстад проводит грань между идеологическим (самоценным, окрашенным в романтические тона) скандинавизмом XIX-начала XX вв., который рассматривается как в целом утопичное движение, поскольку его конечной целью продолжало являться объединение в будущем скандинавских стран в одно государство, и взаимовыгодным прагматическим скандинавским сотрудничеством, чуждым любой идеализации и направленным на конкретный результат, при сохранении всеми странами-участниками своего суверенитета. См.: *Hemstad R.* Fra «Indian Summer» til «nordisk vinter» - nordisk samarbeid og 1905 // *Goda grannar eller morska motståndare? Sverige och Norge från 1814 till idag* / red. T.Nilsson & Ø. Sørensen. Stockholm, 2005. S. 11-27.

⁴²См., к примеру: *Larsen K.* Scandinavian grass roots: from peace movements to Nordic Council // *Scandinavian Journal of History.* 1984. Vol. 9. № 1. P. 183-200.

⁴³См. подробнее: *Janfelt M.* Föreningarna Norden – mellan nordism och nationalism // *Mångkulturalitet och folkligt samarbete* (red. K.Ståhlbeg). København, 2000. S. 22-25.

⁴⁴*Götz N.* Op. cit. P. 339-340; *Janfelt M.* Att leva i den bästa av världar... S. 96-99.

**К ВОПРОСУ О КСЕНОФОБИИ:
БЫЛА ЛИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА
1939-1940 ГГ. «ВОЙНОЙ ЭРККО»?**

После окончания т.н. «зимней войны» прежний президент Финляндии Ю. К. Паасикиви назвал ее, войной министра иностранных дел того периода – Э. Эркко¹. Сейчас это является достаточно удивительным, поскольку в современных представлениях отечественной и зарубежной общественности глубоко утвердилось мнение, что на самом деле советско-финляндская война является, прежде всего, войной И. В. Сталина. Однако столь экстравагантное утверждение весьма известного финского государственного деятеля, который накануне возникновения этой войны сам лично вел переговоры в Москве, требует все же внимательного к данному заявлению отношения.

Тем не менее определенный ответ на поставленный Паасикиви вопрос был долгое время затруднен, поскольку личные архивные документы, принадлежащие Э. Эркко были недоступны для их изучения. Только в 2009 г. появилась первая работа, авторы которой, наконец, познакомились с ранее закрытыми документами из семейного архива бывшего финского министра иностранных дел². В результате, используя эту работу, а также другие исследования, мемуарную литературу и архивные источники можно постараться все же дать ответ, насколько правомочным было высказывание Паасикиви и какими мотивами он руководствовался, давая подобное определение причин начала «зимней войны».

Прежде всего, обращая внимание на ту политику, которую в 1939 г. пытался осуществлять финский министр иностранных дел, можно заметить достаточно очевидный факт, она, по крайней мере, характеризовалась крайней подозрительностью в отношении СССР, в сравнении с тем, каким образом финский МИД строил свои отношения с Москвой в предшествующий этому двухлетний период. Причем данная особенность в политике Эркко уже была предельно очевидна с самого начала его дея-

тельности на посту главы внешнеполитического ведомства Финляндии, поскольку сразу же после его назначения весной 1939 г. в Хельсинки прошли тайные советско-финские переговоры. На этих переговорах рассматривались вопросы безопасности, необходимой в условиях нарастающей опасности начала Второй мировой войны. Однако проявившаяся уже в тот момент подозрительность еще более усугубилась с периода возникновения мировой войны. Причем показательным являлось стремление Эркко рассматривать Финляндию как некий форпост Запада на границах с Советским Союзом и таким образом он видел политику своей страны в том, чтобы стараться не допустить распространения влияния СССР на страны Северной Европы.

Конкретно это проявилось уже в самый драматический период финско-советских переговоров в Москве осенью 1939 г.

Тогда в Хельсинки, главным образом, перед дипломатами различных стран ясно начали демонстрироваться образы Финляндии в виде некоего «западного форпоста». Особенно ярко подобная позиция представлялась, как это ни парадоксально, для Германии, которая тогда уже заключила сразу два договора с СССР. Один о ненападении, а другой о дружбе и границах. В результате, немецкий посланник в Хельсинки В. Блюхер в конце сентября 1939 г., оценивая взгляды Э. Эркко, прямо отмечал, что финский министр иностранных дел продолжал рассматривать германский фактор как некий «противовес русским»³. Неслучайно, поэтому Эркко в его беседе с немецким дипломатом явно подчеркивал, что Финляндия «никогда не примет» подобно Эстонии требований СССР⁴. Причем, как только 6 октября, в Хельсинки было действительно получено сообщение из Москвы относительно предложения о начале переговоров, Э. Эркко сразу же встретился с В. Блюхером. В состоявшейся тогда беседе он явно старался провести мысль, что ведение переговоров в Москве не только опасно для Финляндии, но может повредить и военно-политическому положению Германии. В силу этого Эркко хотел выяснить у немецкого руководства, «получит ли Финляндия какую-либо поддержку от Германии»⁵.

Никаких обещаний, естественно, Берлин не давал. Но удивительным оставалось другое, явно существующие субъективные представления Эркко о возможности получения некоторой помощи со стороны Запада. Причем опирались они на крайне четкие сведения, которые поступали в финский МИД. Сообщалось, в частности, что Финляндии «нечего бояться». К тому же имелись еще и данные о заявлении Геринга, согласно кото-

рому Германия могла занять еще более дружественную к ней позицию, «если положение Финляндии усложнится»⁶.

Эти неконкретные намеки, однако, финский министр иностранных дел явно преувеличивал. Особенно отчетливо позиция Эркко проявилась, когда 18-19 октября он совершил вместе с президентом Каллио поездку в Стокгольм, где произошла их встреча с руководителями северных государств. Там Эркко заявил, что «Советский Союз намеревается вести войну, используя опорные базы нейтралов». Но шведский премьер-министр П. А. Ханссон достаточно определенно на это ответил, что «если Финляндия окажется вовлеченной в войну, то Швеция не будет ей помогать»⁷. Тем не менее, после возвращения из Стокгольма Эркко утаил от других руководящих деятелей страны сказанное шведским премьером, а представил все в более светлых тонах⁸.

Совершенно очевидно, что уход Э. Эркко от объективно точного изложения позиции Швеции был следствием его стремления сохранять в лице Финляндии образ «западного форпоста» на границах с СССР, создавая определенное чувство оптимизма в политике четкой конфронтации в переговорном процессе с СССР. Более того, 10 октября Эркко в выступлении на заседании комиссии парламента по иностранным делам заявил абсолютно категорично: «Мы не на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»⁹.

Однако подобные заявления совершенно не отражали реального международного положения. Таким образом, представление о Финляндии, как о некоем «форпосте Запада», который, очевидно, предполагал для Хельсинки соответствующую помощь не давал желаемого результата. Это означало как минимум стратегический просчет финского министра иностранных дел. Поэтому, в данном смысле можно считать, что тем самым и давался ответ на мотивы того, почему Паасикиви возникшую войну назвал «войной Эркко».

Но здесь уже возникает второй вопрос, с чем была связана такая политика Э. Эркко?

И вот тут, прежде всего, можно заметить не просто проявление недоверия к соседней с Финляндией стране или демонстрацию принадлежности его государства к западному миру. Здесь можно явно увидеть еще откровенные черты жесткости в этой политике, которые трудно назвать искусством дипломатии.

В частности, Хельсинки не скрывали даже перед советскими дипломатическими представителями, что если СССР «попытается оказать давление, то получит сильный отпор»¹⁰. Еще до начала переговоров 10 октября Эркко официально заявил, что «Финляндия не может согласиться ни с каким нажимом...»¹¹.

Действительно, начавшиеся 12 октября советско-финляндские переговоры для обеих сторон оказались весьма сложными и стали затягиваться. Они продолжались целый месяц, причем за это время дважды прерывались, поскольку финская делегация возвращалась в Хельсинки для получения новых инструкций. Позиция же Э. Эркко в ходе рассмотрения советских предложений заключалась в том, чтобы продолжать проявлять твердость. Факт же того, что диалог в Москве продолжался, и советская сторона не сворачивала переговорный процесс, подкреплял уверенность в правильности избранной тактики. Как считали иностранные наблюдатели, находившиеся в Хельсинки, благодаря стараниям финляндского руководства в стране стал проявляться «осторожный оптимизм» в отношении финской твердой позиции¹².

К тому же Эркко сам лично способствовал тому, чтобы через печать и, в особенности, через принадлежавшую ему ведущую финскую газету «Хельсингин Саномат» формировалось общественное мнение не в пользу принятия компромиссных соглашений с Советским Союзом и, по признанию финских историков, весьма преуспел в этом деле¹³. В стране стали обильно публиковаться газетные материалы, в которых отдельные журналисты с уверенностью высказывались за то, что «Финляндия может успешно противостоять СССР». Делегации открыто предлагалось вести переговоры исходя из «полной независимости», поскольку «установленной вдоль границы артиллерии достаточно 2-5 минут, чтобы обрушить на Ленинград тонны стали».

Эту же мысль стремился довести до сведения финской делегации и сам министр иностранных дел. Он в напутствии главе делегации Ю. К. Паасикиви весьма красноречиво говорил в конце октября 1939 г.: «Забудь, что Россия великая держава»¹⁴. Другому же руководителю этой делегации В. Таннеру, он прямо советовал, что «нужно оставаться жесткими»¹⁵.

Более того, на третьем этапе переговоров, в конце октября 1939 г., как сообщал в Москву первый секретарь полпредства в Финляндии М. Г. Юданов, финляндское правительство вообще «распустило слухи о том, что делегация больше не поедет в Москву»¹⁶. Указанные слухи имели под собою почву, поскольку Э. Эркко в интервью журналистам север-

ных стран сказал, что правительство уже рассматривает данный вопрос. Этим, очевидно, имелось в виду продемонстрировать «твердость» занимаемой финским руководством позиции, поскольку Эркко активно продолжал убеждать, что «Советский Союз и дальше будет готов поторгаться»¹⁷.

Любопытном, однако, является тот факт, что особенно негативную реакцию на советские предложения в ходе переговоров финский МИД продемонстрировал, когда нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов 31 октября обнародовал советские предложения, выдвинутые на переговорах с Финляндией. Тогда же, 31 октября, в ночь Эркко предпринял попытку вообще приостановить диалог с советским руководством и вернуться в Хельсинки финляндскую правительственную делегацию¹⁸.

Более того, выступая на следующий день с публичной речью на своеобразном патриотическом митинге в Шведском театре Хельсинки, он был далек от дипломатического тона по отношению к Советскому Союзу. Предложения, внесенные делегацией СССР на переговорах в Москве, квалифицировались как проявление «русского империализма». В категорической форме Эркко заявил: «Финляндия знает, какой путь ей надо избирать...»¹⁹. В целом речь министра иностранных дел, по словам высокопоставленного сотрудника МИДа Ааро Пакаслаhti, «соответствовала линии, которую он проводил до этого»²⁰. Такой путь, совершенно очевидно, мог вести к дальнейшей конфронтации с Советским Союзом и действительно был чреват возникновением войны. Но, по итогам своего выступления, Эркко удовлетворенно записал в дневнике, «выступил спокойно и это был успех»²¹.

Сами же переговоры продолжились, хотя из Хельсинки финской делегации пришло лаконичное указание: «Если не достигается соглашение... то прерывайте переговоры»²². А 12 ноября на пресс-конференции в Хельсинки Эркко заявил, что финская делегация не получит дальнейших полномочий для продолжения переговоров и ее члены должны возвратиться в Финляндию поскольку у них «есть другие важные дела»²³. Это был очевидный срыв переговоров и его причины стали на многие последующие годы предметом глубокого анализа ряда политиков и ученых-исследователей. Представляется наиболее правильным вывод, который сделал известный в Финляндии дипломат, историк и публицист Макс Якобсон. Он писал, что одной из причин того, что переговоры окончились неудачей, являлось «чрезмерное упорство» Э. Эркко²⁴.

Действительно, тогда советско-финляндские отношения оказались у опасной черты. Поразительным же при этом оказалось то, что в правительственных кругах Финляндии оценивали происшедшее не как предвестник явного кризиса в отношениях с СССР, а как даже определенный успех линии Э. Эркко, «не дрогнувшего перед Москвой». Что же касается финской делегации, которая вела эти переговоры, то В. Таннер уже после войны прямо подчеркнул то, что у самой делегации были весьма ограниченные возможности влиять на их исход. «Безрезультативность этих переговоров, – говорил он, – все же не является следствием действий Паасикиви или моих, как некоторым хотелось тогда представить, мы просили до самого последнего момента предоставить нам широкие полномочия»²⁵.

Объективно, необходимые полномочия финляндская делегация так и не получила. Имея свою особую позицию по ряду обсуждавшихся вопросов, она не смогла склонить правительство на свою сторону. Здесь политические настроения брали верх над реальностью. Э. Эркко по-прежнему считал, что дело до войны не дойдет. Эту мысль он подтвердил, за две недели до ее начала, выступая 15 ноября во внешнеполитической комиссии парламента²⁶. Не отступал от своей позиции в последующие дни.

Причем Э. Эркко буквально навязывал свою волю тем в правительственных кругах, от кого зависело принятие решений. Неоднократно он также прибегал к тактике ультиматумов, заявляя, что вообще готов уйти в отставку, в случае отказа от принятия выдвинутого им предложения²⁷. По словам его ближайшего помощника Ааро Пакаслаhti, министр тогда часто просто повторял, что «Советский Союз блефует» и по отношению к нему надо проводить «твердую линию»²⁸. Но эти заключения министра, однако, никак не могли соответствовать реальной действительности.

Тем не менее, допуская, что в проводившейся Э. Эркко политике просматривались очевидные просчеты могут, тем не менее, возникнуть вопросы - насколько его решения являлись судьбоносными для Финляндии и насколько вообще Эркко был влиятельной в финском руководстве фигурой, а также, почему он оказался в состоянии навязывать свою точку зрения другим высокопоставленным чиновникам страны, отвечающим за судьбы государства?

В действительности трагизм складывающейся для Финляндии ситуации заключался, прежде всего, в том, что Эркко, оказавшись в 1939 г. министром, смело пошел по пути монополизации в своих руках всей

внешней политики страны, играя непомерно большую роль в определении окончательных решений в этой области. Как премьер-министр Каяндер, так и президент Каллио особенно не вникали, что позволяло Эркко без помех осуществлять свою линию. Иными словами, у одного члена правительства оказались исключительные полномочия и самостоятельность при осуществлении внешней политики страны²⁹. В результате, «министр иностранных дел обычно требовал, – писал Пакаслаhti, – чтобы при принятии решения правительство ориентировалось на позицию, занимаемую им, то есть как именно он считал необходимым поступить»³⁰.

К этому еще следует добавить контроль финского министра иностранных дел за прессой и, прежде всего, за ведущей газетой страны «Хельсингин Саномат». Этот мощный инструмент формирования общественного мнения также помогал Эркко проводить свою политику в жизнь.

В результате формировалась парадоксальная ситуация, поскольку не все влиятельные представители финского руководства разделяли занятую Э. Эркко позицию. Глава финской делегации в Москве Ю. К. Паасикиви прямо выражал мнение, что надо было идти на соглашение³¹. Он открыто ставил вопрос об освобождении его от выполнения функций главы финляндской делегации и целесообразности выезда в Москву самого министра иностранных дел, который уже сам «пытался бы проводить свою прямолинейную политику»³².

Показательно, что и К. Г. Э. Маннергейм поддерживал позицию Ю. К. Паасикиви. В подготовленных при участии финского маршала в генштабе письменных рекомендациях содержалась мысль о том, что не следует идти на конфронтацию с Советским Союзом. Лучше, как он тогда считал, вносить контрпредложения и проявлять стремление к достижению соглашения, поскольку в противном случае, развивающийся ход событий, неминуемо мог привести к войне³³.

Реально, взгляды маршала исходили из трезвой оценки военных возможностей Финляндии и обстановки, которая тогда складывалась. В отличие от Эркко он хорошо понимал, что означает для великой страны, каковой являлся Советский Союз, поддержание своего авторитета на международной арене. Срыв же переговоров мог как раз нанести удар по его престижу. Поэтому, выступая против конфликта с Москвой, Маннергейм настаивал на уступках, считая, как справедливо отмечал финский ученый-юрист и международник Я. Вирмавирта, что «нельзя не считаться с авторитетом Советского Союза как сверхдержавы»³⁴. Маршал

передал свои предложения Паасикиви в виде альтернативного проекта, который касался возможности создания советской военно-морской базы на одном из небольших островов вблизи Ханко и территориальных уступок на Карельском перешейке. В отличие от большинства членов финляндского правительства Маннергейм понимал, что Советский Союз «не может просто отступить» от своих предложений, что ему нужно хотя бы «дать возможность сохранить лицо»³⁵. Но самое главное, по мнению маршала, заключалось в том, что правительство не располагало такой армией, которая бы «обеспечила избранную им внешнюю политику». Единственное, что он считал возможным и нужным в данных условиях, так это «достичь компромисса»³⁶. Аналогичного мнения был и влиятельный генерал-лейтенант Х. Эстерман, командовавший финскими сухопутными войсками. Паасикиви записал в своем дневнике сказанную Эстерманом фразу: «... Если начнется война с Россией, мы будем разгромлены»³⁷.

Тем не менее, у некоторых российских и финских историков при оценке рассматриваемых событий можно встретить утверждение, что предотвращение опасного их развития зависело не столько от позиции финляндского правительства, сколько от парламента и в целом от общих настроений в стране³⁸. Однако ситуация складывалась в стране как раз в диаметрально противоположном направлении. Как по этому поводу заметил в своих мемуарах вице-председатель парламента Э. Линкомиес, правительство при желании могло склонить парламента и общественное мнение страны к одобрению советских предложений³⁹.

В правительственных кругах такого стремления, однако, не наблюдалось. Как подчеркнул в своих дневниковых записях Пааво Талвела, который представлял в это время влиятельные промышленные и военные круги, Эркко и его единомышленники «втянули страну в войну, веря до последнего момента, что ее не будет»⁴⁰.

И вот тут, уже необходимо перейти к собственному рассмотрению личного образа Э. Эркко. Этот образ оказывался достаточно оригинальным. Прежде всего, Эркко характеризовался не только как человек, которому были свойственны «волевые и энергичные» качества. Он еще являлся крайне «капризным», что со своей стороны сочеталось с манерой поведения, когда Эркко постоянно «действовал бесцеремонно, считаясь лишь с таким мнением, которое соответствовало его взглядам и интересам»⁴¹. Одновременно, к этому следует добавить, что министра иностранных дел находили еще и «недостаточно культурным человеком»,

качества, которые как раз и проявились в его «публичных выступлениях по важнейшим вопросам внешней политики» своей страны⁴². При такой форме поведения, естественно, важнейшим становились эмоции и чувства, которыми он руководствовался. А эти эмоции имели явно антирусскую направленность.

Здесь явно уже проявлялись элементы ксенофобии, которые выражались в нетерпимости к чему-либо чужому, незнакомому, непривычному, где восприятие этого чужого происходило в виде непонятого, непостижимого, а поэтому опасного и враждебного. Как раз, именно подобные чувства у Эркокк явно были воздвигнуты в ранг мировоззрения.

Мотивировкой же существовавших у него антирусских взглядов, как можно предположить, являлось то, что они, очевидно, сложилось под влиянием жены – дочери английского инженера, проживавшего в России, но потерявшего в период революционных событий 1917 г. там все и вынужденного затем эмигрировать в Финляндию⁴³.

Однако, говоря о роли семьи, очевидно, также следует учитывать и другое. Антироссийские настроения играли для будущего министра определяющую роль еще в условиях устойчиво существующих в финском обществе своеобразных русофобских настроений. Известный финский государственный и политический деятель О. Фрич, стараясь охарактеризовать особенности взглядов по отношению к России, существовавших среди финского населения в 30-е годы, писал, что тогда «фактически, через леса и болота проходила не только хорошо охраняемая линия границы, разделявшая российскую и финскую территорию..., там после отделения Великого княжества Финляндского от царской империи проходила Китайская стена, такая высокая и широкая, что бывавшие в Выборге и Хельсинки иностранцы нередко удивлялись тому, что мы в Финляндии знаем о России гораздо меньше, чем многие другие в мире». Далее же он отметил: «Финляндия смотрела на Россию, как на что-то странное, чего не знала, не понимала, а также вообще не хотела знать и понимать»¹⁶.

В подобной среде, естественно, трудно было найти какие-либо возможности для достижения реальных договоренностей с СССР. Причем Фрич, в данном случае, явно признавал проявление здесь очевидного финского национализма, унаследованного в определенной мере от прошлого царского периода и отчасти внедрившегося в сознание людей в годы независимости в качестве обстоятельства, особо негативно влиявшего на отношение к СССР. Вообще же, он считал, наличие в Финляндии всей совокупности спаянных воедино общественных, исторических и

психологических факторов, которые были присущи финскому народу, обусловило в конечном счете трудности «найти путь к взаимопониманию между Финляндией и Россией». И Эркко был ярким в этом отношении представителем и выразителем этих настроений.

Эти настроения, однако, можно со всей очевидностью квалифицировать, не только как проявление ярко выраженной ксенофобии. У него явно присутствовало еще сугубо финское мировоззрение, которое устойчиво существовало в 1920-1940 гг. у определенной части финского общества. Оно выражалось не столько в проявлении русофобии, но и в одновременной непреодолимой ненависти ко всему русскому. В Финляндии это явление называется – «рюссявиха». Причем, как отмечает по этому поводу финская исследовательница В.-Т. Вассара: Это явление «охарактеризовать... только как русофобию нельзя. Фобия выражает, прежде всего, непреодолимый страх, а сущность “рюссявиха” не настолько однозначна». Исследовательница замечает, что в «рюссявиха» присущи такие качества, как «упрямство и бесстрашие». Кроме того, по ее мнению, еще «в “рюссявиха” были, безусловно, элементы расизма, реакционности, уверенности в превосходстве финнов над русскими...»⁴⁴. Вот именно этот сложный клубок где-то противоречивых по своей сути качеств был характерен и для Э. Эркко.

У него негативное отношение к соседней стране проявлялось буквально во всем. Эркко откровенно и недолюбливал соседнюю страну и одновременно недооценивал Советский Союз, считая его опасным и одновременно крайне слабым государством. Особенно хорошо это было заметно, когда со страниц принадлежащей ему газеты «Хельсингин Саномат» была в 1937-1938 гг. развернута компания с пропагандой военной слабости СССР. Он был также вполне удовлетворен провалом попытки нормализации Финляндией своих отношений с Москвой в 1937 г. Советских лидеров Эркко также воспринимал крайне критично. В частности, В. М. Молотова он ехидно называл «ботаником, с которым невозможно договориться»⁴⁵.

Но самым выразительным в этом отношении были дневниковые записи самого Э. Эркко. В них он весьма откровенно изложил свою позицию в момент срыва советско-финляндских переговоров в Москве. Он записал, что готов отказаться от всего, «чтобы спасти страну от войны». Но далее он добавил, что «я не могу отступить принципов»⁴⁶. И в этом, как раз, и находится квинтэссенция того, что в конечном итоге привело Финлян-

дию к войне. В этом, очевидно, также можно еще увидеть ответ почему Паасикиви «зимнюю войну» назвал «войной Эркко» и почему советские инициативы в конце 30-х годов не получили поддержки с финской стороны, оказавшись, в конечном счете, полностью бесплодными.

¹*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. Porvoo; Hels., 1973. S. 131; *Kleemola P.* Helsingin Sanomat sanavapauden monopoli. Hels., 1981. S. 26; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 203.

²*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009.

³Documents on Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 153.

⁴*Ibid.* P. 148.

⁵*Ibid.* P. 231.

⁶*Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 51.

⁷Так пересказал впоследствии слова Л. А. Хансона Т. М. Кивимяки. (*Kansallisarkisto /KA/, Kivimäen kokoelma.* Т. М. Кивимäki kertunut, 4.4.1960).

⁸*Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. // Suomen historia. Os. 7. Espoo, 1989. S. 280; *Julkunen M.* Suomi kevästä 1938 talvisotaan // Kansakunta sodassa. Os. I. Hels., 1989. S. 108; *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 260.

⁹*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 238-239.

¹⁰*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 128-129.

¹¹Цит. по: *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 75; Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

¹²Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 5 C 1. Lontoon-lähetystön raportti. 20.10.1939.

¹³Helsingin Sanomat. 1939. 18, 19, 25.10; *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen - myytti vai todellisuus? Juva, 1984. S. 337.

¹⁴Цит. по: *Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985. S.187.

¹⁵*Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. Hels., 1966. S. 248.

¹⁶Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 283.

¹⁷*Myllyniemi S.* Suomi sodassa 1939-1945. Keuruu, 1982. S. 66.

¹⁸*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 154.

¹⁹UM. 109 A 10. Pääministeri Rydin ja ministeri Erkon puheet.

²⁰*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 167.

²¹*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 273.

²²*Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. . 1939-41. Os. I. Porvoo, 1958. S. 86.

²³Helsingin Sanomat. 1939.13.11.

²⁴*Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Porvoo, 1955. S. 256.

²⁵КА. Mannerheimin kokoelma. 617. Sotasyllisyys (10.12.1945-21.12.1945), 17.12.1945.

- ²⁶*Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 281.
- ²⁷См.: *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 213, 266, 279, 286.
- ²⁸*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 163-164,
- ²⁹*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. S. 114-115; *Hokkanen K.* Kyösti Kallio Os. 2., Porvoo; Hels.; Juva, 1986. S. 252-253.
- ³⁰*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 171.
- ³¹*Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 70.
- ³²*Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 164-165.
- ³³*Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. Keurull, 1980. S. 330.
- ³⁴*Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 65.
- ³⁵Там же. С. 66.
- ³⁶*Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 333.
- ³⁷*Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 66.
- ³⁸*Холодковский В.* Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 1 янв.
- ³⁹*Linkomies E.* Vaikea aika. S. 46-47.
- ⁴⁰*Talvela P.* Sotilaan elämä. Os. I. Jyväskylä, 1976. S. 153.
- ⁴¹Цит. по: *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen - myytti vai todellisuus? Porvoo; Hels.: Juva, 1984. S. 241.
- ⁴²*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 198-199.
- ⁴³*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. S. 81.
- ⁴⁴*Vacara B.-T.* Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 246.
- ⁴⁵*Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda ja eläessään. S. 212.
- ⁴⁶*Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 278.

НАЦИСТСКАЯ РУСОФОБИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ (К 65-ЛЕТИЮ ЗАВЕРШЕНИЯ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА)

Когда 65 лет тому назад в городе, где традиционно проводились съезды Национал-социалистической германской рабочей партии, начал свою работу Международный Нюрнбергский военный трибунал в его задачу входило не только осуждение главных военных преступников, виновных в гибели миллионов людей. Процесс должен был также обличать идеологию нацизма, а одной из ее важных составляющих, как мы знаем, была русофобия. По иронии судьбы на исходе XX века сначала в СССР, а потом уже на постсоветском пространстве русофобия¹ получила широчайшее распространение. Вся полнота ответственности здесь ложится на «лучшего немца», последнего Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева², виновного, как в разрушении своей собственной державы, так и в провоцировании кровавых межнациональных конфликтов. Вина М. С. Горбачева могла бы быть юридически доказана в ходе соответствующего процесса, однако тема данной статьи связана не с «перестроечными», с нацистскими корнями русофобии.

В 1924 году будучи, согласно приговору мюнхенского суда, заключен в крепость Ландсберг³, Адольф Гитлер получил, наконец, достаточный досуг, чтобы систематически изложить доктрину национал-социализма. Именно тогда, анализируя геополитическую ситуацию начала XX века, он писал:

«Если политику завоевания новых земель в Европе Германия могла бы вести только против России в союзе с Англией, то наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла бы вести только против Англии вместе с Россией»⁴.

Мы видим, что в тюрьме Ландсберг, мечтая о великом будущем немецкого народа, Гитлер достаточно трезво оценивал существующие возможности внешнеполитической экспансии Германии. Казалось бы,

уже имеющийся позитивный опыт взаимодействия двух «стран изгоев» – Советской России и Веймарской республики, мог подтолкнуть вождя НСДАП ко второму сценарию внешнеполитического развития. Однако Гитлер уже в 1924 году решительно от него отказался: *«Если перед войной можно было подавить в себе чувство обиды против России и все же пойти с ней, то теперь об этом не может быть и речи»*⁵.

Что же предопределило окончательный выбор геополитической стратегии национал-социализма? В чем причина такого категорического неприятия России в новых исторических условиях Гитлером? Ответ на эти вопросы мы опять же находим в “Mein Kampf”:

*«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы»*⁶.

Пренебрежительное отношение Гитлера к славянству (“minderwertige Rasse”), выраженное со всей отчетливостью в этом отрывке из “Mein Kampf”, в конечном счете, опиралось на достаточно древнюю культурно-историческую традицию, к сожалению, свойственную не только германскому миру. Хорошо известно, что славяне в самых ранних своих текстах называли себя словѣне, то есть те, кто обладал понятным (в отличие от немцев) словом. Но в текстах греческих и латинских, относящихся ко временам столь же давним, «встречаются лишь формы с *a* в корневой морфеме: Σκλαβηνοί, откуда лат. Sclaveni»⁷. Вполне естественно, что архаическая немецкая передача того же этнонима как sklaven(en) послужила основой для последующего отождествления (в порядке народной этимологии) славян с *die Sklaven «рабы»*. Таким образом, в националистическом германском мировосприятии славяне уже давно виделись «нацией рабов». И Гитлер, разделявший такой взгляд на соседние народы, лишь еще раз грубо подчеркивал неспособность славян к государственному строительству.

Но всему человечеству было ведомо, что величайшая в мире Российская Империя создавалась в первую очередь славянскими народами и, естественно, народом русским, который как раз и оказался государствообразующей нацией. В преодолении этого явного логического противо-

речия вождю НСДАП неоценимую услугу оказывала небезызвестная норманнская теория, созданная еще в XVIII веке тремя петербургскими немцами Байером, Шлецером, Миллером. Подвергнутая жесточайшей критике М. В. Ломоносовым⁸ в 1750 году, эта теория, однако, оказалась к XX веку частью европейской массовой культуры. Коль скоро даже в ученых кругах само слово Русь часто возводилось к древнескандинавскому термину Rōps-(karlar) “гребцы на веслах”⁹, а создателями древнерусского государства были варяги, то не составляло особого труда заявить: *«В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи»*¹⁰.

Последний аргумент был для Гитлера едва ли не менее важным, чем первый, так как возбуждал его захватнические вождения по отношению к бескрайним российским пространствам. Исходя из своей лютой ненависти к евреям, вождь НСДАП в первом томе *“Mein Kampf”* утверждал, что *«куда ни ступит еврей, там хозяйствующий народ рано или поздно погибнет»* (*“wo er auftritt, stirbt das Wirtsvolk nach kürzerer oder längerer Zeit ab”*¹¹). А коль скоро, по мнению Гитлера, власть в Советской России с 1917 года была захвачена представителями самого ненавистного ему народа, то как *«Parasit im Körper anderer Völker»*, еврейский народ неизбежно сокрушит в самое ближайшее время гигантский Советский Союз. Славяне же с их рабской психологией, по мнению нацистского вождя, противостоять этому процессу не могли. Поэтому он со всей категоричностью утверждал:

*«Подобно тому, как русские не могут своими собственными силами свергнуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго удержать в своем подчинении это могущественное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское государство на Востоке созрело для гибели. И конец еврейского господства в России будет также концом России как государства»*¹².

А далее следовал итоговый вывод: *«Борьба против еврейской большевизации мира требует внятного отношения к Советской России»*¹³. *Нельзя изгонять черта с помощью Вельзевула»*¹⁴.

Мы видим, что для вождя НСДАП борьба против «еврейской большевизации мира», которая ассоциировалась у него, прежде всего, с Советской Россией, стала главной сверхценной идеей. Но, попрекая большевистских вождей в том, что они стремятся к мировому господству, сам

Гитлер, однако, на последней странице “Mein Kampf” в двух итоговых предложениях нагло заявлял о нацистских претензиях овладеть всей нашей планетой: *«То государство, которое в эпоху отравления рас посвящает себя делу совершенствования лучших расовых элементов, с неизбежностью должно в какой-нибудь день обрести мировое господство. Этого никогда не могут забыть сторонники нашего движения, когда они все-таки соблазняются возможным успехом при боязливом сравнении с величиной жертв»*¹⁵.

При всей циничной откровенности гитлеровского текста, здесь мы явно сталкиваемся с политическим феноменом, который приобрел широчайшее распространение уже в XXI веке. Речь идет о двойных стандартах, ставших столь популярными в англо-саксонском мире. С одной стороны «еврейский большевизм» был для Гитлера наиболее ярким воплощением мирового зла, а советские руководители ленинского периода ничем иным как einen Abschaum der Menschheit (дословно «накись человечества»). Но, с другой стороны, осуждая коммуноглобализм («...это – чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человечим общежитьем»¹⁶), Гитлер провозглашал идеологию национал-глобализма, которая позднее тоже отлилась в чеканные поэтические строки:

*Wir werden weiter marschieren
Wenn alles in Scherben fällt,
Denn heute da hört uns Deutschland
Und morgen die ganze Welt.¹⁷
Мы будем шагать и дальше,
Чтоб все разлетелось в куски,
Сегодня нас слушают немцы,
А завтра все люди земли.*

Однако самое поразительное заключается, пожалуй, в том, что Гитлер, завершая XIII главу “Mein Kampf” не отказал себе в удовольствии (по примеру ненавистных ему коммуноглобалистов) порассуждать о будущем счастье всего «арийского человечества»:

*«Надо позаботиться о том, – писал он, – чтобы, по меньшей мере, в нашей стране узнали смертельного врага. (Гитлер подразумевал еврейство – А. В.) И тогда борьба против него как сияющий знак светлых времен даст узнать путь другим народам к счастью борющегося арийского человечества»*¹⁸.

Разумеется, русские (да и вообще славяне) к «борющемуся арийскому человечеству» причислены не были, хотя, со строго научной точки зре-

ния¹⁹, славянские языки в не меньшей степени, чем германские имели некое родственное отношение к тому древнему языку, носители которого с незапамятных времен именовали себя *ариями*²⁰. Речь здесь идет, прежде всего, о племенах индоиранских, ведь и само имя страны Иран, через средневековое Эран-шахр восходит к древнеиранскому Арианам-хшатрам «*Ариев царство*»²¹. К примеру, в § 69 Бисутунской надписи мы читаем: *θāti Dārayavauš xšayaθiya: vašna Auramazdāha ima dipičiθra taυa adam akunavam patišam ariya, uta pavastāyā uta čarma grftam āha...* «*Говорит Дарий царь: “Волей Ахурамазды эту надпись, которую я сделал, помимо того, что по-арийски*²², *и на глине*²³, *и на коже написана (досл. взята) была...”*»²⁴. Однако рождающийся национал-социализм менее всего тяготел к тому, чтобы предаваться высоконаучным изысканиям по части выявления степени родства индоарийских и славянских языков. Русские (и вообще славяне) не могли быть арийцами по определению, ибо «*Wenn wir aber heute in Europa von neuem Grund und Boden reden, können wir in erster Linie nur an Rußland und die ihm untertanen Randstaaten denken*»²⁵ – «*Когда мы сегодня говорим о новых землях в Европе, мы можем в первую очередь думать только о России и подчиненных ей украинских государствах*». Получалось, как в басне И. А. Крылова:

*Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать*²⁶.

В “**Mein Kampf**” Гитлер никогда не пытался скрывать своих захватнических вождедений в отношении нашей Родины. Наоборот, эта навязчивая идея на страницах книги повторялась и повторялась: «*Желая раздобыть новые земли в Европе, мы могли бы получить их, в общем и целом, только за счет России. В этом случае новое государство должно будет двинуться по той же дороге, по которой некогда шли наши орденские рыцари, чтобы немецким мечем завоевать немецкому плугу клочок земли, который обеспечит нации насущный хлеб*»²⁷.

Обрести же «моральное право» на захват восточных территорий автор «**Mein Kampf**» пытался с помощью тех беспощадных характеристик, которые он давал политическим руководителям Советской России ленинского периода: «*Нельзя забывать и того, что правители современной России это – запятнавшие себя кровью подлые преступники, что речь здесь идет о человеческой нации, которая в трагический час воспользовалась благоприятным для ее стечением обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет,*

осуществляет самую жестокую тиранию, которую когда-либо знала история. Нельзя даже забывать и того обстоятельства, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством. Ни на минуту нельзя забывать того, что интернациональное еврейство, ныне полностью держащее в своих руках всю Россию, видит в Германии не союзника, а страну, предназначенную понести тот же жребий»²⁸.

Уместно задать вопрос, кто же в 20-е годы повлиял на столь мрачное восприятие Гитлером новой российской действительности? В этой связи, прежде всего, должны быть названы имена, по крайней мере, двух выходцев из России: Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера²⁹ и Альфреда Розенберга³⁰. Первый, явно отличавшийся меньшей русофобией, был убит полицейской пулей во время Мюнхенского путча 9 ноября 1923 года, когда шел рука об руку с Гитлером. Второй, как один из главных нацистских преступников, был повешен по приговору Международного Нюрнбергского военного трибунала 16 октября 1946 года.

Сам Альфред Розенберг писал, что его главный труд «Der Mythos des 20. Jahrhunderts» был закончен в основном к 1925 году, но идея, лежащая в основе этого сочинения, родилась еще в 1917 году. Именно личные впечатления от русской революции подвигли Альфреда Розенберга к весьма прискорбным умозаключениям³¹:

«В 1917 году с “русским человеком” было покончено. Он распался на две части. Нордическая русская кровь проиграла войну, восточно-монгольская мощно поднялась, собрала китайцев и народы пустынь; евреи, армяне прорвались к руководству, и калмыко-татарин Ленин стал правителем. Демонизм этой крови инстинктивно направлен против всего, что еще внешне действовало смело, выглядело по-мужски нордически, как живой укор по отношению к человеку, которого Лотроп Штоддард правильно назвал “недоочеловеком”»³².

Здесь отметим, что употребленный Альфредом Розенбергом термин «Der Untermensch», подходящий к английскому «the Under Man», впервые был предложен американским расистом Лотропом Стоддардом³³. После завоевания власти национал-социалистами популярное словечко «недо-человек» дало название небезызвестному в Германии изданию.

Возвращаясь к той жесткой оценке, которую Альфред Розенберг давал своим бывшим соотечественникам в 20-х годах прошлого века, необходимо подчеркнуть, прежде всего, значимость социально-политического фактора. Растущая неприязнь к русским, которая наблюдается в его писаниях, обусловлена, прежде всего, социальными устремлениями основной массы российского населения в пору великих революционных потрясений. Так в июле 1924 года в журнале «Der Weltkampf» Альфред Розенберг публикует статью «Советская Иудея», в которой с беспощадностью поносит большевистский режим:

«В течение 1918 г. даже для всех полузрячих спала маска большевистского ффинкса, и выяснилось, что большевизм не был и не является борьбой за социальную идею, но политической борьбой евреев всех стран против национальной интеллигенции всех народов, чтобы с помощью натравленных против неё низших слоев народа уничтожить её и на её место поставить евреев или зависимые от них создания»³⁴.

Не вызывает удивления, что после тех теоретических обобщений, которые Альфред Розенберг делал в «Советской Иудее» и «Мифе XX века», ему оказалось не сложно через полтора десятилетия, перейти и к совершенно определенным практическим действиям. В ноябре 1942 года, выступая на заседании «Германского трудового фронта», Розенберг сказал: *«Видимо, если подчинить себе эти народы (т. е. народы, населяющие территорию СССР), то призыв и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления»³⁵.*

Хорошо известно, что в 1937 году Розенберг получил за свои литературные труды германскую национальную премию. В связи с этим нацистская печать писала о нем:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма. Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства»³⁶.

Как остроумно заметил по этому поводу главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе: *«И это будущее — стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит и не только влияние Розенберга «на философские основы национал-социалистского государства», но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами»³⁷.*

Практическая русофобия Альфреда Розенберга отчетливо проявила себя в том, что 7 апреля 1941 г., то есть за две недели до своего назначения руководителем оккупационных органов на Востоке и немногим более чем за два месяца до нападения Германии на СССР, он направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссариаты и о назначении правителей в оккупируемые области своей исторической родины. Таким образом, задолго до подписания Беловежских соглашений и даже горбачевской политики «перестройки» планы расчленения СССР разрабатывались нашим бывшим соотечественником Альфредом Розенбергом. В предложениях Розенберга фигурировали Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Петербург и Москва.

Не следует тешить себя иллюзиями, что в 30-е – 40-е годы XX века русофобия была распространена лишь в нацистской Германии. Она процветала и среди союзников Гитлера. В качестве одного из доказательств откровенной ненависти к славянским народам союзников Гитлера можно сослаться на запись беседы от 10 февраля 1942 г. между маршалом Ионом Антонеску и начальником протокольного отдела германского министерства иностранных дел — Дернбергом. Фрагмент этой беседы, имевшей место после встречи на границе, цитировался на Нюрнбергском процессе главным обвинителем от СССР. Вот приводимые им слова маршала:

«...Я заявил,— отмечает Антонеску,— что Румыния вступила в союз оси не для исправления Версальского договора, а для того, чтобы бороться против славян...»³⁸.

Именно ненависть к славянским народам и объединила Гитлера и Антонеску в подготовке и осуществлении агрессии против СССР ³⁹.

Общеизвестно, что 5 октября 1941 г. Гитлер обратился к Антонеску с письмом, специальной целью которого являлось согласование плана захвата и разрушения города Одессы. В согласованиях подобного рода не было по тем временам ничего исключительного. Так в документе, исходившем от «руководства морской войны» от 29 сентября 1941 г., и озаглавленном «будущность города Петербурга», указывалось: *«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы»⁴⁰.*

В приказе германского верховного главнокомандующего от 7 октября 1941 г. за подписью Альфреда Йодля предписывалось снести с лица земли Ленинград и Москву: *«И для всех других городов,— говорит приказ,— должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть*

превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня»⁴¹.

Особая тема это влияние нацистской русофобии на отношение к военнопленным. Так на Нюрнбергском процессе цитировался и секретный отчет руководимого Розенбергом имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий, относящийся ко времени Великой Отечественной войны. В нем, в частности, говорилось:

«Продовольственные нормы, установленные для русских, настолько скудны, что их не хватало для того, чтобы обеспечить их существование, и они дают только минимальное пропитание в течение ограниченного времени. Население не знает — будет ли оно еще жить завтра. Оно находится под угрозой голодной смерти.

Дороги забиты сотнями тысяч людей, бродящих в поисках пропитания; иногда число их доходит до одного миллиона, как утверждают специалисты. Мероприятия, проводимые Заукелем, вызвали большое волнение среди гражданского населения. Мужчины производили санитарную обработку русских девушек, насильно снимались фотографии с голых женщин, женщины-врачи (полагаю имеются в виду медицинские сестры) запирались в товарные вагоны для утехи командиров транспорта. Женщин в ночных сорочках связывали и насильно тащили через русские города к железнодорожным станциям и т. д. Весь этот материал был отослан в ОКХ»⁴².

Об обращении с лицами, угнанными в нацистское рабство, вполне определенно говорилось в письме Фридриха Эрнста Кристофа Заукеля, которое он направил Альфреду Розенбергу: *«Всем мужчинам (военнопленным и иностранным гражданским рабочим) следует давать такое количество пищи и предоставлять такого рода помещения для жилья и обращаться с ними таким образом, чтобы это потребовало от нас наименьших затрат при максимальной их эксплуатации»⁴³.*

Примечателен отрывок из письма, написанного Альфредом Розенбергом Вильгельму Кейтелю от 28 февраля 1942 г.:

«Судьба советских военнопленных, находящихся в Германии, является трагедией величайших размеров... Значительная часть из них умерла от голода или от климатических условий. Тысячи погибли от сыпного тифа.

Команданты лагерей запретили гражданскому населению давать продовольствие заключенным и предпочитали, чтобы они умирали

голодной смертью. Во многих случаях, когда военнопленные не могли продолжать пешие переходы вследствие голода и истощения, их расстреливали на глазах приведенного в ужас гражданского населения, а трупы оставляли непогребенными.

Во многих лагерях совершенно не было крова для военнопленных. Они лежали под открытым небом во время дождей и снегопада. Им не давали даже инструмента для того, чтобы вырыть ямы или землянки.

Наконец, надо упомянуть о расстрелах военнопленных. Например, в различных лагерях все лица «азиатской национальности» были расстреляны»⁴⁴.

Следует подчеркнуть, что такое чудовищное обращение с советскими военнопленными, о котором в своем письме откровенно говорит доктор Альфред Розенберг, является строго логическим следствием нацистской русофобии. В качестве дополнительной иллюстрации того, что военная практика шла рука об руку с теорией, сошлемся на статью, написанную еще одним высокопоставленным носителем ученой степени доктора. 19-го июля 1942 года в «Das Reich» появилась статья Йозефа Геббельса «Die sogenannte russische Seele», которая весьма значима для понимания нацистской русофобии. Героическое сопротивление советских воинов в ходе битвы за Севастополь произвело сильное впечатление на мировую общественность. В прессе нейтральных государств, как и в 1941 году, вновь возникла дискуссия о «загадочной русской душе». Нацистским ответом на рост симпатий к людям России и стала статья Йозефа Геббельса, призванная «доказать», что «так называемой русской души» просто не существует. Основная идея статьи была сформулирована так:

«Многогранность так называемой русской народной души, из-за которой она кажется такой сложной и противоречивой – на деле лишь отражает тот факт, что она составлена из многих различных народов. Судить о ней по западноевропейским меркам было бы ошибкой. То, что мы называем Россией, всегда представляло собой разнородную массу. Творцом истории в общем смысле всегда выступала лишь небольшая группа. В прошлом это был высший класс царской России, сегодня – удольшевицкая правящая клика. Широкие массы крестьян и рабочих всегда были лишь орудиями, не принимали самостоятельного участия в исторических событиях»⁴⁵.

Даже участие широких народных масс в ходе трех революционных потрясений XX века не смогло убедить Йозефа Геббельса в том, что русский народ способен быть субъектом политики. Представление, что

русский народ это «подневольное быдло», с исключительной яркостью отразилось в следующих словах, адресованных русским людям:

«Они бесчувственны, словно животные. Лишения и нищета – обычные условия их жизни, и потому они не так уж сильно к ней привязаны. Отдельный человек стоит в общественном мнении там примерно столько же, как и велосипед»⁴⁶.

С геббельсовской точки зрения, сама система большевистского государства строилась на умелом использовании тех этнопсихологических особенностей, которые будто бы были присущи славянским народам:

«Система большевизма основывается на изоциренном использовании (особенностей) славянской народной души. Только в России этот жуткий эксперимент был возможен. Для его осуществления требовалась примитивность и животная тупость, а в качестве предпосылки также социальная и хозяйственная невзыскательность свойственная объединенным в Советском Союзе народам»⁴⁷.

Логическим следствием таких психолого-политических обобщений стало убеждение в изначальной ущербности населения России, что в конечном итоге предопределило последующую уверенность в ущербности русской храбрости по сравнению с немецкой отвагой. Между тем Йозеф Геббельс писал:

«Храбрость – это одухотворенное мужество. Упорство же, с которым большевики защищались на подступах к Севастополю в своих дотах, было больше животным инстинктом, но было бы неправильно предполагать, что речь при этом идет о следствии большевистских взглядов или воспитания»⁴⁸.

Однако то упорное сопротивление, которое оказывалось немецким войскам в ходе обороны Севастополя, требовало определенных объяснений. При этом проявленная советскими воинами стойкость не могла быть (по идеологическим соображениям) отождествлена с храбростью немецких солдат и офицеров. Именно поэтому доктор Геббельс постарался все свести к примитивным звериным инстинктам русского человека:

«Нельзя не признать, что это имеет отношение к тому, что мы обычно принимаем за храбрость. Но, в конце концов, даже эта система, столкнувшись с последним испытанием, уступит превосходящему духу мужской воинственности»⁴⁹.

Таким образом «звериное упорство» русских, по мысли Йозефа Геббельса, раньше или позже должно было быть побеждено «одухотворенным мужеством».

Анализируя тексты, оставленные нам вождями национал-социалистического государства, бессмысленно оспаривать тот факт, что важнейшей задачей германской политической пропаганды было воспитание у немецкого населения чувства глубочайшей уверенности в неизбежности победы над Советским Союзом. Однако в тех случаях, когда во власти пропагандистских установок помимо воевавшего немецкого народа оказывались сами их авторы – вожди «Тысячелетнего рейха», катастрофическая недооценка противника становилась уже неизбежностью. В итоге паталогическая нацистская русофобия обернулась не только гибелью миллионов русских людей, но и трагедией для самого немецкого народа, включая его главных вождей.

Чудовищные преступления, спровоцированные нацистской неприязнью к русскому миру, не будут забыты и через многие десятилетия. Но сегодня тем более не следует замалчивать того обстоятельства, что среди военных преступников, повешенных в соответствии с решением Международного Нюрнбергского трибунала, был человек, предавший по русофобским мотивам свою историческую родину – Россию. Этот наш бывший соотечественник (по матери эстонец, а по отцу немец) Альфред Розенберг. Его глубокая неприязнь к русским, несмотря на сопричастность к их языку и культуре, сослужила дурную службу, как Гитлеру, так и всей национал-социалистической Германии. Презрение к русскому народу, обернувшееся его тотальной недооценкой как противника, в конечном счете, предопределило крах «тысячелетнего Рейха» и последующие самоубийства или же казни его вождей в соответствии с решениями Международного Нюрнбергского Трибунала.

¹Термин *русофобия*, то есть *боязнь русских* стал приобретать в нашей стране широкое распространение после многократных переизданий известной работы академика РАН И. Р. Шафаревича, написанной еще в 1978 – 1982 годах. См.: *Шафаревич И. Р. Русофобия* // Сочинения в трех томах. Т. 2. М., 1994. С. 86 – 172.

²*Островский А. В.* Глупость или измена. Расследование гибели СССР. М., 2011.

³В предисловии к *“Mein Kampf”* сам А. Гитлер писал по этому поводу следующее: *«Am 1. April 1924 hatte ich, auf Grund des Urteilspruches des Münchner Volksgerichts von diesem Tage, meine Festungshaft zu Landsberg am Lech anzutreten. Damit bot sich mir nach Jahren ununterbrochener Arbeit zum ersten Male die Möglichkeit, an ein Werk heranzugehen, das von vielen gefordert und von mir selbst als zweckmäßig für die Bewegung empfunden wurde. So habe ich mich entschlossen, in zwei Bänden nicht nur die Ziele unserer Bewegung klarzulegen, sondern auch ein Bild der Entwicklung derselben zu zeichnen».* – «1-го апреля 1924 г. на основании приговора мюнхенского народного

суда я был заключен в тюремный замок Ландсберг. После многих лет непрерывной работы я в первый раз получил возможность приступать к написанию труда, к которому меня подвигали многие и который мне самому кажется полезным для нашего движения. Я решился объяснить в двух томах не только цели нашего движения, но и нарисовать картину его развития».

⁴“Wenn europäische Bodenpolitik nur zu treiben war gegen Rußland mit England im Bunde, dann war aber umgekehrt Kolonial- und Welthandelspolitik nur denkbar gegen England mit Rußland”. – Hitler A. Mein Kampf. Erster Band. Verlag Franz Eher Nachfolger, G.m.b.H. München 2, NO Alle Rechte vorbehalten Copyright Band I 1925 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H., München, NO, FEN 1934. S. 157.

⁵“Wenn man vor dem Kriege noch unter Hinabwürgen aller möglichen Gefühle mit Rußland hätte gehen können, so kann man dies heute nicht mehr”. – Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. Copyright Band II 1927 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H., München, NO, FEN 1934. S. 753.

⁶“Das Schicksal selbst scheint uns hier einen Fingerzeig geben zu wollen. Indem es Rußland dem Bolschewismus überantwortete, raubte es dem russischen Volke jene Intelligenz, die bisher dessen staatlichen Bestand herbeiführte und garantierte. Denn die Organisation eines russischen Staatsgebildes war nicht das Ergebnis der staatspolitischen Fähigkeiten des Slawentums in Rußland, sondern vielmehr nur ein wundervolles Beispiel für die staatenbildende Wirksamkeit des germanischen Elementes in einer minderwertigen Rasse. So sind zahlreiche mächtige Reiche der Erde geschaffen worden. Niedere Völker mit germanischen Organisatoren und Herren als Leiter derselben sind öfter als einmal zu gewaltigen Staatengebilden angeschwollen und blieben bestehen, solange der russische Kern der bildenden Staatsrasse sich erhielt... An So unmöglich es dem Russen an sich ist, aus eigener Kraft das Joch der Juden abzuschütteln, so unmöglich ist es dem Juden, das mächtige Reich auf die Dauer zu erhalten”. – Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 742.

⁷Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 33.

⁸Ломоносов М. В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского»] // Полное собрание сочинений. Т. VI: Труды по истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747 – 1765 гг. М. – Л., 1952. С. 19 – 80.

⁹Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»... С. 33.

¹⁰“Seit Jahrhunderten zehrte Rußland von diesem germanischen Kern seiner oberen leitenden Schichten. Er kann heute als fast restlos ausgerottet und ausgelöscht angesehen werden. An seine Stelle ist der Jude getreten”.

¹¹Hitler A. Mein Kampf. Erster Band. S. 334.

¹²“So unmöglich es dem Russen an sich ist, aus eigener Kraft das Joch der Juden abzuschütteln, so unmöglich ist es dem Juden, das mächtige Reich auf die Dauer zu erhalten. Er selbst ist kein Element der Organisation, sondern ein Ferment der Dekomposition. Das Riesenreich im Osten ist reif zum Zusammenbruch. Und das Ende der Judenherrschaft in Rußland wird auch das Ende Rußlands als Staat sein”. – Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 742-743.

¹³Примечательно, что в “Mein Kampf” есть два предложения, в которых с про- роческой глубиной сказано как о будущем тактическом союзе с Советской Россией, так и о его итоговых последствиях: “So liegt schon in der Tatsache des Abschlusses

еines Bündnisses mit Rußland die Anweisung für den nächsten Krieg. Sei Ausgang wäre das Ende Deutschlands". «Уже в самом факте заключения союза между Германией и Россией содержалось бы указание на следующую войну. Ее исход был бы концом Германии». Ошеломляющие слова, в которых при желании можно усмотреть не до конца осознанное предчувствие и Советско-Германского пакта 1939 года, и летних событий 1941 года и, что куда примечательней, победного мая 1945 года. См.: *Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 749.*

¹⁴«Der Kampf gegen die jüdische Weltbolschewisierung erfordert eine klare Einstellung zu Sowjet-Rußland. Man kann nicht den Teufel mit Beelzebub austreiben». – *Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 752.*

¹⁵«Ein Staat, der im Zeitalter der Rassenvergiftung sich der Pflege seiner besten rasischen Elemente widmet, muß eines Tages zum Herrn der Erde werden. Das mögen die Anhänger unserer Bewegung nie vergessen, wenn je die Größe der Opfer zum bangen Vergleich mit dem möglichen Erfolg verleiten sollte». – *Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 782.*

¹⁶*Маяковский В. В. Товарищу Нетте – пароходу и человеку //Сочинения в одном томе. М., 1940. С. 115.*

¹⁷*Baumann H. Es zittern die morschen Knochen.*

¹⁸«Sorgen aber muß sie dafür, daß wenigstens in unserem Lande der tödlichste Gegner erkannt und der Kampf gegen ihn als leuchtendes Zeichen einer lichtereren Zeit auch den anderen Völkern den Weg weisen möge zum Heil einer ringenden arischen Menschheit». – *Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 752.*

¹⁹«Слово “арийский”, – писал Г. Ф. К. Гюнтер, – превратилось в штамп. Раньше языковеды иногда называли все индоевропейские языки “арийскими”, потом стали говорить о народах, говорящих на “арийских” (т.е. индоевропейских) языках, как об “арийских народах” или “арийцах” и даже объединять их все в одну “арийскую расу”, хотя они отличаются друг от друга и физически и психологически. Таким образом, не различали языковую и расовую принадлежность. Народы одной расы или, правильней, одной расовой смеси могут говорить на разных языках, а народы, говорящие на одном языке отличаются друг от друга в расовом отношении. Но самое главное: народы это всегда расовые смеси и никогда не раса. Нет никакой “арийской расы”, хотя все народы, говорящие на “арийских” (правильней “индоевропейских”) языках, унаследовали их от племен одной и той же нордической расы». – *Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии. Изд. 2-е. Пер. с нем. А. М. Иванова. М., 2005. С. 87.*

²⁰В качестве древнего самоназвания *arya-, arīya* засвидетельствованы только у народов, говоривших на индоиранских языках. «В научном употреблении, – пишет академик И. М. Стеблин-Каменский, – “арии, арийцы”- это, как уже было указано, *индоиранцы*». – *Гаты Заратуштры / Перевод с авестийского, вступительные статьи, комментарии и приложения И. М. Стеблин-Каменского. СПб. 2009. С. 9.*

²¹Гаты Заратуштры... С. 5.

²²Здесь *arīya* «*но-арийски*» означает, что надпись была высечена на камне клинообразными знаками древнеперсидской письменности.

²³По мнению Э.Бенвениста – известного лингвиста и знатока иранских языков, слово *pavastāyā* (местн. пад., ед. числа, ж. р. от *pavastā*) в данном контексте обозна-

чает глиняную оболочку таблички, что соответствует слову halat “необожженный кирпич” в эламском переводе Бисутунской надписи.

²⁴Corpus inscriptionum Iranicarum. Part I: Inscriptions of Ancient Iran. Vol. I: The Old Persian Inscriptions. Text I: The Bisutun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text by Rüdiger Schmitt. London, 1991. P. 73.

²⁵Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 742.

²⁶Крылов И. А. Басни. Полное собрание. Л., 1944. С. 32.

²⁷«Wollte man in Europa Grund und Boden, dann konnte dies im großen und ganzen nur auf Kosten Rußlands geschehen, dann mußte sich das neue Reich wieder auf der Straße der einstigen Ordensritter in Marsch setzen, um mit dem deutschen Schwert dem deutschen Pflug die Scholle, der Nation aber das tägliche Brot zu geben». – Hitler A. Mein Kampf. Erster Band. S. 154.

²⁸“Man vergesse doch nie, daß die Regenten des heutigen Rußlands blutbefleckte gemeine Verbrecher sind, daß es sich hier um einen Abschaum der Menschheit handelt, der, begünstigt durch die Verhältnisse in einer tragischen Stunde, einen großen Staat überannte, Millionen seiner führenden Intelligenz in wilder Blutgier abwürgte und ausrottete und nun seit bald zehn Jahren das grausamste Tyrannenregiment aller Zeiten ausübt. Man vergesse weiter nicht, daß diese Machthaber einem Volke angehören, daß in seltener Mischung bestialische Grausamkeit mit unfaßlicher Lügenkunst verbindet und sich heute mehr denn je berufen glaubt, seine blutige Unterdrückung der ganzen Welt aufbürden zu müssen. Man vergesse nicht, daß der internationale Jude, der Rußland heute restlos beherrscht, in Deutschland nicht einen Verbündeten, sondern einen zu gleichem Schicksal bestimmten Staat sieht”. – Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band. S. 750.

²⁹Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер родился 9 января 1884 года в Риге. В бытность своего проживания в Российской Империи в составе отрядов самообороны участвовал в боях с восставшими во время революции 1905 – 1907 годов. В декабре 1910 года переехал в Мюнхен, где поступил в Высшую техническую школу. В 1914 году он поступил добровольцем в кавалерию. В 1916 году вернулся в Мюнхен, где закончил учебу в Высшей технической школе. В конце 1920 года организовал русско-германское общество «Aufbau» и пытался объединить русских эмигрантов правого умонастроения.

³⁰Альфред Розенберг родился 12 января 1893 года в Ревеле. Сын башмачника и матери-эстонки. Осенью 1910 года поступил в Высшую техническую школу в Риге. В 1915 году вместе со всей школой был эвакуирован в Москву. Изучал архитектуру в Высших технических школах в Ревеле и в Москве. В 1917 году получил диплом архитектора. В октябре 1917 года, проживая в Москве, сочувствовал большевикам. В 1918 году вернулся в Ревель, где попытался вступить в германский Добровольческий корпус, но не был принят как «русский». В конце 1918 года Альфред Розенберг переехал в Мюнхен, где занялся писательской деятельностью. Там произошло его знакомство с Дитрихом Экартом, который вовлек Альфреда Розенберга в «Общество Туле». Уже после этого Альфред Розенберг сблизился с Адольфом Гитлером и в 1920 году вступил в НСДАП (партийный билет № 625). С 1921 года он редактор, а с 1923 года главный редактор нацистской газеты “Völkischer Beobachter”. 9-го ноября 1923 года после провала Мюнхенского путча скрылся и не был привлечен к ответственности. Пока Гитлер находился в заточении в крепости Ландсберг, Аль-

фред Розенберг основал Великогерманское рабочее сообщество, в которое вошли многие члены запрещённой нацистской партии. В 1929 году Розенберг основал *Kampfbund für deutsche Kultur* (Боевой союз за немецкую культуру), в 1930 году был избран депутатом Рейхстага от Гессен-Дармштадта, и входил в состав комиссии по иностранным делам. В том же году вышел в свет «Миф XX столетия», неофициально обретший статус главного философского произведения национал-социализма.

³¹Здесь не лишне привести любопытное свидетельство Альберта Шпеера, показывающее истинное отношение вождя НСДАП к «Мифу XX столетия» — творению его ближайшего соратника: «... в беседах за чайным столом Гитлер без обиняков говорил, что это малопонятный бред, написанный самоуверенным прибалтом, который крайне путано мыслит. И вообще Гитлер удивлялся, что подобная книга вышла столь большим тиражом: «Возврат к средневековому мышлению». — Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 648.

³²*«Im Jahre 1917 wurde der "russische Mensch" endlich erlöst. Er zerfiel in zwei Teile. Das nordisch-russische Blut gab den Kampf auf, das ostisch-mongolische schlug mächtig empor, berief Chinesen und Wüstenvölker; Juden, Armenier drängten sich an die Führung und der Kalmücko-Tatаре Lenin wurde Herr. Die Dämonie dieses Blutes richtete sich instinktiv gegen alles, was noch äußerlich als aufrecht wirkte, männlich nordisch aussah, gleichsam lebendiger Vorwurf war gegen einen Menschen, den Lothrop Stoddard als "Untermenschen" bezeichnete».* – Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. S. 213-214.

³³*«The Russian people is made up chiefly of primitive racial strains, some of which (especially the Tartars and other Asiatic nomad elements) are distinctly "wild" stocks which have always shown an instinctive hostility to civilization».* – Stoddard Lothrop. The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under Man. New York, 1923. P. 132.

³⁴*«Im Laufe des Jahres 1918 fiel für alle halbwegs Sehenden die Maske der bolschewistischen Sphinx: es stellte sich nämlich heraus, daß der Bolschewismus nicht ein Kampf für eine soziale Idee war und ist, sondern ein politischer Kampf des Judentums aller Länder gegen die nationale Intelligenz aller Völker, um mit Hilfe der aufgehetzten unteren Schichten diese selbst ihrer geborenen Führer zu berauben und Juden an ihre Stelle zu bringen, bzw. von ihnen abhängige Geschöpfe».* – Rosenberg A. Судет-Юдäа. „Der Weltkampf“. № 2. Juli 1924. Идейная сущность этого отрывка весьма близка к тому, что писал А.Гитлер примерно в то же время (*Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band., S. 751*): *«Im russischen Bolschewismus haben wir den im zwanzigsten Jahrhundert unternommenen Versuch des Judentums zu erblicken, sich die Weltherrschaft anzueignen, genau so, wie es in anderen Zeitperioden durch andere, wenn auch innerlich verwandte Vorgänge dem gleichen Ziele zuzustreben suchte».* - «В русском большевизме мы видим новую, свойственную XX столетию, попытку евреев достичь мирового господства, точно также, как в другие временные периоды те же внутренне родственные им стремления к сходной цели облекалось в иную форму».

³⁵Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. Изд. 2-е. М., 1954. С. 274.

³⁶Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. II. С. 645.

³⁷Там же.

³⁸Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. II. С. 265.

³⁹В своих собственноручных показаниях следственным властям Советского Союза, которые были предъявлены Трибуналу, маршал Ион Антонеску рассказал о своих встречах с Гитлером в ноябре 1940 года, в январе 1941 года и в мае 1941 года, на которых обсуждались вопросы, связанные с подготовкой войны против Советского Союза. В первой беседе Антонеску с Гитлером, в которой участвовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера — Шмидт, обсуждались вопросы, имеющие прямое отношение к подготовляемой Германией агрессии против СССР и участию в этой агрессии Румынии. На поставленный советскими следственными органами вопрос Антонеску, можно ли рассматривать его первую беседу с Гитлером как начало его сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, он сказал: «Я отвечаю утвердительно. Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападений на Советский Союз». См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Т. I. С. 264.

⁴⁰Из секретной директивы Военно-морского штаба от 22 сентября 1941 г. ЗА № 1-а 1601/41 «О будущности города Петербурга» См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. С. 783 [Документ СССР-113].

⁴¹Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. С. 281. Боле подробные сведения о намерении нацистов полностью покончить с Санкт-Петербургом содержится в разделе «На месте Ленинграда – граница по Неве» последней книги профессора Николая Ивановича Барышникова (1922 – 2011). См.: Барышников Н. И. Финляндия: из истории военного времени 1939 – 1944. СПб., 2010. С. 52 – 56.

⁴²Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. С. 137.

⁴³Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. С. 138.

⁴⁴Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. С. 136.

⁴⁵«Die vielen Seiten der sogenannten russischen Volksseele, die uns manchmal so schillernd und widerspruchsvoll erschienen, sind in Wirklichkeit nur die Widerspiegelung gänzlich verschiedenartiger Volkstümer, die sich hier ein Stelldichein gegeben haben. Es wäre auch ganz falsch, sie nach der Schablone, die wir bei westeuropäischen Völkern anzuwenden. Pflegen, einzuordnen. Das, was wir Rußland nennen, ist immer nur als Masse kollektiv in Erscheinung getreten. Geschichtsbildend im allgemeinen Sinne hat drüben stets nur eine kleine Gruppe gewirkt, sei es damals die zaristische Oberschicht, sei es heute die bolschewistisch-jüdische Führungsclique. Die breiten Massen der Bauern und Arbeiter wurden immer nur von ihnen eingesetzt, ohne an den historischen Vorgängen selbst auch nur im mindesten beteiligt zu sein». – Goebbels J. Die sogenannte russische Seele // Das Eherne Herz, Berlin, 1942. S. 397.

⁴⁶«Sie sind stumpf und von einer wilden Animalität. Gewöhnt an ein hartes und entbehrensreiches Leben hängen sie gerade auch deshalb nicht allzu stark daran. Der Einzelmensch gilt im öffentlichen Denken kaum soviel wie etwa ein Fahrrad». – Goebbels J. Die sogenannte russische Seele// Das Eherne Herz, Berlin, 1942. S. 397.

⁴⁷«Das System des Bolschewismus beruht auf der raffiniertesten Ausnutzung der slawischen Volksseele. Nur in Rußland war dieses schaurige Experiment möglich. Es bedurfte der Primitivität und animalischen Stumpfheit sowie der sozialen und wirtschaftlichen Anspruchslosigkeit der in der Sowjetunion zusammengeschlossenen Völkerschaften als Voraussetzung, um überhaupt zum Zuge zu kommen». – Goebbels J. Die sogenannte russische Seele... S. 401.

⁴⁸«Tapferkeit ist eine Art von vergeistigtem Mut. Die Zähigkeit, mit der die Bolschewisten vor Sewastopol ihre Bunker verteidigten, war mehr ein animalischer Trieb, und nichts wäre falscher, als etwa annehmen zu wollen, es handle sich dabei um eine Folge der bolschewistischen Anschauung oder Erziehung». – Goebbels J. Die sogenannte russische Seele... S. 399.

⁴⁹«Wir können nicht einsehen, daß das etwas mit dem zu tun hat, was wir unter Tapferkeit zu verstehen pflegen. Denn schließlich muß doch auch dieses System, wo es zur letzten Probe gestellt wird, immer wieder dem überlegenen Geist eines männlichen Kämpfertums weichen». – Goebbels J. Die sogenannte russische Seele... S. 401.

УРОКИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА И ПРЕОДОЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА И КСЕНОФОБИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Международный военный трибунал в Нюрнберге был судом над людьми, развязавшими мировую войну и совершившими злодеяния, направленные против человечности. Приговор трибунала явился достойным правовым завершением победы над фашизмом. Значение Нюрнбергского процесса выходит за рамки только справедливого осуждения нацистских военных преступников, погубивших десятки миллионов человеческих жизней. Перед странами антигитлеровской коалиции, возглавившими объединенные нации, стояли задачи преодоления тлетворного влияния фашизма, осуждения агрессивной войны, борьбы за утверждение принципов гуманизма во всем мире. Документы Международного военного трибунала заложили правовые основы послевоенной системы международных отношений.

Нюрнбергский процесс продемонстрировал наличие политической воли народов мира закрепить в международном правосудии нормы, основанные на представлении о единстве человеческой цивилизации и общих для всего мира гуманистических ценностях¹. Результаты суда над военными преступниками были во многом подготовлены всей предшествующей историей цивилизованных стран Европы и Америки, постепенным укоренением идеалов гуманизма и свободы, включавших уважение прав человека, и прежде всего, права человека на жизнь, достойное и равноправное существование независимо от расовой и национальной принадлежности. Именно эти общечеловеческие идеалы позволили объединенным нациям сначала победить во Второй мировой войне, а затем попытаться искоренить зло нацизма как антигуманного явления в мире. Признание мировым сообществом этих идеалов в качестве универсальных норм права было необходимым условием легитимации Нюрнбергского трибунала и его решений. Поскольку процесс был первым в истории

примером суда за преступления против мира и человечества, поэтому со стороны всего международного сообщества было необходимым признание его в качестве прецедента, формирующего международное право.

Нюрнбергский трибунал поднял планку уважения к человеческой жизни и правам человека настолько высоко, что сами победители должны были в этой области предъявить претензии и себе. Борьба с фашизмом и открытое его осуждение вселило чувство уверенности в своих силах, породило надежду у многих народов на справедливое решение их национальных чаяний. Был дан мощный импульс борьбы с колониализмом за национальное освобождение, положено начало длительному процессу демократизации политических систем многих государств мира с целью изжития пережитков расовой дискриминации и сегрегации, преодоления формализма демократических институтов власти. Значительные усилия со стороны общественности и государственных деятелей были предприняты для обеспечения международной безопасности, предотвращения ядерной катастрофы. Конечно, народы мира в разных условиях, разными методами и в разной степени решали вопросы, поставленные в документах международного военного суда. Нюрнбергский трибунал не мог решить всех проблем человечества, но без его решений современный мир мог выглядеть менее привлекательным для человека.

Суду были преданы 24 военных преступника, входивших в число политического и военного руководства нацистской Германии. Международный трибунал в обвинительном заключении поставил вопрос о признании преступными ряда организаций, действовавших в нацистской Германии. Подсудимые обвинялись в том, что в целях установления мирового господства Германии они развязали и вели агрессивные войны, организовали и осуществили тягчайшие преступления против человечества. Правовые основы обвинения строились на том факте, что преступления совершались против основных прав человека, закрепленных в ряде международных соглашений конца XIX - первой половины XX вв., включая покушение на права человека, воплощенные в государственном суверенитете. Статья 6 Устава Трибунала определила в качестве преступлений против человечества: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам... независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены. Ответственность возлагалась на руководителей, организаторов

ров, подстрекателей и пособников, участвовавших в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана.

В Обвинительном акте Нюрнбергского трибунала устанавливались факты того, что главные военные преступники проводили умышленное и систематическое истребление народов, т.е. массовое истребление людей, принадлежащих к определенным расам и национальным группам, с тем, чтобы уничтожить отдельные расы и слои населения, а так же национальные, расовые и религиозные группы.

Международный трибунал указал на то, что злодеяния, совершенные военными преступниками и преступными организациями, стали возможными только потому, что в германское общество были внедрены идеи национализма и ксенофобии, воплотившиеся в государственную политику Третьего Рейха. В заключительной речи Главного обвинителя от СССР отмечалось: «Вся их так называемая "идеологическая работа" заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей "неполноценных рас", представлявших якобы лишь удобрием для произрастания "расы господ". Их "идеологическая работа" заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

«Подсудимые, – отмечал Р. А. Руденко, – идеологически обосновывали "право высших рас" на уничтожение, истребление "неполноценных народов"... произносили парадные речи "о еще новом шаге", пройденном германским фашизмом по пути очищения "жизненного пространства" от "низших рас". Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства... В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что "арийская" — "северогерманская" — раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — "низшая порода"»².

Английский обвинитель майор Элвин Джонсон, определяя вину подсудимых в насаждении идей, изложенных в «Майн кампф», говорил: "Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа... От книги "Моя борьба" прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майданека. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за

существование, изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев, в силу этого превосходства, господствовать над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей. Основное в этой книге - это проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также в утверждении, что все доктрины, которые проповедуют мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость". В конце своей речи на процессе Элвин Джонсон сказал, что доказательства, заключенные в книге "Моя борьба", показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого, Гитлер и его сообщники-подсудимые были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей³.

В суде было доказано, что подсудимые не только разжигали национальную и расовую рознь, воспитывали извращенную жестокость и призывали к массовым убийствам. Они непосредственно организовывали преступления, основанные на этих убеждениях – геноцид и массовый террор на оккупированных территориях, уничтожение мирного населения в ходе боевых действий.

Политика геноцида нацистской Германии наиболее явно воплотилась в Генеральном плане "Ост". Это план руководства нацистской Германии по колонизации и германизации стран Восточной Европы. План "Ост" предусматривал уничтожение, выселение, онемечивание населения государств Восточной Европы. Предполагалось в течение 30 лет переселить в Сибирь около 30 млн. человек с территории Польши и западных районов СССР. Это означало выселение 80 % польского населения, 65 % населения Западной Украины, 75 % Западной Белоруссии, значительную часть населения Литвы, Латвии, Эстонии. Затем планировалось переселить на их место 10 млн. немцев. Оставшееся население подлежало германизации. Задумано было уничтожить еще до начала выселения на оккупированных территориях 5 – 6 млн. евреев, до 30 млн. русских, а оставшуюся часть превратить в послушных рабов. Выполнять Генеральный план "Ост" германские нацисты начали с установления на оккупированных территориях жесточайшего оккупационного режима.

Фашистский террор распространился и на область идеологии. Пропаганда действовала в тесном контакте с политической полицией и широко пользовалась ее «аргументами». После поджога рейхстага антикоммунизм стал официальной, государственной доктриной германской импе-

рии. Любая оппозиция режиму, ее активисты подверглись чудовищному фашистскому террору. Гинденбург подписал заранее подготовленные чрезвычайные законы "О защите народа и государства", "Против измены германскому народу и изменнических действий", направленные на беспощадное подавление всякого сопротивления фашизму и реакции. Под предлогом "защиты от опасных для государства коммунистических насильственных акций" отменялось действие семи статей конституции, в которых были зафиксированы элементарные демократические права (свобода личности, свобода выражения мнения, свобода печати, союзов, собраний, сохранение тайны почтовой переписки, телефонных разговоров). Вводились обыски и аресты без ордеров, смертная казнь за разнообразные "преступления" политического характера⁴.

В 1933-1935 гг. были изданы законы, запрещавшие работать в государственных учреждениях, служить в армии лицам по расовым основаниям; их лишали прав гражданства, запрещали браки с "арийцами". Более того, нацисты перешли к прямому террору, организуя погромы и бесчеловечные расправы. Гитлеровцы полагали, что, участвуя в этих расправах, немцы проникнутся сознанием своего расового превосходства над другими народами.

Развернутая масштабная идеологическая обработка населения включала в систему пропаганды народное образование, печать, радио, библиотеки, музеи, театры, кино - все средства духовной культуры. Министерство Геббельса взяло их под свой контроль и поставило на службу агрессивной националистической политике нацистов. Рассматривая пропаганду как одно из основных средств укрепления своего господства и подготовки населения к войне, гитлеровцы ежегодно увеличивали бюджетные ассигнования министерству Геббельса: в 1934 г. они составили 26,1 млн. марок, в 1935 г. - 40,8 млн. и в 1938 г. возросли до 70,7 млн. марок⁵. Пропаганда должна была обеспечить полный контроль фашистов над мыслями и чувствами масс. Пропаганда, поучал Гитлер, должна быть направлена "главным образом на чувства и только в очень ограниченной степени рассчитана на так называемый разум... Чем скромнее ее научный балласт, чем больше концентрирует она свое внимание на чувствах масс, тем значительнее ее успех"⁶. Фюреру вторил Геббельс: "[пропаганда]... не имеет своей задачей быть одухотворенной... Она отнюдь не должна быть порядочной, щепетильной, мягкой или смиренной; ее задача - обеспечить успех..."⁷. Задачу всей пропаганды гитлеровцы видели в массивном идеологическом и психологическом воздействии на массы путем внуше-

ния крикливых фашистско-милитаристских лозунгов, выражавших суть их политической и военной доктрины: "Германия, проснись!", "Германия превыше всего!", "Долой Версаль!", "Народ, к оружию!", "Мы будем маршировать дальше!", "Мы устремляемся на Восток!", "Покончим с коммунизмом!" Характерными чертами нацистской пропаганды было ее монопольное положение в стране и опора на весь аппарат государственного насилия. По существу, речь шла о массивованном идеологическом приращении.

Нацистскими органами пропаганды усиленно насаждалась самая реакционная идеология - комплекс политических, философских, религиозных, моральных (фактически аморальных) и художественных (на деле антихудожественных) взглядов. Идеология фашизма, как и он сам, - характерный продукт кризиса западной цивилизации перед лицом экономических, политических и социальных потрясений. Для неё характерно такое явление как мракобесие, основанное на слепой и безрассудной вере в бессмысленность бытия, которая дает простор для произвольного выбора национальной идеи в качестве организующего начала проявления сильной воли. На первом месте находилась расовая теория, согласно которой данная нация является единственной, "богом избранной", и потому ей должно принадлежать мировое господство и все богатства земли. Ведь "избранная нация" не может жить в условиях ограниченного и потому недостаточного "жизненного пространства!"⁸.

Говоря о преступлениях фашизма против человечности нельзя закрывать глаза на то, что его человеконенавистническая основа сформировалась не в стороне от магистральных путей развития западной цивилизации. В её недрах сосредоточены преклонение перед разумом, идеей свободы, человеческой солидарности и гуманизма. Но ей присущи и культ силы, расового превосходства, дух стяжательства и ничем не ограниченной наживы. На духовную подготовку народов к войнам Запад бросал весь арсенал политических и правовых, философских и религиозных, экономических и социальных, даже этических и эстетических взглядов и теорий.

Однобоко истолковывая весь ход развития человеческого общества, не только многие историки, философы, юристы, публицисты, военные теоретики, но и государственные деятели западных стран проповедовали культ силы, войны и армии, расового и национального превосходства. Цивилизаторская миссия «белого человека» обосновывает кровопролития в колониях и так называемых «недемократических странах», амери-

канская антропологическая школа превозносит англосаксонскую расу и её особую миссию в современном мире, также как ранее оправдывала законы о сегрегации в США. Германская, а затем и американская школы геополитики обосновывают неизбежность борьбы то за жизненное пространство, то за стратегически важные позиции в мире. Сегодня, несмотря на все проявления политкорректности, эти «родимые пятна» латентно присутствуют в западной политической науке и культуре, периодически возрождаются политическими элитами в массовом сознании. В современной отечественной политической науке и в гуманитарном познании в целом широкое признание получили достижения западного обществознания и культуры. Но при этом зачастую забывают об изначальном смысле этих научных школ. При необходимости они легко превращаются в стереотипы массового сознания, используемые в условиях психологической войны против произвольно выбранного противника. Современные организаторы информационных войн являются прямыми продолжателями дела «PhD» Геббельса.

На постсоветском пространстве эти обстоятельства, вызывающие возрождение в массовом сознании профашистских настроений, усугубляются крушением СССР. Идеологической основой советского государства были принципы интернационализма. Распад многонационального государства сопровождался всплеском национализма и ростом национального самосознания. При этом местные политические элиты зачастую игнорировали тот факт, что реально территории бывших советских республик были представлены многонациональным населением, что провоцировало кровопролитие. При этом были допущены политические решения, повлекшие совершение преступлений, осужденных Нюрнбергским трибуналом. Однако государственные деятели, позволившие себе чрезмерное использование военной силы против гражданского населения, были освобождены от соответствующей ответственности. Тем самым были попорчены принципы, положенные в основу Устава Нюрнбергского трибунала. Государства, поступившие таким образом, возложили ответственность за преступления, совершенные отдельными представителями государства, на себя в целом.

Межэтническими конфликтами разной степени интенсивности сопровождалось события в бывших Чехословакии и Югославии. Многие из преступлений совершенных против человечности в ходе этих конфликтов не получили адекватной правовой реакции. Международный суд по военным преступлениям, совершенным на территории быв-

шей Югославии, дискредитировал себя стремлением не столько осудить реальных преступников, сколько попыткой во чтобы то ни стало оправдать агрессию НАТО против Сербии. Европейский суд в Страсбурге по правам человека опозорил себя оправданием латышских наследников СС. А Европейский Союз откровенно смирился с политикой апартеида в Прибалтике, лишившей гражданских прав сотни тысяч человек. В результате в современной политической жизни актуализировались процессы реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников. Наряду с принижением роли победы советского народа во Второй мировой войне всё это приводит к девальвации исторического наследия Нюрнбергского процесса в сознании современных политиков и в массовом сознании народов. Опасность состоит так же в том, что такое отношение к праву, провозглашенному в Нюрнберге, ведет к размыванию всей международно-правовой основы международной защиты прав человека и международной безопасности.

Процесс в Нюрнберге высветил такие глубинные проблемы современного общественного развития, как необходимость фундаментальной разработки международного уголовного права, создание сообществом государств механизма, правовой инфраструктуры, в рамках которой в принципе было бы невозможно развязать новую войну. Во второй половине XX в. международное сообщество пришло к выводу о том, что не только в национальном праве государств, но и в международном праве должны быть закреплены императивные нормы защиты основных прав и свобод человека. Запрещены самым решительным образом такие преступления, как геноцид, апартеид. К числу важных международных документов, содержащих положения или нормы, относящиеся к преступным нарушениям прав человека, относятся: Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала 1950 г.

В соответствии с этим помимо международно-правовых документов в области прав человека, закрепляющих общие обязательства государств по их уважению и обеспечению, разработан ряд международных конвенций, содержащих конкретные нормы по пресечению или предупреждению таких международных преступлений. К ним относится Конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г.

Прогрессивное развитие и кодификация норм гуманитарного права привели после Второй мировой войны к принятию Женевских конвенций 1949 г., которые существенно укрепили режим защиты жертв вооружен-

ных конфликтов. Каждая из четырех Женевских конвенций специально квалифицирует тяжкие нарушения гуманитарного права. Государства-участники при этом обязуются ввести соответствующее законодательство и принять меры по наказанию виновных лиц, независимо от их национальности. Тем самым устанавливается универсальный принцип наказания за эти преступления. В соответствии с этими конвенциями государства-участники не только имеют право, но и обязаны наказывать за их нарушения, независимо от территориального принципа или принципа гражданства лиц, их совершающих.

Мировое сообщество не переставало совершенствоваться и развивать международно-правовую базу преследования за преступления против человечности. В 1966 г. был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, в 1968 г. - Конвенция о не применимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества; в 1973 г. - Международная конвенция о пресечении преступлений апартеида и наказании за него. Важная кодификационная работа по разработке новых норм гуманитарного права была проделана на Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. Она завершилась в 1977 г. принятием Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г.

Вполне обоснованным является включение Нюрнбергским трибуналом в категорию международных преступлений расизма. В Женеве в 1978 г. Всемирная конференция по борьбе против расизма и расовой дискриминации в своей декларации определила расизм в качестве международного преступления, ведущего к угрозе международному миру и безопасности. В этом определении подчеркивается также, что теории расового превосходства и исключительности наносят ущерб дружественным отношениям и сотрудничеству между народами, международному миру и безопасности. Во второй статье Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках, принятой в Париже 27 ноября 1978 г., дается развернутая характеристика этого международного преступления. В ней говорится, что расизм означает «расистскую идеологию, установки, основанные на расовых предрассудках, дискриминационное поведение, структурную организацию и институционализированную практику, приводящие к расовому неравенству, а также порочную идею о том, что дискриминационные отношения между группами оправданы с моральной и научной точек зрения; он проявляется в дискриминационных законода-

тельных или нормативных положениях и в дискриминационной практике, а также в антисоциальных взглядах и актах; он препятствует развитию своих жертв, развращает тех, кто насаждает его на практике, внутренне разобщает нации, создает препятствия на пути международного сотрудничества и нагнетает политическую напряженность в отношениях между народами; он противоречит основным принципам международного права и, следовательно, создает серьезную угрозу международному миру и безопасности».

Расизм — международное преступление, и бесчеловечные акты, являющиеся следствием теории, политики и практики расизма, есть преступление, нарушающее принципы международного права, в частности цели и принципы Устава ООН, и создающее серьезную угрозу для международного мира и безопасности. Поэтому преступными должны быть объявлены организации, учреждения и отдельные лица, совершающие преступление расизма. Государства, виновные в поощрении расистских теорий и основанных на таких теориях и осуществляющие политику и практику расизма, должны нести за это повышенную международно-правовую ответственность.

Нюрнбергский процесс имеет большое историческое значение как образец единства народов в осуждении агрессии и судебного наказания военных преступников. На нем была разоблачена антигуманная сущность нацизма, его планы и действия по физическому истреблению десятков миллионов людей, уничтожению целых народов и государств, его преступная политика и кровавая практика. Нюрнбергский трибунал положил начало формированию основ современного гуманитарного права и права безопасности, которые во многом являлись основополагающей конструкцией послевоенного мирового порядка.

Окончание «холодной войны» привело к демонтажу Ялтинско-потсдамской системы международных отношений, которая исходила из уважения суверенитета и территориальной целостности государств, закрепленной в Заключительном акте СБСЕ в Хельсинки. Либерально-глобалистская идеология, положенная в основу формирования современного мирового порядка, исходит из необходимости единого мирового центра власти и приоритета международного права перед национальным суверенитетом. В политическом менталитете Запада считается допустимым абстрактный общественный идеал утверждать с помощью силы в ходе так называемых «гуманитарных интервенций». Стыдливым прикрытием агрессии при этом является концепция «ограниченного сувере-

нитета». Эта теоретическая посылка родилась не сегодня. Достаточно вспомнить Мюнхенский сговор, доктрину Трумэна или так называемую «доктрину Брежнева». Для обоснования этой концепции чаще всего вспоминают историю европейской интеграции. Это действительно прекрасный эксперимент межгосударственного объединения, совершенного на основе добровольной передачи части суверенных прав на межгосударственный уровень. Но этот механизм формировался десятилетиями на основе взаимного стремления к сближению участников процесса. К сожалению в большинстве других случаев процесс ограничения суверенитета связан с попытками распространить чужую, прежде всего, американскую юрисдикцию на территорию других государств. Стремление использовать западную унифицированную правовую модель во всем мире является проявлением современного неокolonialизма, и вряд ли соответствует демократическим принципам. Более того это явление, сопровождаемое применением силы, зачастую ведет к военным преступлениям против гражданского населения, которое нельзя оправдать неизбежными издержками.

В условиях современного мирового порядка выявились существенные недостатки международно-правового механизма реализации мер, преследующих своей целью предотвращение преступлений против человечности или военных преступлений. Сегодня, прежде всего, это несоразмерное применение силы при принуждении к миру с целью прекращения нарушения прав человека и основных свобод. Международный механизм действий здесь допускает слишком произвольную трактовку и возможность злоупотребления силой при реализации международных акций. Совершенно очевидно, что международное сообщество должно предпринять усилия по согласованию необходимых механизмов принуждения к защите прав личности при сохранении суверенитета государств. Нельзя забывать, что в государственном суверенитете, прежде всего, воплощены права граждан и механизмы их защиты. Например, государства могли бы договориться о введении ответственности государственных деятелей, которые укрывают или освобождают от ответственности лиц нарушающих права человека или совершивших военные преступления. Как показывает практика, правовые механизмы в этой области на национальном уровне отсутствуют, а международные структуры грешат политизированностью и недостаточными гарантиями защиты прав обвиняемых.

¹Московская декларация "Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства"; Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. "О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран "оси".

²Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками: В 2-х т. под ред. К. П. Горшенина. М., 1954.

³См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов...

⁴См.: Международный суд против идеологии национал-социализма // Материалы международной конференции в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2000.

⁵*Sheel K. Krieg über Ätherwellen.* Berlin, 1970. S. 56

⁶См.: Нюрнбергский процесс - история и современность (к 55-летию Международного военного трибунала, осудившего главных нацистских преступников Германии) // Материалы Международной научной конференции. М., 2000.

⁷*Sheel K. Op. cit.* S. 28-29.

⁸Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989.

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

М. Г. Яковлева

ПОЛОЖЕНИЕ ГУГЕНОТОВ И ГРАНИЦЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТИ ВО ФРАНЦИИ В 1661-1683 ГГ.

Религиозная терпимость – актуальная проблема современного общества, которая оказывает влияние на культурное и политическое развитие как отдельно взятой страны, так и всего мира.

Во Франции проблема религиозной терпимости остро стояла на протяжении веков, начиная со второй половины XVI века. Борьба католиков и гугенотов со времен Религиозных войн заставляла государственных деятелей уделять большое внимание этому вопросу.

К началу самостоятельного правления Людовика XIV гугеноты уже потеряли политический вес. Кардинал Ришелье после успешной осады Ла-Рошели отменил все политические привилегии протестантов, предоставленные им по Нантскому эдикту¹. Это означало, что они больше не могли противостоять королевской власти и влиять на политическое развитие страны.

Несмотря на то, что положение гугенотов было зафиксировано Нантским эдиктом, в обществе постоянно нарастали настроения нетерпимости по отношению к протестантам. Католическое духовенство оказывало влияние на положение протестантов, оно выступало за ограничение их прав. На соборах католической церкви духовенство постоянно подавало жалобы на гугенотов, обвиняя их в преследованиях католиков². Несмотря на активную пропаганду со стороны католиков и давление, которое они оказывали на Людовика XIV, положение кальвинистов ухудшалось не столь стремительно в первый период царствования монарха, если сравнивать с гонениями на гугенотов после отмены Нантского эдикта. Историки объясняют это тем, что Людовик предавался увеселениям, устраивал роскошные праздники, не встречая на своем пути каких-либо проблем, связанных с протестантским вопросом³.

Что касается общественного положения, занимаемого протестантами, то это были в основном представители городских слоев – купцы, ремесленники, а в южных областях Франции – землевладельческий класс и виноделы⁴. Необходимо отметить, что доля протестантского населения во Франции не была столь значительной, как может казаться. К сожалению, точных данных о численности гугенотов во Франции нет. А. Н. Савин полагает, что цифра колеблется от одного миллиона до двух⁵. Однако протестанты сосредотачивали в своих руках огромные богатства, постоянно росла их роль в экономической жизни страны. Это вызвало интерес генерального контролера финансов Жана-Батиста Кольбера, который старался удержать короля от преследований протестантов⁶. Такая политика проводилась Кольбером с целью достижения процветающего состояния национальной экономики. Кольбер ценил ремесленников, которые приносили доход государству, и старался защищать протестантов в религиозном вопросе⁷. Важным пунктом в экономической жизни Франции второй половины XVII в. было развитие и организация как можно большего числа мануфактур. Следовательно, гугеноты с их знаниями и навыками представляли интерес для Кольбера.

Ущемление религиозных свобод приводило к тому, что гугеноты начинали все чаще покидать страну. Ж.-Б. Кольбер не мог допустить эмиграции квалифицированных ремесленников и торговцев, которые вели свои дела на высоком уровне. Вопрос эмиграции части французского населения вставал еще до отмены Нантского эдикта. В 1666 г. началась волна эмиграции, которая была остановлена через три года благодаря Кольберу. В августе 1669 г. был принят эдикт, подписанный министром, о запрете французам селиться за границей⁸. Для Кольбера и его политики меркантилизма эмиграция из страны была смертельным ударом. Он готов был любой ценой удерживать ремесленников и торговцев, которые приносили большой доход государству.

Защита Кольбера распространялась и на иностранцев, которые придерживались протестантского вероучения. Показателен пример защиты Кольбером голландца Ван Робэ, который основал мануфактуру по производству сукна в городе Абвиль. Кольбер отмечает, что Ван Робэ постоянно мешали и препятствовали в Абвиле из-за того, что в нем практически не было гугенотов⁹. Это можно объяснить тем, что местное католическое население, не взаимодействовавшее с гугенотами, не готово было мириться с влиятельным протестантом. Кольбер в письме к интенданту Амьена, Руиле дю Кудрэ, призывает его оказать Ван Робэ защиту в пра-

восудии и предоставить средства для развития мануфактуры¹⁰. Итак, в отдельных случаях влияние Кольбера играло решающую роль.

Однако, несмотря на отдельные меры, предпринимаемые Кольбером, существовали более радикальные ограничения, которые распространялись на всех протестантов, не зависимо от их положения в обществе. С 1663 г. те люди, которые принимали католичество, освобождались от уплаты долгов своим бывшим единоверцам, что лишало гугенотов части их имущества¹¹. Также протестантам запрещалось строить новые церкви и ремонтировать старые¹². После 1665 г. протестантские школы, которые не имели специального патента, переходили под контроль католиков, а открытие новых школ формально запрещалось¹³. Вольтер отмечает, что канцлер Летелье и его сын Лувуа, которые боролись с Кольбером за власть, стремились представить протестантов бунтовщиками, потому что генеральный контролер финансов покровительствовал им как полезным подданным. Вследствие этого, в 1681 г. он получил приказ не давать откупов ни одному протестанту¹⁴. Таким образом, можно говорить о выборочной политике, которая проводилась исключительно с целью улучшения экономического благосостояния государства, а также о том, что при дворе не было единой позиции по этому вопросу.

Итак, на основании приведенных примеров, можно сделать вывод о том, что религиозные проблемы активно использовались в политической и в экономической жизни Франции XVII в. Говорить о толерантности по отношению к другим религиям еще рано. Линия, поддерживаемая Ж.-Б. Кольбером, была направлена на получение непосредственных выгод для государства, а не на защиту протестантского населения.

Вольтер отмечал, что Кольбер использовал гугенотов в морской службе¹⁵. Можно говорить о том, что министр не был заинтересован именно в протестантском вероисповедании моряков. Об этом свидетельствует письмо Кольбера де Ла Брунтьеру, епископу города Сант. В нем говорится о том, что Людовик XIV **принял решение о прекращении использования на флоте офицеров-протестантов**. Кольбер по приказу короля пишет епископу, чтобы он выбрал способного человека из своей епархии для обучения офицеров, которые захотят перейти в католичество, тем самым сохраняя свое место службы¹⁶. В данном случае генеральный контролер финансов не проявляет никакой инициативы в поддержку протестантского населения. Подобное письмо было направлено Кольбером и сеньору Бродару, интенданту галер в Марселе. Кольбер также говорит о необходимости сокращения количества офицеров, которые исповедуют

кальвинизм, сообщает о том, что в Марсель направлен епископ, чтобы указать протестантам на их ошибки. Также министр просит прислать ему точный список тех офицеров, которые являются гугенотами¹⁷. 7 июля 1680 г. Кольбер пишет интенданту города Рошфор о том, что получил его докладную записку об отречении протестантов. Кольбер указывает в своем письме, что король очень доволен большим количеством обращенных в католичество протестантов. Министр, однако, подчеркивает, что необходимо строго контролировать процесс перехода в католичество морских офицеров и моряков, так как среди них обращенных не так много, как желал бы король¹⁸. Приведенные примеры показывают, что Кольбер выступает в роли ярого католика, который не приемлет другого выхода кроме, как переход всех кальвинистов в лоно католической церкви.

Однако Кольбер смягчается, когда речь вновь заходит о рабочих мануфактуры по изготовлению сукна в Абвиле. Они жалуются на чрезмерное давление со стороны капуцинского монаха. Кольбер пишет епископу Амьена, чтобы монах смягчил свое усердие¹⁹. Таким образом, Ж.-Б. Кольбер маневрировал между экономическими интересами страны и общественным мнением, а главное – мнением Людовика XIV. Подобная двусмысленность показывает неготовность страны воплощать принцип свободы совести в рассматриваемый период.

После смерти Кольбера на Людовика XIV оказывало все большее влияние католическое духовенство, что в результате привело к отмене Нантского эдикта²⁰. После этого события эмиграция из страны протестантов возросла. Некоторые католики понимали бедственность положения. А. Н. Савин показывает отношение инженера Себастьяна Ле Претра де Вобана, которого опечалил тот факт, что страну покинуло сто тысяч человек и шестьдесят миллионов ливров, а также ослаб французский флот и армия из-за ухода девяти тысяч матросов и двенадцати тысяч солдат. Исследователь также отмечает, что Вобана расстраивают лишь материальные потери Франции, и он не выступает за защиту веротерпимости и справедливости²¹. В работе середины XVIII в. также отмечается, что несмотря на уверения сторонников отмены Нантского эдикта, невозможно отрицать упадка в финансовой сфере, в сельском хозяйстве и промышленном производстве²². Автор указывает на то, что хорошие экономические показатели в торговле сразу после отмены эдикта – это лишь прежние заслуги Ж.-Б. Кольбера, которые еще давали положительные результаты²³.

Таким образом, для торгово-промышленных кругов XVII в. вопрос веротерпимости был лишь вопросом получения дополнительных выгод,

а не вопросом морального толка, который позволял бы отстаивать принципы свободы совести и бороться за право протестантов жить и работать в стране, в которой они родились.

¹Всемирная история в 10 томах / Под ред. Е.М. Жукова М., 1958. Т. 4. С. 233.

²Афанасьев Г.Е. Гугеноты при Людовике XIV. Одесса, 1895. С. 6.

³Там же. С. 7. *Clément P.* Lettres, instructions et mémoires de Colbert. Paris, 1869. Vol. 6. P. LXXXIX.

⁴Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 6.

⁵Савин А.Н. Век Людовика XIV. М., 1930. С. 170.

⁶Рогинская А.Е. Очерки по истории Франции (XVII-XIX). М., 1958. С. 39.

⁷*Gachon P.* Quelques préliminaires de la révocation de l'Édit de Nantes en Languedoc (1661-1681). Toulouse, 1899. P. 144.

⁸*Stankiewicz W.J.* Politics and religion in seventeenth century France. Berkeley – Los Angeles, 1960. P. 175-176.

⁹*Clément P.* Op.cit. P. XCI-XCII.

¹⁰*Colbert J.-B.* à M. Rouillé du Cordray, intendant à Amiens, Saint-Germain, le 21 octobre 1679 // *Clément P.* Op. cit. P. 97.

¹¹Савин А.Н. Указ. соч. С. 175.

¹²Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 7.

¹³*Phillips H.* Church and culture in 17th century France. Cambridge, 1997. P. 213.

¹⁴*Вольтер Ф.М. де.* История царствования Лудовика XIV и Лудовика XV. М., 1809. Т. 2. С. 329-330.

¹⁵Там же. С. 327.

¹⁶*Colbert J.-B.* à M. de La Brunetière, évêque de Saintes, Saint-Germain, 14 avril 1680 // *Clément P.* Op.cit. P. 129.

¹⁷*Colbert J.-B.* au sieur Brodart, intendant des galères à Marseille, Saint-Germain, 14 avril 1680 // *Clément P.* Op.cit. P. 130.

¹⁸*Colbert J.-B.* à M. de Demuin, intendant à Rochefort, Paris, 7 juillet 1680 // *Clément P.* Op.cit. P. 137-138.

¹⁹*Colbert J.-B.* à l'évêque d'Amiens. Saint-Germain, 16 octobre 1671 // *Depping G.B.* Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV. Paris, 1855. Vol. 4. P. 319-320.

²⁰Рогинская А.Е. Указ. соч. С. 39.

²¹Савин А.Н. Указ. соч. С. 190.

²²*Turteau de La Morandière D.L.* Principes politique sur le rappel des protestants en France. Amsterdam, 1764. P. 26.

²³*Ibid.* P. 28.

ЛОРД БЬЮТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1760-Х ГГ.

Либеральная политическая традиция Великобритании всегда негативно относилась к явлению фаворитизма. Утверждение на британском престоле представителей Ганноверской династии, казалось, заставило забыть об этом феномене, однако начало правления Георга III и выдвижение близкого друга и воспитателя короля Джона Стюарта, третьего графа Бьюта (1713-1792) вновь напомнило о забытом явлении. При этом Бьют также вызывал негативные эмоции из-за его неанглийского (шотландского) происхождения. В этой связи целью данной статьи является проследить основные шаги лорда Бьюта как фаворита и отношение к нему политической элиты страны в критически важные для истории Великобритании 1760-е гг. в контексте как его особой связи с королём, так и этнического происхождения фаворита.

Восхождение шотландца началось случайно. Первоначально он познакомился в 1747 г. с сыном Георга II и отцом Георга III Фредериком, когда помогал принцу Уэльскому скрасить за карточным столом часы ожидания возобновления крикетного матча, прерванного дождём. Тогда принц был очарован манерами графа¹. Считается, что Бьют понравился Фредерику и его супруге Августе благодаря обаянию, вежливости и хорошей внешности: современники отмечали графа как обладателя самых элегантных ног эпохи! Именно через отца Бьют вышел на ещё совсем юного будущего Георга III, став его воспитателем. На этом посту Бьют показал себя ответственным преподавателем, оставаясь в политике заднескамеечником-изоляционистом, считавшим, что политическая система, от которой он никогда не получал выгод, была коррумпирована из-за системы патронажа². Впрочем, тогда способности Бьюта многим казались спорными, и даже Фредерик заметил, что граф будет прекрасным послом при небольшом дворе, где ничего не надо делать³. Критически таланты Бьюта

оценивал и его конкурент в деле воспитания сына Фредерика граф Уолдегрейв, отметивший, что «его исторические знания в основном взяты из трагедий, которые он очень глубоко читал, а его классическое образование не простиралось дальше французских переводов»⁴.

Несмотря на это, Бьют пришёлся по душе будущему Георгу III, меланхоличная натура которого требовала возле себя преданного человека, каковым и оказался лорд Бьют, его «дражайший друг», который воспринимался как модель поведения по аналогии со школьником, подражающим своему любимому учителю⁵. Стоит заметить, что в эти годы шотландское происхождение Бьюта ещё никем серьёзно не обыгрывалось в политических целях, очевидно из-за трудности предсказания дальнейших последствий этой связи. Бьют помог подготовить Георга к роли короля, но сам он не имел никакого существенного опыта политика и смог передать принцу лишь свои взгляды⁶. Бьют был уверен, что Великобритании нужны реформы. Он смотрел на будущее с позиции страны, а не двора, и верил, что будущий монарх должен сократить национальный долг и экономить национальные финансы, избегать обязательств в европейских конфликтах, вытекающих из привязанности Георга II к Ганноверу, и, самое главное – работать, чтобы освободить монархию от министерского контроля, а политический мир в целом – от коррупции⁷. При этом фаворит смог достаточно точно преподать принцу структуру британской конституции.

К началу правления Георга III **британское правительство представляло** фактически коалицию под руководством герцога Ньюкасла (первого лорда казначейства) и Уильяма Питта-старшего (государственного секретаря южного департамента). Несмотря на успехи в Семилетней войне, кабинету не хватало единства из-за раскола между его лидерами. Питт и Ньюкасл являлись лишь вынужденными союзниками в ведении войны с чётко оговорёнными ролями: первый отвечал за стратегию военных действий, второй контролировал парламент через электоральное влияние и искал финансовые ресурсы⁸. Несмотря на популярность в стране, Питтом были очень недовольны в политических кругах. Ньюкасл нехотя принимал политику Питта из-за опасений, что страна окажется неспособной противостоять бремени войны. Не ладилось у Питта также с королём и Бьютом. Если ещё в 1757 г. Питт был тесно связан с Лейстерским домом (резиденцией принца Уэльского), то затем он кардинально разошёлся по проблемам Семилетней войны⁹. Постепенно это сотрудничество прекратилось, и после 1760 г. Георг открыто стал называть Питта «самым чёр-

ствым из сердец»¹⁰. В таких условиях предстояло действовать на политической арене лорду Бьюту.

После смены монарха действующих министров волновал вопрос включения Бьюта в кабинет. Согласно Ньюкаслу, в первый же день своего правления Георг III предложил фавориту пост государственного секретаря (вместо Холдернесса), но тот отказался¹¹. Два дня спустя король всё же отблагодарил своего воспитателя, назначив его и своего брата Эдуарда членами Тайного совета. При этом нельзя утверждать, что положение Бьюта давало ему преимущества. Например, когда его попытались назначить в комиссию по приостановке сессии парламента, выяснилось, что Бьют не является пэром палаты лордов, эта затея была оставлена¹². Бьют вообще не был членом ни одной палаты. В качестве шотландского пэра он мог войти в состав верхней палаты как один из 16 пэров, но для этого вынужден был ждать всеобщих выборов, запланированных на весну 1761 г.¹³ Однако Бьют уже стал важнейшим фактором в политике, с которым король требовал считаться, что стало не нравиться многим.

Впервые недовольство Бьютом и его шотландским происхождением зазвучало громко после произнесения Георгом III 18 ноября 1760 г. тронной речи на открытии сессии парламента. Во фразе: «Рождённый и получивший образование в этой стране, я горжусь носить имя британца...»¹⁴ раздражение вызвало слово «британец» и добавило недоверия к фавориту: разнёсся слух, что именно вмешательство шотландца предотвратило написание Георгом слова «англичанин»¹⁵, что считалось оскорбительным. Здесь необходимо отметить, что своих этнических северных соседей англичане не жаловали едва ли не на генетическом уровне. Частые вмешательства в дела Англии ещё до унии и поддержка деспотичной династии Стюартов посредством неоднократных якобитских мятежей помогли сформировать в английском сознании отрицательный образ шотландца, дикого и необразованного малого, жадного до чужого имущества, сторонника тирании. Наиболее подверженными такой пропаганде оказались низшие слои населения, прежде всего в столице. Высший, а значит образованный класс не опускался до подобного уровня, но по мере роста активности фаворита идея использовать антишотландские настроения простонародья росла.

В кабинетной политике король и Бьют решили воспользоваться противоречиями главных министров. Герцог Ньюкасл, жадный до власти и опытный интриган, отказался от объединения усилий с Питтом, зато на союз, предложенный Бьютом, согласился¹⁶. Однако альянс Бьюта с Нью-

касл, которого фаворит называл не иначе как кардиналом, был временным и непрочным. Бьют пообещал Ньюкаслу, что управление предстоящими общими выборами будет принадлежать ему, чего герцог очень хотел. Одновременно Бьют заигрывал и с Питтом¹⁷. Ходили даже слухи о сговоре Питта с Бьютом для получения фаворитом поста премьер-министра. И хотя, скорее всего, они были необоснованными, Ньюкасл, Хардвик и Девоншир считали предательство Питта возможным¹⁸, тем более что переписка Бьюта с Питтом носила демонстративно вежливый и даже заискивающий характер. Однако великий коммонер был слишком прямолинеен для тонких комбинаций, к тому же он сильно расхотелся с королём во взглядах на продолжение войны. Бьют и король категорически не хотели поддерживать военные действия в Германии и субсидировать Фридриха II из британской казны: их желанием был мир¹⁹. Об их отношении к войне можно судить по декларации монарха, зачитанной 25 октября 1760 г. Изначально эта речь была составлена самим Георгом при активной помощи Бьюта. Приглашённые прослушать её предварительный вариант Питт и Холдернесс были в шоке. Король писал о «кровавой и дорогой войне» и «достижении почётного и прочного мира» без упоминания о союзниках. В разговоре с Бьютом Питт настоял на корректировке текста²⁰. Георг III с большой неохотой согласился на этот шаг, вероятно под влиянием Бьюта. Позиции Питта во власти всё более слабели.

12 марта 1761 г. Бьют, наконец-то, получил официальный пост государственного секретаря вместо Холдернесса, на котором ему было удобнее интриговать против старых министров. Спустя несколько месяцев, категорически разойдясь с кабинетом по вопросу о войне с Испанией, Питт подал в отставку 5 октября. Этот акт сопровождался пожалованием 3000 фунтов стерлингов годовой пенсии и пэрского достоинства для его супруги²¹, в чём Бьют сыграл роль посредника. Отныне трёхстороннее противостояние сменилось двусторонним: Бьют – Ньюкасл. На некоторое время глава казначейства впал в эйфорию, но торжество длилось недолго: его трения с фаворитом всё возрастали. Ньюкасл требовался Бьюту только чтобы разделить ответственность за мирный договор при проведении его через парламент²². Но герцог не разделял пацифизм Бьюта и не стремился форсировать мирные инициативы. Если Бьют выступал за немедленный мир в Германии, то Ньюкасл хотел сохранить Пруссию как союзника. Разногласия всё возрастали²³. К маю 1762 г. Бьют и Ньюкасл основательно разошлись по ключевым вопросам. На встрече кабинета 4 мая предложения герцога не нашли поддержки других министров.

Даже его коллеги по ведомству, следуя политической конъюнктуре, стали искать благорасположения короля и Бьюта, что окончательно подвигло герцога к решению об отставке. На встрече с королём герцог сообщил, что учитывая обстоятельства, он не может больше оставаться на службе, и не изменил своего решения²⁴.

Теперь руководство кабинетом перешло к Бьюту. Но из-за непопулярности нового премьер-министра администрация сразу же оказалась под огнём критики. Выбор Бьюта был едва ли удачным. Чуждый вигской олигархии, шотландец и друг короля, Бьют, не имевший нужного опыта и способностей, стал премьер-министром в стране, где не любили северных соседей и королевских фаворитов²⁵. Если отставка Питта раззадорила ксенофобское общественное мнение страны, то после отставки Ньюкасла, не обещавшего, в отличие от Питта, не уходить в оппозицию, противостояние шотландцу возросло. Генри Фокс отмечал: «...сейчас пресса с большей страстью чем когда-либо работает против лорда Бьюта. Очень удивительно наблюдать, насколько быстро и яростно распространится огонь, принимая во внимание, что он подпитывается большим старанием и раздувается национальным предрассудком, закоренелым и всеобщим»²⁶. Многочисленные публицисты старались всюду, формируя негативный образ главы администрации. Казалось, Бьют должен в одиночку проводить мирный договор через враждебный ему парламент вопреки недовольству населения.

Правильно оценив ситуацию, король и фаворит решили привлечь Генри Фокса, политика, которого оба недолюбливали. «Мы должны позвать плохих людей, чтобы править плохими людьми» – сказал тогда Георг III²⁷. В условиях почти полного отсутствия поддержки снизу, правительству крайне важно было заручиться содействием хотя бы самой неоднозначной частью политической элиты. Фокс, мастер политических интриг, прекрасно справился со своей задачей, добившись поддержки парламента в утверждении мирного договора. «Энньюэл Реджистер» отмечал: «Условия мира критиковались безжалостно. ... Однако ожидания общества были полностью обмануты. Прелиминарии одобрили без каких-либо оговорок обе палаты; лорды – без разделения, общины – с несоразмерным большинством»²⁸. 10 февраля 1763 г. мирный договор был официально подписан.

Кроме давления на Бьюта со стороны оппозиционных политиков в парламенте наблюдалось большое недовольство в Сити. Показателен эпизод, случившийся в день открытия сессии парламента 25 ноября 1762

г., когда фаворита встретили разъярённые лондонцы: «В этой толпе лорда Бьюта сильно оскорбили и освистали, и немного помяли. Говорят, но и отрицают, что короля тоже оскорбили. Лорд Бьют, чтобы избежать обращения, которое он встретил по дороге, возвратился в наёмном экипаже, но толпа узнала его, преследовала и выбила стёкла экипажа...»²⁹. Генри Фокс считал, что данные события были спровоцированы Ньюкаслем, настроившим толпу против Бьюта. Сам фаворит и король верили в более серьёзный заговор. Показательно, что выступления лондонской толпы начались именно с 1761 г. – года резкого возвышения Бьюта – кто-то из политиков удачно эксплуатировал антишотландские чувства населения³⁰.

Однако положение Бьюта не стало лучше. Авторитет министра стал падать даже среди служащих казначейства, которые с неуважением относились к министру, сомневаясь в необходимости подчиняться его приказам³¹. Ситуацию усугубили непопулярные меры правительства, такие как заём в 3,5 млн. фунтов стерлингов на очень странных условиях и акцизный налог на сидр, вызвавший в буквальном смысле всеобщую ненависть простых людей и добавивший масло в огонь антишотландских настроений. Хотя билль о налоге на сидр с трудом, но всё же прошёл обе палаты парламента и стал законом, нервы у фаворита не выдержали и 7 апреля 1763 г. он официально объявил об уходе в отставку на следующий день по состоянию здоровья, что для большинства политиков оказалось полной неожиданностью. Немногие современники всерьёз восприняли объяснения Бьюта. Некоторые полагали, что не последнюю роль сыграли опасения его семьи за личную безопасность³². Другие, например Уолпол, видели причину в панике, возникшей из-за опасений перед оппозицией³³. А Баррингтон считал, что этот шаг был продиктован желанием улучшить положение короля³⁴. Судя по имеющимся письмам, планы отставки граф вынашивал давно, так что его соратники о них знали или догадывались³⁵.

Касаясь дальнейшей судьбы фаворита, необходимо отметить, что несмотря на тёплые чувства к нему монарха, некоторые историки отмечали, что отставку Бьюта король принимал, казалось, без сожаления³⁶. Бьют был лишь «юношеской привязанностью» короля, взрослого под влиянием политических обстоятельств. К 1765-1766 гг. Георг III полностью избавился от зависимости от фаворита³⁷. В 1765 г. шотландец ещё сохранял некоторую связь с королём, но его политический контроль стал крайне ограничен. Несомненно, относительная пассивность Бьюта в политике была результатом его собственного решения³⁸. Понимая степень неприязни к себе многих политиков и общественного мнения,

Бьют старался, чтобы его отставка выглядела наиболее полной: «Граф Бьют намерен покинуть казначейство, не занимать никакую должность в настоящем, но остаться в кабинете, и быть персональным другом короля, хотя больше и не слугой короны» – писал современник³⁹. В это было трудно поверить, поэтому в политической борьбе стало модно использовать тезис о продолжавшемся влиянии Бьюта за кулисами. О нём вспоминали при каждом новом формировании министерства или серьёзном политическом кризисе, которых было немало в период политической нестабильности 1760-х гг. В народе продолжала существовать популярная страшилка о деспотичном шотландце, поддерживаемая частью политической элиты. Правильно или неправильно, однако руку Бьюта видели позади всех правительственных интриг. Например именно ей герцог Бедфорд приписал трёхдневные мятежи, разразившиеся в мае 1765 г. В этой связи в октябре 1778 г. сын лорда Бьюта лорд Маунтстюарт издал в своих бумагах письмо, в котором говорилось, что лорд Бьют уполномочил его провозгласить, что с тех пор как герцог Камберленд советовался с ним по новому министерству в 1765 г., он не наносил визиты королю за исключением утреннего и обеденного приёма, и что он никогда не давал своего совета или мнения по должностям, мерам, прямо или косвенно⁴⁰. Таким образом, и во второй половине 1760-х гг. фаворит продолжил участвовать в политических событиях, хотя и в качестве мнимого фактора.

Нужно отметить, что частная жизнь, ради которой он ушёл в отставку, принесла ему больше счастья, нежели чем публичная, которую он покинул. Дело в том, что Бьют был богатым человеком, большим покровителем искусств и наук, а также серьёзно интересовался ботаникой. Его научные интересы простирались аж до Североамериканского материка: он разделял интерес Коллинсона (друга Франклина) к американской флоре и электрическим экспериментам. Эти факты его биографии всегда затенялись его печальным политическим опытом, однако именно в этом проявлялся Бьют как человек⁴¹.

Подводя итоги, отметим следующее. Благодаря личной связи с наследником престола, а после королём, шотландец по происхождению лорд Бьют смог кратковременно подняться на вершину власти, став премьер-министром и искусно обойдя политических соперников. Однако в ходе своего возвышения Бьют вступил в противоречия со значительной частью британской политической элиты, которая, несмотря на свою образованность, не стеснялась использовать антишотландские предрассудки низших слоёв общества в политической борьбе. Под всеобщим давлени-

ем Бьют вынужден был уйти в отставку, однако она не была воспринята политической элитой всерьёз, что породило легенду о продолжавшемся влиянии шотландца на короля, которая использовалась в борьбе за власть, взаимоотношениях с монархом и негативно влияла на отношение англичан к своим северным соседям – шотландцам.

¹*Melville L.* Farmer George. Vol. I. L., 1907. P. 44.

²*Palmer A.* Princes of Wales. L., 1979. P. 140.

³*Kronenberger L.* Kings and Desperate Men: Life in Eighteenth Century England. N-Y., 1961. P. 191.

⁴Memoirs from 1754 to 1758 by James Earl Waldegrave K.G. One of His Majesty's Privy Council in the Reign of George II and Governor to the Prince of Wales Afterwards George III. L., 1821. P. 38.

⁵*Watson S.J.* The Reign of George III: 1760-1815. Oxford, 1960. P. 4.

⁶*Christie I.R.* Wars and Revolutions: Britain, 1760-1815. Cambridge (Mass.), 1982. P. 58.

⁷*Bullion J.L.* The Prince's Mentor: A New Perspective on the Friendship between George III and Lord Bute during the 1750s // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 21. № 1 (Spring, 1989). P. 45-46.

⁸*Riker T.W.* Henry Fox, First Lord Holland: A Study of the Career of an Eighteenth Century Politician. Vol. II. L. – Edinburgh – N-Y. – Toronto – Melbourne, 1911. P. 149.

⁹*Derek J.* Britain 1688-1815. L., 1977. P. 267.

¹⁰Цит. по: *Plumb J.H.* Chatham. Hamden, 1965. P. 83.

¹¹*Hunt W.* The History of England from the Accession of George III to the Close of Pitt's First Administration (1760-1801). L. – N-Y. – Bombay, 1905. P. 11.

¹²The Memoirs and Speeches of James, 2nd Earl Waldegrave, 1742-1763 / Ed. with an Introduction by J.C.D. Clark. Cambridge, 2002. P. 216.

¹³*Lowe W.C.* Politics in the House of Lords, 1760-1775. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Emory University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. Department of History, 1975. P. 368.

¹⁴The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled "The Parliamentary Debates". (Далее: PH.) Vol. XV. A.D. 1753-1765. L., 1813. Col. 982.

¹⁵*Wilson B.* George III, as Man, Monarch and Statesman. L., 1907. P. 55-56.

¹⁶*Бузаев С.И.* Британский лев против галльского петуха: очерки англо-французских отношений второй половины XVIII в. (1755-1789 гг.). СПб., 2004. С. 104.

¹⁷*Brown P.D.* William Pitt, Earl of Chatham: The Great Commoner. L., 1978. P. 109, 218.

¹⁸Ibid. P. 215.

¹⁹The Cambridge History of the British Empire / Gen. ed. J. Holland Rose, A.P. Newton, E.A. Benians. Vol. I. The Old Empire: From the Beginnings to 1783. Cambridge, 1929. P. 495.

²⁰*Walpole H.* Memoirs of the Reign of King George the Third. Vol. I. L., 1845. P. 9.

²¹The Earl of Bute to Mr Pitt. October 8, 1761 // Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham / Ed. by William Stanhope Taylor, esq., and Captain John Henry Pringle, Executors of His Son, John, Earl of Chatham, and Published from the Original Manuscripts in Their Possession. (Далее: Chatham Corr.) Vol. II. L., 1838. P. 151.

²²*Namier L.* England in the Age of the American Revolution. N-Y., 1961. P. 335.

²³*Бугаишев С.И.* Уильям Питт Старший: политическая биография. СПб., 1998. С. 123.

²⁴Duke of Newcastle to Major-General the Hon. Joseph Yorke. May 14, 1762 // *Yorke P.C.* The Life and Correspondence of Philip Yorke, Earl of Hardwicke, Lord High Chancellor of Great Britain. Vol. III. Cambridge, 1913. P. 356-357.

²⁵*Winstanley D.A.* Lord Chatham and the Whig Opposition. Cambridge, 1912. P. 6.

²⁶Memoir on the Events Attending the Death of George II and the Accession of George III, by Henry Fox, First Lord Holland. 1760-1763 // The Life and Letters of Lady Sarah Lennox, 1745 — 1826, Daughter of Charles, 2nd Duke of Richmond, and Successively the Wife of Sir Thomas Charles Bunbury, Bart., and of the Hon. George Napier: Also a Short Political Sketch of the Years 1760 to 1763 by Henry Fox, 1st Lord Holland / Ed. by the Countess of Ilchester and Lord Stavordale. Vol. I. L., 1901. P. 68.

²⁷Цит. по: *Butterfield H.* George III and the Historians. L., 1957. P. 138.

²⁸History of the War // The Annual Register, or a View of the History, Politics, and Literature, for the Year 1762. The Fifth Edition. L., 1787. P. 62. Большинство в палате общин было подавляющим: несмотря на героическую речь Питта, выступавшего превознося боль от приступа подагры, 319 членов парламента голосовало за мир, и лишь 65 – против. PH. Vol. XV. Col. 1272.

²⁹Mr. Rigby to the Duke of Bedford. November 26, 1762 // Correspondence of John, Fourth Duke of Bedford: Selected from the Originals at Woburn Abby with an Introduction by Lord John Russel. (Далее: Bedford Corr.) Vol. III. L., 1846. P. 160.

³⁰*Gilmour I.R.* Riot, Risings and Revolution. Governance and Violence in Eighteenth-Century England. L., 1992. P. 304.

³¹Mr. Rigby to the Duke of Bedford. February 3, 1763 // Bedford Corr. Vol. III. P. 186-187.

³²Viscount Royston to the Earl of Hardwicke. April 11, 1763 // Memoirs of the Marquis of Rockingham and His Contemporaries with the Original Letters and Documents / Ed. by George Thomas, Earl of Albemarle. Vol. I. L., 1852. P. 165.

³³Walpole's Memoirs. Vol. I. P. 256-257; To Montagu. April 8, 1763 // The Letters of Horace Walpole, Earl of Orford / Ed. by Peter Cunningham. Vol. IV. L., 1857. P. 63-64.

³⁴*Jesse J.H.* Memoirs of King George the Third, His Life and Reign. Vol. I. Boston, 1902. P. 235.

³⁵Earl of Bute to the Duke of Bedford. April 2, 1763 // Bedford Corr. Vol. III. P. 223.

³⁶*Hunt W.* Op. cit. P. 45.

³⁷*Palmer A.* Op. cit. P. 144.

³⁸*Langford P.* The First Rockingham Administration 1765-1766. Oxford, 1973. P. 51-52.

³⁹The Earl of Bristol to Mr. Pitt. April 6, 1763 // Chatham Corr. Vol. II. P. 217-218.

⁴⁰*Farrer J.A.* The Monarchy in Politics. L., 1917. P. 15-16.⁴¹*Simmons R.C.* Colonial Patronage: Two Letters from William Franklin to the Earl of Bute, 1762 // The William and Mary Quarterly. Third Series. Vol. 59. № 1 (Jan., 2002). P. 130.

К ВОПРОСУ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ В ПОЛЬШЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918–1939 ГГ.)

Антисемитизм является одной из самых распространенных и живучих форм ксенофобии в течение последних двух тысячелетий. Вместе с тем следует помнить, что это явление весьма многолико, а причины его чрезвычайно различны. Антисемитизм, господствовавший в эпоху Средневековья, далеко не тождествен этому явлению в Новое и Новейшее время. Особое развитие эта форма ксенофобии получила в XIX–XX веках, в эпоху индустриального общества, когда ненависть к евреям перестала быть уделом темных народных низов и церкви, а нашла свое воплощение в виде государственной идеологии и политики. Это означало переход антисемитизма на новый уровень развития, более глобальный и более опасный, чем прежде. В данном сообщении речь пойдет о антисемитизме в польском государстве в период между двумя мировыми войнами, т.е. в 1918–1939 гг.

1918 год стал датой возникновения польского национального государства, возрожденного после более чем столетнего периода исторического небытия. 1939 год увидел потрясающее крушение этого государства, четвертый раздел Польши и начало Второй мировой войны. Мы не претендуем на то, чтобы изложить здесь историю антисемитизма в Польше в межвоенный период. Данный вопрос изучен достаточно неплохо. Нашей задачей является ответить на следующие вопросы: 1) чем был вызван всплеск антисемитизма в Польше на заре обретения независимости; 2) проследить динамику развития антисемитских настроений в польском обществе в 1920–1930-е годы; 3) сопоставить антисемитизм 1918–1920 и конца 1930-х годов, выявить между ними сходства и различия; 4) сделать заключение, являлся ли польский антисемитизм межвоенного периода государственным или стихийным и насколько он был обусловлен теми историческими условиями, в которых находилось тогда польское государство.

Истоки всплеска антисемитизма в независимой Польше следует искать еще в XIX веке, когда независимого польского государства не существовало, а польские земли были разделены между тремя могущественными державами – Австрийской империей (Австро-Венгрией), королевством Пруссия (Германская империя) и Российской империей. Эти государства проводили очень разную политику на польских землях, которая варьировалась от прямой национальной дискриминации и русификации (польские земли в составе царской России) до весьма либерального режима, благоприятного для национальных меньшинств (польские территории Австро-Венгрии). Австрийская и российская части бывшей Польши обладали особенно многочисленным еврейским населением. Предпосылки расцвета польского антисемитизма нужно искать во второй половине XIX века, когда на территориях российской Польши развивалось мощное национально-освободительное движение и возникали идеологии, призывающие польский народ возродить свое государство. Возникновению конфронтации евреев и поляков способствовали действия российских властей. Так, в 1861 году автономные власти тогдашнего Царства Польского издали указ о равноправии поляков и евреев, намереваясь сделать еврейское население опорой власти России в этом регионе. В 1888 году Александр III издал указ о черте еврейской оседлости, ограниченной 15 западными губерниями Российской империи. Это привело к массовому наплыву в польские земли евреев с российских территорий, так называемых «литваков», которые были сильно русифицированы и рассматривались поляками как опора власти русских в их землях¹. Царизм таким путем не только избавлялся от нежелательного еврейского элемента, но и проводил политику «разделяй и властвуй», противопоставляя друг другу поляков и евреев². К прежним традиционным антисемитским предрассудкам в конце XIX-начале XX века у значительной части польского общества добавляется представление о евреях как о врагах польской независимости и пособниках оккупантов.

Эти взгляды в полной мере разделяла национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским, одна из влиятельных политических сил российской Польши. Характеризуя отношение национал-демократов (эндеков) к евреям, историки отмечают, что их антисемитизм носил эклектичный характер, т.е. сочетал в себе признаки всех разновидностей этой ксенофобии, а именно: антисемитизм религиозный (ненависть как к иноверцам), антисемитизм экономический (неприязнь к евреям как к конкурентам поляков при трудоустройстве и т.д.), антисемитизм, кон-

кретно не на чем не основанный, отвергающий и преследующий еврея как чужака; антисемитизм политический (облеченный в форму политических лозунгов, призывов к возможному электорату)³. Вместе с тем национальная концепция эндеков уже несет в себе черты антисемитизма как возможной политики государства. Это и тезис Р. Дмовского, что принадлежать к польскому народу может только тот, в ком течет польская кровь, поэтому евреи не могут принадлежать к польскому народу, и организованный в 1912 г. национально-демократической партией бойкот еврейских магазинов в Польше в отместку за поддержку еврейским населением социалистических кандидатов на выборах в Государственную Думу. Необходимо также отметить, что отношение к еврейскому вопросу у эндеков было тесно связано с их концепцией жесткого мононационального польского государства, с последующей полонизацией всех национальных меньшинств. Наконец, не последнюю роль в активизации национализма в Польше сыграло противостояние польского и зарождающегося еврейского националистических движений.

Возрожденное в 1918 г. польское государство не имело квалифицированного управленческого и военного аппарата, его границы вплоть до 1921 г. не были четко определены, уровень жизни большинства населения был весьма низок. Пожалуй, единственное, что было определено четко – концепция национального государства, ставшая доминирующей у польской правящей верхушки. Она гласила, что новая Польша – государство поляков и для поляков. Прочие национальности априори ставились в неполноправное положение. Евреи не являлись здесь исключением. В 1919 г. в пределах молодого государства происходит несколько еврейских погромов, получивших мировую огласку. Польским представителям на Парижской мирной конференции пришлось объяснять эти эксцессы мировой общественности, особенно негодовали представители влиятельного Американского еврейского конгресса, требующие использовать все возможные меры воздействия на Польшу, чтобы заставить польские власти пресечь антисемитские бесчинства. Вместе с тем, как отмечал посол США в Варшаве Х. Гибсон, вмешательство американской еврейской общественности не облегчало, а ухудшало положение польского еврейства, поскольку способствовало убеждению поляков, что евреи всего мира враждебны польскому государству⁴. Кроме того, Гибсон указывал в своих донесениях в Вашингтон, что в эскалации польско-еврейского противостояния виноваты не только поляки, но и еврейские организации Польши, которые стали требовать для себя не просто рав-

ных, а особых прав, таких как освобождение от военной службы, освобождение от уплаты налогов, создание особых еврейских судов, государственную поддержку еврейских школ. Несмотря на это, американская еврейская общественность весьма негативно характеризовала новообразованное польское государство. Польские представители Р. Дмовский и И. Падеревский на Парижской мирной конференции вынуждены были гарантировать польским евреям все права граждан демократического государства, но при этом отказались даже обсуждать вопрос о признании евреев национальным меньшинством и наделяния их проистекающими отсюда правами. Подводя итог событиям 1918-1920 г., можно сказать, что, конечно, волна национализма и антисемитизма, накрывшая Польшу сразу после обретения ею независимости была стихийной, а еврейские погромы того периода были инициативой толпы, а не властей. Вместе с тем не следует забывать, что первое польское правительство было сформировано национал-демократами и с железной решимостью отстаивало принцип национального государства. Стихийный национализм, охвативший страну, в общем, был естественным проявлением после более чем столетнего периода угнетения, и еврейские погромы в данном случае были изобретением народных низов. Однако на примере этих событий польские власти увидели, как можно использовать национализм и антисемитизм в интересах государства, что с успехом будет проделано позже.

Согласно данным первой общепольской переписи 1921 г., в стране насчитывалось 2 855 318 исповедующих иудаизм, или 10,5 % всего населения. Через десять лет, по данным второй переписи 1931 г. число исповедующих иудаизм возросло до 3 313 933 человек, хотя процент еврейского населения сократился до 9,8⁵. Таким образом, Польша располагала самой многочисленной еврейской общиной Европы (не считая СССР) и одной из самых больших общин в мире. Хотя антисемитские эксцессы после 1920 г. прекратились, взаимопонимание между поляками и евреями не наступило. Евреи не забыли погромы 1919 г. и справедливо расценивали общий политический климат нового государства как неблагоприятный для себя. Польское руководство, в котором до 1926 г. доминировали национал-демократы, преследовало цель всячески ослаблять позиции польского еврейства. Например, евреи практически не допускались на государственную службу, к преподаванию в школах и в вузах, а государство, несмотря на принятые в 1919 г. в Париже обязательства, никак не финансировало еврейские школы⁶. В Польше безраздельно торжествовала сформулированная эндеками концепция мононационального

польского государства, где нет места национальным меньшинствам. Все «чужаки» должны были быть либо колонизированы, либо удалены из страны. Несмотря на то, что евреи, в отличие от украинского, белорусского, немецкого и литовского меньшинств, не располагали мощной поддержкой от соседних государств в борьбе за свои права, их общее количество (третья по численности национальность после поляков и украинцев), влияние на экономику и отчасти культуру страны, упорное сохранение своей самобытности делали их весьма заметными и нежелательными для польского националистического режима. Именно в 1920-е годы происходит постепенная трансформация польского антисемитизма, превращающегося из стихийно-народного, основанного на невежестве и бытовых предрассудках в инструмент государственной политики. Достаточно лишь просмотреть польскую прессу 1920-х годов, особенно печать национал-демократов. Спектр обвинений, предъявляемых евреям, очень широк: им вменяется в вину засорение польского образования и культуры, экономическая спекуляция, мошенничество, враждебность к польскому государству и народу, сотрудничество с внешнеполитическими противниками Польши, в первую очередь с СССР и Германией⁷.

Новый и заключительный этап польского антисемитизма начался в 1935 г. Мировой экономической кризис нанес сильнейший удар по польской экономике. В середине 1930-х годов продолжалось падение уровня жизни населения, снижение экономических показателей, рост безработицы. В этих условиях общество было очень падко на экстремистские идеи. Правящий «санационный» режим, несмотря на то, что не был связан с национал-демократами, начал яростную антисемитскую кампанию. В отличие от событий предыдущих лет, это была уже целенаправленная и осмысленная государственная политика. Она преследовала цель, прежде всего, подорвать экономические позиции польского еврейства, поскольку весь средний класс Польши состоял из еврейских торговцев и ремесленников. Экономическими мотивами можно объяснить инициированный правительством в 1936 г. запрет на ритуальный убой скота евреями. В том же году премьер-министр Польши Ф. Славой-Складковский сформулировал цели правительства: «Экономическая борьба против евреев всеми способами, но без применения силы»⁸. В ряде провинциальных городов произошли еврейские погромы. В антисемитской кампании участвовали не только власти и различные политические партии, но и такая влиятельная в Польше сила как католическая церковь. Примечательно,

что из крупных политических партий только Польская социалистическая партия открыто противостояла антисемитизму⁹.

Идея вытеснения евреев из польской экономики очень быстро переросла в идею вытеснения их из страны. В 1936 г. как возможный пункт высылки польских евреев упоминался Мадагаскар. Польское правительство во второй половине 1930-х годов активно контактировало с лидерами сионистских организаций в вопросе организации массовой эмиграции евреев из Польши. Для этих целей в МИДе Польши был учрежден специальный отдел¹⁰. Оказывающий большое влияние на министра иностранных дел Польши Ю. Бека OZN (Лагерь национального единства) устами своего лидера З. Дрешера выразил цель политики тогдашнего польского руководства в еврейском вопросе: «Польская политика в отношении евреев должна преследовать цель как можно большего уменьшения процента еврейского населения в Польше и ассимиляцию тех, кто останется среди нас»¹¹. OZN позаботился, чтобы даже для ассимилированных евреев был закрыт доступ в его ряды. Можно сделать вывод, что антисемитизм во второй половине 1930-х годов в Польше был государственной политикой, направленной, прежде всего, на вытеснение евреев из экономики страны и последующее всемерное сокращение общей численности евреев в Польше. Это был ответ польского националистического государства на общий кризис, поразивший страну в 1930-е годы. Вне всяких сомнений, деятели «санации» полагали, что их политика в еврейском вопросе служит интересам страны, поддерживая польского товаропроизводителя. Любопытно также отметить, что в данном вопросе антисемитизм не стоял на месте, и очень быстро экономическая борьба перешла в плоскость глобального решения еврейской проблемы в Польше.

Подведем итоги. Мы увидели, что антисемитские настроения начали получать широкую поддержку в Польше и конституироваться в политические течения во второй половине XIX века, что было связано с политикой российских властей в этом регионе, усилением борьбы поляков за независимость, появлением сильных национальных движений среди поляков и евреев. Антисемитские эксцессы, которыми было ознаменовано возникновение польского государства, были, безусловно, стихийными, продолжавшими традиции «старого», бытового антисемитизма, но одновременно являясь показателем распространения в обществе этих идей и восприимчивости к ним широких слоев населения, а также, отчасти, и характера возникшего молодого государства. В 1920-е годы наблюдается эволюция антисемитизма, становящегося частью националисти-

ческой идеологии, формируемой и навязываемой польским государством в целях его объединения и укрепления. 1930-е годы увидели воплощение этой идеологии в государственной политике, осуществляемой в интересах страны и титульной нации. Таким образом, антисемитизм в Польше прошел путь в 1918-1939 гг. от идеологии отдельных политических партий или спонтанных выступлений толпы до государственной идеологии и политики. В этом плане Польша близка к Германии и большинству тогдашних стран Восточной Европы. Однако необходимо отметить, что в силу ряда обстоятельств польский антисемитизм не сделал следующий шаг в своем развитии, т.е. не создал антиеврейское законодательство и доминирующую нацистскую партию, которая могла бы продолжать решение еврейского вопроса в соответствующем направлении. Это является принципиальным отличием Польши от Германии или таких стран Восточной Европы, как, скажем, Венгрия или Румыния. Антисемитизм в Польше причудливо соединил в себе наследие традиционного и приобретения индустриального национализма, с доминированием (хотя и не полным) последнего.

¹*Jastrzebski M.* Kwestia zydowska w publicystyce «Mysli Narodowej». Torun, 2005. S. 37.

²*Ibidem*

³*Ibid.* S. 38.

⁴Hugh Gibson and a controversy over Polish-Jewish relations after World War I. Krakow, 1991. S. 51.

⁵*Mendelsohn E.* The Jews of east central Europe between the world wars. Bloomington, 1983. S. 23.

⁶*Ibid.* S. 42

⁷*Jastrzebski M.* Op.cit. S. 68-145.

⁸*Mendelsohn E.* Op.cit. S.71.

⁹*Ibid.* S.72.

¹⁰*Weinbaum L.* A marriage of convenience. New York, 1993. S. 7-8.

¹¹*Ibid.* S. 5-6.

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время перед европейскими странами довольно остро встала проблема возрастания численности мусульман на территории Европейского союза. Изначально посредством иммигрантов восполнялись людские ресурсы, но в дальнейшем к трудовым иммигрантам прибавились политические беженцы, а также встала проблема «второго поколения» мигрантов, рожденных в странах ЕС.

Основная проблема заключается в том, что мусульмане оказывают все большее влияние на общественно-политические процессы не только в государствах ЕС, но и за его пределами. В то же время достаточно сложными оказываются отношения между иммигрантами и принимающим обществом, в котором разгорается довольно жаркая дискуссия по вопросу положения мусульман и, вместе с тем, дают о себе знать ксенофобские настроения. Кроме того, конфликты возникают между самими мусульманскими общинами, члены которых являются представителями различных национальностей, стран, политических сил и религиозных направлений. Как пример можно привести конфликт между курдами и турками. В то же время, несмотря на остроту вопроса, до сих пор не существует единого подхода к решению проблем иммиграции, тем более мусульманской.

Одним из наиболее проблемных регионов является Германия. Проблема распространения, адаптации, интеграции, влияния мигрантов на общественно-политические процессы здесь имеет свою специфику. Соответственно и национальная стратегия решения данных проблем отличается от стратегии других государств Европы.

Стоит отметить, что немецкая модель является одним из трех основных подходов политики по отношению к мигрантам, проводимых странами ЕС. Эта модель доминирует непосредственно в Германии, а также

в Австрии, и основывается на стратегии сегрегации. После Второй мировой войны ФРГ открыла пункты по вербовке рабочих в странах Ближнего Востока, восполняя нехватку в людских ресурсах. Первые иммигранты-мусульмане в Германии были выходцами из сельской местности, которым не удалось найти работу в своей стране. Поэтому «гастарбайтеры» в Германии воспринимались как явление временное, серьезных шагов для инкорпорации мусульман в немецкоговорящее общество не предпринимались.

Отношение к иммигрантам-мусульманам определяется старой немецкой концепцией. Они воспринимались как «переселенцы» или «*Aus-siedler*», а точнее «выселенцы», но не «иммигранты». Эта концепция господствует и сейчас. Однако немецкие исследователи рассматривают такое отношение как недопустимое¹.

Если обратиться к истории возникновения мусульманских общин на территории Германии, то некоторые исследователи относят первые контакты немцев с мусульманским миром к XI веку² – времени Карла Великого и халифа Харуна ар-Рашида. Однако началом серьезных контактов следует считать конец XIX – начало XX века, время сотрудничества Германии с Османской империей. Несмотря на установившиеся военно-политические и экономические контакты с исламским миром в первой половине XX столетия, у Германии не было таких прочных устоявшихся связей с мусульманскими странами, как, например, у Англии и Франции.

Рост мусульманской общины Германии происходил как за счет привлечения рабочей силы из мусульманских стран (1960–80-е гг.), так и благодаря беженцам из стран бывшей Югославии, Афганистана, турецких и иранских курдов, Ирана (с 1980-х гг.), а также Ливана и Палестины. Гражданам этих стран согласно ст.16 Конституции ФРГ предоставлялось политическое убежище.

Экономический рост середины 1950-х годов и нехватка рабочих рук в Германии вызывали необходимость подписания договоров с мусульманскими странами о найме рабочих. Первый такой договор был подписан с Турцией в 1961 г., затем с Марокко в 1963 г. и Тунисом в 1965 г.³.

Можно утверждать, что меры, предпринятые германским правительством, существенно сократили поток мусульманских иммигрантов к концу 1990-х гг. Однако рост числа мусульман, проживающих в Германии, происходит и благодаря высокой рождаемости.

Численность мусульман остается дискуссионным вопросом. Недавно общепринятой считалась цифра в 3,5 млн. человек. По результатам опроса

2009 г. было установлено, что в Германии проживает 4,3 млн. мусульман, что составляет более 5% населения. Среди мусульман Германии преобладают выходцы из Турции – 63,2%, из которых 400-500 тыс. составляют курды. Второй по численности этнической мусульманской общиной Германии являются боснийские мусульмане – около 300 тыс. Далее следуют выходцы из Ирана – около 120 тыс., Марокко – примерно 85 тыс., Афганистана – около 70 тыс., Ливана – около 60 тыс.⁴. Также проживают на территории Германии выходцы из Туниса, Иордании, Алжира, Пакистана и Ирака. Что касается вероисповедания, то по данным ведомства по делам мигрантов и беженцев, более $\frac{3}{4}$ мусульман – сунниты, 7% - шииты и 13% - алевиты (можно отнести к «светскому» направлению ислама), также существуют представители иных религиозных общин⁵. Интересы мусульман в государстве представляют ряд организаций, так как в исламе нет церковной иерархии.

Влияние на общественно-политические процессы мусульманских общин и организаций в Германии достаточно невелико. До самого последнего момента они практически не участвовали в общественной жизни, что связано со сложностью получения гражданства, концепцией нации как системы этнического родства и общего происхождения, а также с проблемами признания организации «органом общественного права». Для приобретения данного права, к примеру, религиозная организация должна доказать, что представляет большинство адептов данной религии, и что ее деятельность никак не противоречит действующему законодательству.

В настоящий момент в Германии существуют три основные мусульманские организации: Турецко-исламский союз религиозных заведений (DİTİB), Союз исламских культурных центров в Европе (IKZ) и Организация национального присутствия в Европе⁶ (AMGT). Первая представляет собой суфийское турецкое братство Сулейманлы⁷, вторая соблюдает интересы исламистов Турции, а третья в свою очередь представляет правящие круги Турции, и именно с ней активно сотрудничает немецкое правительство.

В Германии развитие мусульманских организаций часто имеет полустихийный характер. Какой-либо четко сформированной политики взаимоотношений с мусульманами в Германии не существует⁸, поэтому диалог ведется с теми, кто стремится к этому. Это объединения мусульман, возникшие самостоятельно и без вмешательства со стороны государства.

В целом, сущность проблем мусульманского населения ЕС хорошо отражена в Исламской хартии Центрального совета мусульман в Германии от 20 февраля 2002 г.

Создание документа послужило двум основным целям: во-первых, определить отношение к иммигрантам-мусульманам, во-вторых, попытаться преодолеть существующие барьеры между принимаемым и принимающим обществом и выработать общие принципы сосуществования, указывая на общность христианства и ислама. Главным недостатком документа стало то, что хартия не смогла объединить членов мусульманской общины в рамках всей страны. По сути, она выражала мнение ее суннитской части, представители которой имеют посты в Управлении по делам религии.

Необходимо выделить одну особенность документа – турки-мусульмане настаивают на интеграции в немецкое общество при полном сохранении своей идентичности (ст.19), говорят о необходимости образования в Европе собственной мусульманской идентичности (ст.15). Ислам в ст.8 объявлен «верой, этикой, социальным порядком и образом жизни», что мусульмане стремятся сохранить в рамках своей идентичности. Также в документе есть указание на особый статус отношений мусульманина с представителями других вероисповеданий в немусульманской стране, а также обязанности мусульманина за границей исламского мира. Вместе с тем, статьи 11 и 12 указывают на то, что представители ЦСМГ не стремятся к установлению теократического государства и привержены принципам разделения властей и демократии. Таким образом, понимание ислама как «социального порядка и образа жизни» вступает в противоречие с поддержкой демократических ценностей и норм немецкой культуры.

Важным является тот факт, что хартия ЦСМГ является результатом инициативы самой организации, а не правительства. С 2002 г. эта организация была официально признана религиозной общиной Германии наравне с христианскими и иудейскими общинами⁹. Именно с ЦСМГ немецкое правительство пытается поддерживать все контакты, принимая во внимание, что данная организация поддерживается властными структурами Анкары.

Таким образом, подобные хартии создают основу для дальнейшего развития диалога между европейцами и мусульманами. Вместе с тем, инициативы мусульман, как и ответы правительства мало способствуют

ют развитию этого диалога. Те мусульманские организации, с которыми правительства поддерживают контакт, не обладают большим весом и влиянием в европейской и мусульманской среде, а инициативы мусульман часто противоречивы и лишены единой стратегии.

Характерно появление на территории Германии радикальных движений и организаций, запрещенных в Турции. Такие организации, как «Сулейманлы», «Мили Гюрюш», «Серые Волки» и последователи Калана, а также алавиты (нусайриты) и некоторые ордена дервишей, смогли осуществлять свою деятельность в Германии, часто к ужасу турецких властей¹⁰. Кроме того, такие этнические группы как курды, могут также свободно высказываться о немецкой внутренней политике по отношению к переселенцам из Турции¹¹. Стоит упомянуть, что в Германии находится иранская шиитская община с мечетью и культурным центром в Гамбурге, а также несколько суфийских орденов, большей частью турецких. Также действуют исламистские организации, поддерживающие контакты с международными центрами. Поэтому заявление, сделанное Б. Тиби, профессором Гёттингенского университета, на конференции в Бремене в ноябре 2001 г. и крайне негативно оцененное немецкой аудиторией, не выглядит таким уж странным: «Большой вопрос, с какого региона следует начинать удары по международному терроризму: с Афганистана или с Гамбурга?»¹².

Немецкое общество раскололось в отношении к иммиграции, мусульманской, в частности. В государстве нарастают антиисламские настроения, как и во всех странах ЕС. В октябре 2010 г. в Германии разгорелась острая дискуссия по вопросам миграционной политики и интеграции приезжих в немецкое общество¹³.

Большое внимание в этой связи привлекли выступления федерального президента Кристиана Вульфа, председателя ХДС канцлера Ангелы Меркель и лидера ХСС – баварского премьер-министра Хорста Зеехофера. Канцлер подчеркнула необходимость ужесточения иммиграционной политики - мигрантам следует не только помогать, но и требовать от них, в том числе знания немецкого языка. В то же время, Зеехофер считает, что нехватка рабочей силы не может быть оправданием для бесконтрольной иммиграции, при этом считая, что вопрос о нехватке кадров уже решен¹⁴. Здесь он расходится с представлениями экономических кругов – президент Германской торгово-промышленной палаты Ханс Хайнрих Дрифтман предупреждает, что «экономике не хватает 400 тыс.

инженеров, мастеров и хорошо подготовленных рабочих, из-за чего ВВП Германии теряет в год до 25 миллиардов евро»¹⁵.

Ангела Меркель, между тем, заявила, что мультикультурная модель в Германии потерпела крах, но ислам в дальнейшем будет все более ощутимо определять собой облик Германии¹⁶. На заседании в бундестаге премьер Гессена Фолькер Буффье отметил, что «...шариат не может быть основой для успешной интеграции»¹⁷. Не менее значимым оказалось выступление министра внутренних дел ФРГ Томаса де Мезьера. Еще в сентябре этого года, представив доклад по итогам интеграции, он отметил, что «ислам на одну ступень с иудео-христианскими религиозными представлениями и культурными традициями» поставить нельзя¹⁸. При этом заявления немецких политиков говорят о сумятице в умах руководства. Тем временем миграция стала полновесным политическим вопросом и, судя по всему, действительно окажется «мегатемой предстоящих лет».

Сложность разрешения проблемы отношений с мусульманскими эмигрантами заключается не только в недоработках в законодательстве или в выборе стратегии этнического плюрализма¹⁹. Сложность заключается в психологическом нежелании немцев отказаться от привычной моноэтничности своего государства и признать немцами выходцев из других, тем более мусульманских государств.

¹*Habermas J.* Die Festung Europa und das neue Deutschland // *Die Zeit*. 1993. № 22.

²*Abediseid M.* Die deutsch-arabschen Beziehungen – Probleme and Krisen. Stuttgart, 1976. S.12.

³Auslander in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. Von Zentrum fur Turkeistudien. Opladen, 1995.

⁴Ibid.

⁵*Варкентин А., Кобяков А.* Мусульмане в Германии: интеграция или сосуществование? // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5183910,00.html>.

⁶*Соболев В. Г.* Мусульманские общины в государствах Западной Европы в 1990-е гг. СПб., 2004. С. 92.

⁷Там же. С. 78.

⁸Там же.

⁹Там же. С. 79.

¹⁰*Sen F.* Turken in der Bundesrepublik Deutschland: Leistungen, Probleme, Erwartungen // *Beitrage zur Konfliktforschung*. 1986. No 3. S. 43-65.

¹¹*Grone M.* Identitatspolitiken und Konfliktwahrnehmungen alevitischer Kurden in Deutschland // *Journal fur Konflikt- und Gewaltforschung (JKG)*. 3.Jg., 2001. Hft. 1. S. 70-84.

¹²Eine Welt oder Krieg der Kulturen? // Landauer Gespräche / Fernsehanstalt «Phoenix». 2002. 19 Januar. 22.30.

¹³Демьянов А. //«Lenta.ru»//demoscope.ru/weekly/2010/0439/gazeta08.php.

¹⁴Цит. по: Там же.

¹⁵Цит. по: Григорьев Е. //«Независимая газета»// demoscope.ru/weekly/2010/0439/gazeta08.php.

¹⁶Цит по: Там же.

¹⁷Цит. по: Там же.

¹⁸Цит. по: Демьянов А. Указ. соч.

¹⁹Habermas J. Theorie des kommunikativen Handels: 2 Bnd. Frankfurt, 1981.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНСКОГО КОНФЛИКТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДАНИИ

Существует понятие, что в одном событии может найти отражение целый комплекс исторических моментов, которые однажды сошлись в этой точке, и в ней, как в капле морской воды, можно увидеть суть всей огромной стихии в целом. Иными словами, то или иное историческое событие представляет собой взаимосвязь временных и пространственных отношений, или, пользуясь понятием выдающегося филолога М. Бахтина, *хронотоп* (от др. греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место») термин, введенный в историческую науку историком-скандинавистом А. Гуревичем¹.

Географическое положение Дании на пересечении важных морских путей Европы предопределило ее историческое значение в качестве балансира между великими державами в борьбе за *Dominium Maris Baltici*, или господство в Балтийском море. Ее внешняя политика, подобно стрелке барометра, отражала колебания баланса сил на европейском континенте. При этом «ахиллесовой пятой» внешней политики Дании, или хронотопом, используя терминологию Гуревича-Бахтина, на наш взгляд, был вопрос национальных меньшинств в Шлезвиге и Гольштейне, который в разное время выступал объектом дипломатических игр соседних государств.

Изучению данной проблемы посвящено немало научных трудов. Одним из наиболее систематичных и объективных исследований считается работа датского исследователя К. Саломона, в которой автором предпринята попытка всестороннего анализа конфликта с учетом влияния политических, историко-культурных, социальных и экономических факторов. К. Саломон указывает, в частности, что в основе конфликта лежали противоречия социально-классового и националистического характера².

С точки зрения национального состава, в Шлезвиге исторически преобладало датскоговорящее население, а в Гольштейне – немецкое. Это заложило основу «одного из самых жестоких и долгих территориальных споров в современной Европе»³. В различные периоды эти земли частично или полностью принадлежали либо Дании, либо германским государствам, либо были независимы от обоих.

По заключенному между Данией и Россией Царскосельскому трактату 1773 года, сменившая на престоле про-немецки настроенного уроженца Гольштейна Петра III Екатерина II отказалась от герцогства в пользу датского короля в обмен на союз с Данией против Швеции (российские монархи получили право наследовать титул герцогов Гольштейн-Готторпских в результате брака герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха и дочери Петра I Анны).

Во время англо-французской войны 1805–1807 гг. Дания и Швеция не принимали участия в военных действиях и поддерживали торговые отношения с обеими сторонами, преследуя, в первую очередь, экономические интересы. Отсутствие четкой пробританской позиции дорого обошлось Дании: в 1801 г. британский адмирал Нельсон потопил датский флот у берегов Копенгагена. Стратегическое положение Дании «на передовом посту» Балтийского моря делало ее важной опорой Лиги вооруженного нейтралитета и, следовательно, мишенью английского флота, стремившегося «расстроить и обезоружить северную лигу»⁴. Блокада Копенгагена британскими войсками в 1807 г. вынудила Данию к заключению союза с Францией, за что, по образному выражению Н. Дэвиса, «и была наказана Бернадотом и Венским конгрессом»⁵, потеряв Норвегию, входившую в ее состав со времен Кальмарской унии. В качестве «компенсации» за Норвегию, по решению Венского конгресса 1815 г., Дания получила герцогства Гольштейн и Саксен-Лауэнбург.

Расположенные между Балтийским и Северным морями с превосходно устроенным рейдом в г. Киле, провинции представляли особый интерес для расширявшей свое могущество Пруссии. «Я всегда думал, – говорил впоследствии Бисмарк, – что присоединение Шлезвига к Пруссии составляет наилучшее из всех возможных решений вопроса»⁶. В 1848 г. Пруссия оккупировала провинции под предлогом «созыва провинциальных ассамблей», однако была вынуждена отступить под давлением Великобритании и России. Повторившаяся менее чем через 20 лет новая попытка Пруссии оказалась более удачной.

Политика О. фон Бисмарка и появление объединенной Германии представляли угрозу существованию Дании как самостоятельного государства. В результате датско-прусской войны, окончившейся в 1864 г. поражением Дании, был заключен Венский мирный договор, согласно которому Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург перешли в совместное управление Австрии и Пруссии. Когда Австрия поставила вопрос о Шлезвиге перед союзным парламентом Северогерманского союза, Пруссия выступила против Австрии и нанесла ей поражение⁷. По австро-прусскому Пражскому договору 1866 г., Шлезвиг был полностью передан Пруссии.

Отсутствие поддержки Дании со стороны других скандинавских государств, по мнению советского историка А. С. Кана, нанесло удар по политическому скандинавизму и способствовало окончательному укреплению всех скандинавских стран в своем нейтралистском внешнеполитическом курсе⁸. Господство на Балтике перешло к Пруссии, которая в 1866 г. заняла г. Киль на юге полуострова Ютландия и построила Канал кайзера Вильгельма в обход пролива Эресунн.

В результате, Дания лишилась 2/5 своей территории, 1 миллиона чел. населения и самых плодородных земель⁹. Вследствие данных территориальных изменений, Дания превратилась в маленькое государство, находящееся в сильной зависимости от политики более влиятельных европейских государств. Главную задачу датское правительство видело в необходимости гарантии нейтралитета со стороны великих держав, в первую очередь, Германии, России и Англии. Россия была традиционно заинтересована в нейтрализации датских проливов, однако гарантий одной России было бы недостаточно, поскольку главную угрозу безопасности Дании представляла ось противоречий между Германией и Англией, которая в случае войны могла вылиться в блокаду Балтийского моря.

Основные принципы внешней политики Дании, как малого государства, были разработаны политиком и историком П. Мунком (1870–1948). Значительное влияние на формирование его политических взглядов оказало поражение Дании в войне с Германией. Превосходство Германии было настолько очевидным, что дальнейшая опора на военную мощь представлялась П. Мунку бессмысленной. Единственный выход для сохранения Дании, как государства, П. Мунк видел в отказе от военной силы, проведении политики нейтралитета и «экономического разоружения»¹⁰. К началу Первой мировой войны 60% датского экспорта приходилось на Англию, 29% – на Германию; при этом доля английского

импорта составляла 17%, германского – 37%¹¹. Политика нейтралитета позволяла Дании извлекать выгоды из торговли между двумя блоками. После поражения Германии в Первой мировой войне, на основании Версальского мирного договора, в 1920 г. в спорных территориях был проведен плебисцит, по результатам которого северная часть Шлезвига перешла от Германии к Дании.

Будучи социал-либералом, представлявшим Радикальную левую партию, П. Мунк придавал большое значение роли международных организаций в разрешении конфликтов и разделял программу «14-ти пунктов» В. Вильсона. В лекциях, прочитанных в Институте международных исследований в Женеве, П. Мунк обращал внимание на «моральный авторитет» маленьких государств, таких, как Дания, Норвегия, Швеция, Голландия и Швейцария, занимавших позицию нейтралитета во время Первой мировой войны. По мнению П. Мунка, малые страны – в отличие от великих держав – лишь в очень ограниченной степени могут влиять на европейскую политику, но развивая многостороннюю международную торговлю, они в состоянии стать фактором укрепления стабильности мира на континенте¹².

Несмотря на то, что Дания не признавалась постоянно нейтральной, большинство датчан считало нейтралитет наиболее приемлемой политикой для Дании в случае войны, особенно с участием Германии. Вопрос вооруженного или не вооруженного нейтралитета был предметом внутривнутриполитических дискуссий. Внутри Социал-демократической и Радикальной левой партии, во многом благодаря П. Мунку, были сильны пацифистские настроения, основанные на убеждении в необороноспособности Дании. П. Мунк делал ставку на поддержку Великобритании, как державы, наиболее внимательной к малым государствам. Однако это было только в 1920-е гг., когда не исходило угрозы от Германии, и Дания могла позволить себе роскошь такой политики. Как только Германия начала возрождаться, внимание Дании стали привлекать более неотложные вопросы, и англофильские тенденции в датской внешней политике стали менее явными.

С 1933 г. датчане боялись германского национализма и попытки отвоения Северного Шлезвига, возвращенного Дании в 1920 г., а также нападения в результате всеобщей войны, поскольку страна была фактически необороноспособной. Руководство Дании понимало, что шансы на помощь со стороны Лиги Наций, скандинавских соседей или Вели-

кобритании были минимальными, и поэтому выбрало политику умиротворения Германии. Видя это, Великобритания решила не предоставлять помощи Дании и рассматривала возможность принесения Дании в жертву Германии в ходе долгосрочной победы¹³.

Форин Офис критиковал политику Дании, и П. Мунк был непопулярной фигурой¹⁴. Проводимая датским правительством политика нейтралитета во время Второй мировой войны, на практике означавшая несопротивление немецкой оккупации, встретила резкое осуждение со стороны стран-участниц антигитлеровской коалиции. Лишь благодаря Движению Сопротивления и усилиям датских дипломатов в изгнании, Дания смогла впоследствии восстановить свою международную репутацию и стать одной из стран-основательниц ООН.

В результате договоренностей, достигнутых на Ялтинской конференции между У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом и И. Сталиным в феврале 1945 г. о разделении Германии на оккупационные зоны, Шлезвиг-Гольштейн должен был перейти под британский контроль.

Первым министром иностранных дел Дании после освобождения стал К. Меллер, заслуживший популярность своими радио-обращениями к населению Дании из Лондона во время оккупации. В отличие от премьер-министра К. Кристенсена, выступавшего за возвращение Южного Шлезвига Дании, К. Меллер был против того, чтобы воспользоваться поражением Германии в свою пользу¹⁵. Во многом благодаря стараниям К. Меллера в 1946 г. Дания отклонила предложение Великобритании вернуть часть Шлезвига¹⁶, а в 1947 г. правительство К. Кристенсена было вынуждено уйти в отставку.

Таким образом, можно отчасти согласиться с выводом К. Саломона о том, что шлезвиг-гольштейнский конфликт имел сильные социальные и националистические компоненты. Однако наш анализ исторического опыта Дании показывает, что обострение этого конфликта всегда приходилось на периоды крупномасштабных изменений на европейском континенте с участием великих держав. Территориальные потери Дании в войне 1864 г. обусловили курс на проведение политики нейтралитета, сохранявшийся вплоть до Второй мировой войны. Поражение Германии и превращение Балтийского моря во «внутреннее море» Советского Союза, присоединение Дании к военно-экономическим блокам НАТО и ЕС с участием, как Великобритании, так и Германии, окончательно сняли напряженность вокруг шлезвиг-гольштейнского конфликта. Концепция «внешней политики малого государства» господствовала в датском

внешнеполитическом дискурсе вплоть до окончания «холодной войны», которое открыло перед Данией новые возможности для проведения активной политики в Балтийском регионе. Таким образом, с «синдромом 1864 года» было покончено.

¹Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Т. 2. М., 1999.

²Salomon K. Konflikt i Grænse-land. Sociale og nationale modsætninger i Sønderjylland 1920-1933. Kbh., 1980. S. 14.

³Дэвис Н. История Европы. Пер. с англ. Т. Б. Менской. М., 2004. С. 687.

⁴История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Пер.с фр. Е. В. Тарле. 2-е изд. Т. 1. М., 1938. С. 150.

⁵Дэвис Н. Указ. соч. С. 544.

⁶История XIX века...Т. 5. М., 1938. С. 324

⁷Дэвис Н. Указ. соч. С. 609.

⁸Кан А. С. История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). 2-е изд. М., 1980. С. 134.

⁹Turner B. The other European community. London, 1982. P. 22.

¹⁰Кудрина Ю. В. История Дании, XX в. М., 1998. С. 106.

¹¹Danmarks historie. Bd. 7. Kbh., 1988. S. 88.

¹²Кудрина Ю. В. Указ. соч. С. 106.

¹³По этому поводу У. Черчилль во время беседы со скандинавскими журналистами в Лондоне 2 февраля 1940 г. недвусмысленно заявил, что в случае нападения Норвегия и Швеция могли бы ожидать какой-то помощи союзников, в то время как для оказания помощи Дании не было никаких шансов. В британских архивах запись этой беседы отсутствует. Форин Офис безуспешно пытался найти ее документальное подтверждение в 1945 г. для датского парламентского исследования обстоятельств захвата Дании Германией. Важность этого инцидента заключается в том, какое впечатление он произвел на датских политиков. И П. Мунк, и заменивший его на посту министра иностранных дел в 1942 г. Э. Скавениус использовали эту историю для того, чтобы оправдать неспособность Дании оказать какое-либо серьезное сопротивление Германии. См.: Pedersen O. K. Udenrigsminister P. Munchs opfattelse af Danmarks stilling i international politik. Kbh., 1970. S. 482.

¹⁴Министр-посол Великобритании в Дании Говард-Смит описывал Мунка как «самого жалкого министра иностранных дел, которого когда-либо видел», см.: Howard-Smith to F.O. 14 Feb. 1940. F.O. 371/24818 (N2376/7/63); пресс-атташе Тернбулл писал: «Кажется, д-р Мунк и его друзья готовы бросить Австрию, Чехословакию и Польшу на произвол судьбы, только бы нож Гитлера был подальше от их дряблых, желтых шей. К счастью, радикалы представляют лишь небольшую часть датчан, большинство которых небезразлична жалкая роль, которую играет их страна», см.: Turnbull, report on the Danish press. 29 Dec. 1939. F.O. 371/24780(N237/234/15); в личных беседах взгляд Форин Офиса на проводимую правительством Дании поли-

тику был еще более критичным: когда в декабре 1941 г. возник вопрос предоставления какого-либо признания датским торговым морякам, отправлявшимся из Великобритании, заместитель министра Сарджент отказал, поскольку правительство Дании осталось в Копенгагене «лизать немецкий ботинок», см.: Minute by Sargent. 7 Dec. 1941. F.O. 371/29303(N7144/106/15).

¹⁵*Skov A., Søborg F.* Befrielsen. Hellerup, 2004. S. 172.

¹⁶*Heurlin B.* Danmarks udenrigspolitik efter 1945. Kbh., 1971. S. 12.

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Т. Н. Гончарова

ПРОЗОРЛИВЫЙ НАЦИОНАЛИСТ: ЖУРНАЛИСТ И ИСТОРИК ЖАК БЭНВИЛЬ

Жак Бэнвиль почти неизвестен в России. Иное дело во Франции. В Париже его именем названа небольшая площадь, прилегающая к бульвару Сен-Жермен в VII-м квартале. Исторические труды Бэнвиля до сих пор популярны. В особенности «История Франции» и «Наполеон», которые по мере выхода из печати в 1920–1930-е гг. становились бестселлерами. Среди особенностей авторского стиля Бэнвиля – ясность и лаконизм изложения, глубина анализа исторических фактов. Он стремился не к картинности и анекдотичности, а к проникновению в суть событий и как можно более доходчивому объяснению их читателю. Однако Ж. Бэнвиль не был профессиональным историком. Главным его занятием была журналистика. Талантливый журналист на службе «Аксен франсез», он уделял особенное внимание внешней политике Третьей республики, и, прежде всего, франко-германским отношениям.

1879 года рождения, Ж. Бэнвиль прожил недолгую жизнь, всего 57 лет. За несколько месяцев до кончины он удостоился большой чести, будучи избран во Французскую Академию на место Ремона Пуанкаре. Некоторые факты из биографии Бэнвиля позволят понять его интерес к германской проблематике.

Жак Бэнвиль происходил из мелкобуржуазной семьи. Его отец был торговцем лесом в Венсенне. Юные годы будущего историка были окутаны атмосферой сожалений об утраченных Францией вследствие поражения 1870–1871 гг. провинциях (Эльзас и Лотарингия). Семейство Бэнвилей имело лотарингские корни и особенно остро переживало национальную утрату. Германский сосед воспринимался как источник постоянной опас-

ности и резонно, ведь в течение XIX в. немцы трижды добирались до Парижа (1814, 1815, 1870). Исходя из постулата о том, что врага следует знать в лицо, юный Бэнвиль изучал язык Гёте, а с 1896 г. регулярно проводил каникулы в Берлине, во Франкфурте или в Мюнхене. Однако было бы ошибочным видеть в этом интересе только утилитарную направленность. В нем присутствовала и известная доля увлеченности великими творениями германского национального духа в области поэзии, философии, искусства, музыки. Хотя, как отмечает Патрис Гениффе, исследователь творчества Бэнвиля, он рано утвердился во мнении, что «наиболее приятное и достойное восхищения в немецкой культуре это то, что там имеется наименее немецкого, французские заимствования или произведения, созданные под французским влиянием»¹.

Воспитанный на республиканских идеалах, Ж. Бэнвиль стал монархистом в ходе одного из путешествий в Германию². Увязав германскую мощь с политической стабильностью и преемственностью, обеспечиваемых монархической формой правления, Бэнвиль навсегда расстался с республиканскими предпочтениями. Наследственная и авторитарная монархия, пришел он к выводу, лучше вооружена для защиты высших интересов нации по сравнению с парламентской республикой, пребывающей во власти политических партий. Это убеждение в превосходстве монархии над республикой, которое Бэнвиль вынес из своего германского опыта и пронес через всю жизнь, подпитывалось на родной почве чтением И. Тэна, Э. Ренана и в особенности М. Барреса, автора популярных тогда книг «Культ я» и «Лишенные почвы». Активный сторонник генерала Буланже, Морис Баррес зарекомендовал себя как основатель и глава французского «интеллектуального национализма», чуткого к германской опасности. Неудивительно, что это движение нашло в Бэнвиле горячего адепта.

До 1880-х гг. националистами во Франции традиционно были отвержены левых взглядов. Вспомним хотя бы республиканцев эпохи Июльской монархии, которые призывали к борьбе за уничтожение Венских договоров, тогда как Луи-Филипп выказывал себя пацифистом, или Коммунаров, которые призывали к продолжению борьбы против Пруссии, тогда как Адольф Тьер жаждал мира. Однако с тех пор как волна буланжизма накрыла Францию в 1886 г., французский национализм резко поправел. Умеренные республиканцы у власти не желали провоцировать конфликты с Германией, в то время как националисты из числа правых, к примеру, Поль Дерулед, требовали реванша. К тому же коррупция и

аферы республиканского режима, Панамский скандал, дело Дрейфуса, способствовали популярности националистических идей среди молодого поколения.

Судьбоносная для Бэнвиля встреча с Ш. Моррасом в 1899 г. положила начало 35-летней дружбе. Оба были монархистами в то время, когда монархическая идея была на излете. Причем монархизм их был не сентиментальный и не ностальгический, а исключительно рассудочный. Шарль Моррас, литератор и один из основателей националистического движения крайне правого толка «Аксъён франсез», привлек Бэнвиля к сотрудничеству в «Gazette de France», а также в журнале, который с 1908 г. был преобразован в ежедневную газету «L'Action française». Учитывая, что вся последующая биография и профессиональная деятельность Бэнвиля неразрывно связаны с «Аксъён франсез», имеет смысл осветить в нескольких словах основы идеологии и деятельности этой организации.

Ее идеологией стал сформулированный Моррасом «интегральный национализм». «В сущности, роялизм соответствует всем постулатам национализма: именно поэтому он сам себя обозначил как интегральный национализм»³, – разъяснял Моррас сущность изобретенного им понятия в книге «Мои политические идеи». «Интегральный национализм», по мысли его создателя, подразумевал восстановление во Франции монархии, «традиционной, наследственной, антипарламентской и децентрализованной»⁴. Преследуя конкретные политические цели, лига «Аксъён франсез» являла собой также интеллектуальное движение, лабораторию идей и имела большое влияние в обществе, особенно после Первой мировой войны. Соратниками Бэнвиля были полемист и романист Леон Доде, сын автора «Писем с моей мельницы», историк Пьер Гаксот и многие другие популярные литераторы. Основанная Л. Доде газета «L'Action française» выходила большими тиражами. На пике своей популярности в первой половине 1920-х гг. газета располагала 45 тыс. подписчиков и примерно таким же количеством покупателей. Правда, после того, как Пий XI осудил движение в 1926 г., тиражи газеты сократились за счет потери приверженцев из числа католического населения. Тогда же движение приобрело еще более экстремистские черты, нежели в момент своего основания, на рубеже веков.

Боевые отряды «Аксъён франсез» приняли участие в вооруженной попытке захвата Национального Собрания 6 февраля 1934 г. Жестокие бои развернулись на правом берегу Сены, на площади Согласия, напротив Бурбонского дворца, где заседали депутаты. Путч, который принято

называть фашистским, был организован разнородными политическими группировками. Это хорошо известный факт, на котором, как представляется, не акцентируют достаточно внимания, как и на том, что монархическое движение «Аксъён франсез» не имело ничего общего с фашизмом. Созданное раньше, оно не располагало четкой партийной структурой, харизматическим лидером и не симпатизировало Гитлеру. Из него вышли самые разные политические деятели, в том числе Шарль Де Голль и Франсуа Миттеран. Однако антисемитизм и насилие, а также необузданные речи Морраса могли ввести в заблуждение относительно настоящей природы движения.

Ж. Бэнвиль разделял идеологические установки «Аксъён франсез», но ему были чужды агрессия и всякие проявления фанатизма. Не был он и антисемитом, хотя даже если бы и был, по тем временам в этом не было ничего зазорного. Это теперь, после Аушвица, антисемитизм воспринимается с отвращением и чувством гадливости. А на рубеже веков многие французы, следуя католической традиции, искренне верили в заговор евреев, да и движение «Аксъён франсез» зародилось как реакция на выступления дрейфусаров. В отличие от Морраса, резкого и несдержанного поэта, Бэнвиль был спокойным и рассудительным. Приятной наружности, элегантный и хорошо воспитанный, он был слишком утонченным для систематических нападков на евреев или угроз в адрес политиков. Главным в его творческом наследии был анализ причин и последствий исторических событий, в том числе и тех, свидетелем которых он являлся.

Ежедневная газета «L'Action française» была настоящей трибуной, с которой Бэнвиль излагал свои мысли, суммируя их впоследствии в менее эфемерной книжной продукции. И самым поразительным было то, что он неоднократно и безошибочно угадывал будущий ход истории. В течение многих лет Бэнвиль был, по образному выражению Франсуа Мориака, «впередсмотрящим Франции»⁵.

В статьях, написанных за год – два до начала Первой мировой войны, Бэнвиль призывал своих соотечественников быть начеку. Предчувствие неизбежности мирового конфликта витало в воздухе. Однако во французских правых кругах, как и в левых, уповали на то, что войну можно будет предотвратить или, во всяком случае, отсрочить. Соблазнительная иллюзия подпитывалась огромной стоимостью вооружений и протестными действиями социалистов. «Мое ясновидение, – читаем в дневнике Бэнвиля, – заключалось в расчете, что русский союз, через восточные

дела, вовлечет нас в большую европейскую войну, и что республиканская анархия звала, провоцировала германскую интервенцию»⁶.

Но корень зла, по мнению Бэнвиля, гнезвился в объединении Германии 1871 г. под эгидой милитаристской Пруссии. Преступное ослепление, овладевшее французами после 1789 г., сделало его возможным. Этот тезис Бэнвиль безустанно развивал в целом ряде своих ранних и более зрелых трудов: «Республика Бисмарка» (1905), «Бисмарк и Франция» (1907), «История двух народов» (1915), «История трех поколений» (1918), «История Франции» (1924). Дважды, утверждал он, в середине XIX века Франции представилась возможность разрушить германский милитаризм, и дважды она пренебрегла ею. В первый раз – в 1840 г. во время Восточного кризиса, когда Франция могла бы вступить в войну против Пруссии, провокационно бряцавшей оружием на границе. Во второй раз, – когда Наполеон III пренебрег поддержать Австрию в 1866 г. во время ее войны с Пруссией, которая привела к поражению австрийцев при Садова.

В пылу полемического задора Бэнвилю случалось высказывать слишком безапелляционные суждения. Так, он явно преувеличивал, говоря о пиетете, с каким французы относились к Пруссии в революционный и послереволюционный период. Наполеон, как известно, разбил пруссаков при Йене (14 октября 1806) и не делал подарков королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III, лишив его на следующий год в Тильзите половины его владений. Позволим себе усомниться, что в Восточном кризисе 1840 г., «неосторожно раздутом Тьером до такой степени, что Европа была поставлена на грань всеобщего конфликта»⁷, Франция смогла бы безнаказанно объявить Пруссии войну. «Когда национальные страсти взаимно воспламеняются, – пишет современный историк Пруссии М. Керотре, – а поэмами обмениваются как пощечинами или вызовами на дуэль, «Немецкий Рейн» Мюссе против «Рейнской мелодии» Николя Бекера или «Караула на Рейне» Шнекенбургера, прусское оружие на западной границе Германии становится внезапно эгидой нации»⁸. Достигнув пароксизма, противостояние двух национальных самолюбий спало. Как представляется, к счастью. Война с Пруссией в условиях, когда та состояла в союзе с Англией, грозила бы Франции неминуемым разгромом, учитывая международную изоляцию, в которой она пребывала на тот момент.

Национальная идея была у основания германской мощи. Министры Второй империи, как и сам Наполеон III, по мнению Бэнвиля, были воплощением бездарности и государственной близорукости. Он делал исключение лишь для Ш. де Морни, Э. Друэн де Льюиса и Э. Тувенеля.

Выступая перед Законодательным корпусом 15 июля 1870 г., глава правительства Эмиль Оливье неосторожно обронил, что принимает войну «с легким сердцем». Не раз впоследствии, отмечал Бэнвиль в своем дневнике, «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, обсуждая дела прошлых лет со своим итальянским коллегой Ф. Криспи, насмешничал по поводу наивности французских политиков. «Месье, если бы мне пришлось в моей жизни принести столько несчастья моей стране, сколько вы принесли вашей, я счел бы, что и остатка моих дней недостаточно, чтобы вымолить прощение у Всевышнего...»⁹, – писал Бисмарк в письме к Э. Оливье. «Нет никакого сомнения, – комментировал Бэнвиль, – что Эмиль Оливье ничего не понял. Он был убежден, – как и Наполеон III, – в благородстве замысла сделать счастье великой Германии и в то же время счастье Франции и что злой Бисмарк все извратил в этом великолепном и щедром проекте»¹⁰.

Бичуя заблуждения политиков XIX в., Бэнвиль неустанно прославлял «в высшей степени реалистичный гений Капетов, умело использующий события, способный учиться на опыте»¹¹ и приложивший все необходимые усилия для того, чтобы обезопасить восточную границу Франции. «Что французская монархия на практике совершила некоторые ошибки, что она не была безупречной, в этом нет ничего удивительного. Но поразительно то, что никогда она не упорствовала в заблуждении и в особенности то, что она не изменила принципам и не потеряла из виду своей цели. Неловкие повороты штурвала были вовремя подкорректированы, ход выровнен при первом же сигнале о том, что корабль устремился по ложному пути»¹². Бэнвиль признавал, что французские короли совершали ошибки, но считал, что у них доставало здравого смысла вовремя одуматься. Однако и в этих рассуждениях историка можно обнаружить уязвимые места.

Утверждая, что Людовик XV прозревал опасность в Пруссии, Бэнвиль упускал из вида, что именно благодаря помощи французского короля Фридрих II сумел завоевать Силезию. При заключении Аахенского мира в 1748 г. Людовик XV оставил большую часть своих завоеваний, всю Бельгию (тогдашние Австрийские Нидерланды) единственно для того, чтобы быть приятным Англии. Он рассчитывал, вероятно, что сможет избежать таким путем будущих кровавых конфликтов, но тщетно (Семи-летней войны ему не удалось предотвратить). В ходе безрезультатного своего участия в войне за Австрийское наследство французы «работали на прусского короля», по едкому замечанию Вольтера, которое вошло в

поговорку. Подходя к истории с точки зрения насущных политических проблем современности, Бэнвиллю не раз приходилось допускать исторические анахронизмы, приписывая политическим деятелям прошлого мотивировки, далекие от контекста, в котором им приходилось жить и действовать¹³.

В августе 1914 г., когда многие офицеры надеялись, что шести недель будет достаточно, чтобы разгромить противника, Бэнвилльверял своему дневнику мысли о неизбежности многолетней войны, сопряженной с большими жертвами¹⁴. Казалось бы, роялистский писатель должен был вызывать настороженность республиканских властей... Тем не менее, в 1916 г. по поручению президента Р. Пуанкаре Бэнвилль отправился с неофициальной миссией в Россию. Его патриотизм был вне подозрений. Поездив в течение четырех месяцев по российским просторам до Одессы и Владивостока, Бэнвилль констатировал революционное брожение в умах, спрогнозировав близкую бурю. Тем не менее, и, несмотря на выход объятый революционным пламенем России из войны, победа увенчала четырехлетнее напряжение сил союзников по Антанте.

В 1920 г. вышла из печати поистине пророческая книга Бэнвиля «Политические последствия мира». В этой книге он подверг критике Версальский договор от 28 июня 1919 г., разобрав, как и почему он приведет к новому мировому конфликту. Бэнвилль не был единственным, кто предсказал дальнейшее развитие событий с интервалом в 15–20 лет. Экономист Дж. Кейнс, историк Е. В. Тарле представили не менее глубокое видение несовершенств Версальского мира, обозначив будущие проблемы¹⁵. Тем не менее, прозорливость и глубина анализа Бэнвиля достойны восхищения. Главным промахом Версальского мира журналист считал сохранение единой и централизованной Германии, хотя и в республиканской форме, усматривая в ней потенциальную опасность для Франции, Польши, Чехословакии, Австрии.

Еще в самом начале кровавого конфликта, в 1914 г., Бэнвилль размышлял о возможных его результатах,веряя дневнику свои мысли о необходимости расчленения Германии. Так, 23 сентября он записывал: «Если бы старый Катон, который добился того, что Рим разрушил Карфаген, жил среди нас, он повторял бы всякий день союзникам: «Необходимо разрушить германское единство и уничтожить Пруссию, которая является на протяжении вот уже двух веков бичом наций, злым духом, который губит европейский мир...»¹⁶. В записи от 3 ноября читаем: «Единственным способом помешать Германии вредить было бы вернуть ее к прежне-

му состоянию «разъединенной мозаики»...»¹⁷. Впоследствии, 26 декабря, Бэнвиль развил эту мысль: «Мы были в безопасности, когда по ту сторону Рейна, вместо огромной Империи, существовала мозаика государств, масса свободных городов и княжеств. Вот к какому состоянию следует вернуться, вот цель, к достижению которой надо стремиться, если мы не хотим постоянно наткаться на одни и те же грабли»¹⁸. Однако далеко не все французы разделяли эти установки, и Бэнвиль прекрасно отдавал себе в этом отчет. Либеральные буржуа, влиятельные политики, социалисты были пропитаны прогрессистскими идеями XIX века. «Голоса Кине, Мишле еще резонируют в их ушах»¹⁹. 28 июня 1919 г. случилось то, чего так опасался журналист. Национальная идея вновь навредила французской политике.

Жак Бэнвиль дал меткое определение Версальскому миру: «Слишком мягкий мир при всей своей жесткости и слишком жесткий при всей своей мягкости»²⁰. Договор оставил Германии ее политическую мощь, одновременно унизив ее требованиями непомерных репараций и демилитаризации, территориальными потерями в пользу малых государств на восточной границе и т.д. Ж. Бэнвиль отказывал Версальскому договору в политичности, ибо равновесие сил не было его результатом. Версальский договор, по его мнению, был сугубо нравоучительным, «написанным читателями Библии для читателей Библии»²¹. Рассудив, что у Германии достаточно причин для реванша в близком будущем, Бэнвиль описал процесс развязывания Второй мировой войны. В Германии появится харизматический лидер, который приведет в движение германский милитаризм, последуют аннексия Австрии, подрыв государственных образований Центральной и Восточной Европы посредством немецких меньшинств, германо-советское сближение на почве притязаний на польскую территорию. «Сгруппировавшейся посередине Европы, как дикий зверь, Германии стоит выпустить лишь коготь, чтобы воссоединить с собой островок Восточной Пруссии. В этом жесте вписаны будущие несчастья Польши и Европы»²². Версальский договор, делал вывод писатель, не урегулировал германскую проблему, которая осталась, как и в довоенный период, главной заботой Франции.

В послевоенной Европе Ж. Бэнвиль имел репутацию знатока международных дел. Его предвидения и предупреждения имели хождение в печатном виде, но ему не удалось изменить ход событий, предсказанных с такой прозорливостью. И здесь приходит на ум параллель с персонажем древнегреческой мифологии Кассандрой, дочерью Приама. Прорица-

тельница, как известно, предупредила троянцев об опасности, таящейся в гигантском деревянном коне, оставленном ахейцами у ворот города, но никто не поверил ее словам. В результате, коварный замысел греков удался, ворота открылись и спрятанные внутри коня вооруженные воины захватили Трою, предав город огню и разгрому. Подобно голосу Кассандры, голос Бэнвиля раздавался в людской пустыне (*Vox clamans in deserto*).

Не стоит, тем не менее, идеализировать проницательного писателя. Как следует из вышесказанного, журналист и историк Жак Бэнвиль был далеко не безупречен в своих высказываниях. Отстаивая заранее заданные тезисы, ему случалось допускать преувеличения. И он не всегда мог предложить адекватные решения проблем. Так, абсолютно иллюзорно выглядит лелеемая им идея расчленения Германии, чтобы вернуть ее к мозаичному состоянию конца XVIII века. Но главное в творческом наследии Бэнвиля не это и даже не роялизм, а то понимание реалистичной политики, которое он неустанно пропагандировал. Идеалистическая политика, основанная на щедрых идеях, дорого обошлась Франции. «Политика состоит в предвидении»²³, – писал он. Основанная на историческом опыте, на знании людей и народов, политика чужда всякого рода отвлеченных теорий и руководствуется национальным интересом. Только знающие историю и умеющие извлекать из нее уроки государственные деятели способны быть авторами выгодного для нации политического курса.

¹*Gueniffey P.* Histoire de la Révolution et de l'Empire. Paris, 2010. P. 659.

²См.: *Montador J.* Jacques Bainville. Historien de l'avenir. Paris, 1984. P. 32.

³*Maurras Ch.* Mes idées politiques. Paris, 1937. P. 279.

⁴*Ibid.* P. 285.

⁵*Montador J.* Jacques Bainville... Epigraphe. P. 7.

⁶Цит. по.: *Ibid.* P. 58–59.

⁷*Kerautret M.* Histoire de la Prusse. Paris, 2005. P. 353.

⁸*Ibid.*

⁹*Bainville J.* Journal 1901–1918. Paris, 1948. P. 142.

¹⁰*Ibid.*

¹¹*Ibid.* P. 151.

¹²*Ibid.*

¹³См.: *Gueniffey P.* Histoire de la Révolution et de l'Empire... P. 690–694.

¹⁴*Bainville J.* Journal inédit (1914). Paris, 1953. P. 17–18.

¹⁵См.: *Keynes J. M.* The Economic Consequences of the Peace. New York, 1920; *Тарле Е. В.* Три катастрофы (Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир) // *Анналы.* 1922. № 2. С. 54–94.

¹⁶*Bainville J.* Journal 1901–1918... P. 153.

¹⁷*Ibid.* P. 154.

¹⁸*Ibid.* P. 157.

¹⁹*Ibid.*

²⁰*Bainville J.* Les conséquences politiques de la paix. Paris, 1920. P. 24.

²¹*Ibid.* P. 21.

²²*Ibid.* P. 28.

²³*Ibid.* P. 30.

**«НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА» В ИСПАНИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть трансформацию взглядов отечественных (советских и российских) испанистов на так называемую «национальную проблему» в Испании, историю ее возникновения и современное состояние.

Этот вопрос в той или иной степени нашел отражение как в обобщающих трудах по истории Испании, так и в работах, посвященных отдельным проблемам или периодам испанской истории¹.

До недавнего времени в трудах советских и российских ученых Испания рассматривалась как многонациональное государство, в котором сосуществуют издавна проживающие там основные «коренные» народы: испанцы, каталонцы, баски, галисийцы со своими национальными языками, этнокультурным обликом, национальным самосознанием. Их этнические территории имеют более или менее четкие границы. Их отношения между собой и с центральной властью и определяют сущность «национального вопроса». Собственно испанцы (самая многочисленная) — господствующий народ, во благо которого государственная машина эксплуатировала и ассимилировала всех остальных, т. е. «национальные меньшинства». Рассматривая историю возникновения «национального вопроса» в Испании, ученые неизменно уводили ее в далекую эпоху начала формирования современного испанского государства, когда Кастилия превратилась в центр объединения различных испанских королевств в единое целое. Многовековая борьба басков, галисийцев, каталонцев против национального неравноправия неизменно приветствовалась, поскольку каждый народ имеет право «на политическую субъектность»². Вершина успехов «национальных меньшинств» в этой борьбе — получение каталонцами и басками в 1931 – 1939 гг. статуса «территориальной автономии». Наибольшей критике подверглась наци-

ональная политика Ф. Франко. Провозглашение в Конституции 1978 г. права на создание автономных сообществ «национальностей и регионов» трактовалось как фактическое решение в Испании «национального вопроса». Поводом для корректировки привычных для отечественной историографии представлений о причинах возникновения, истории и современном состоянии «национального вопроса» в Испании стал последовавший после введения в действие Конституции 1978 г. процесс создания в Испании государства автономий, который выявил целый ряд фактов, не укладывавшихся в рамки сложившегося в нашей науке взгляда на «национальную проблему» в Испании. В частности, ученые обратили внимание на то, что в состав автономного сообщества Страна басков не вошла Наварра, где баски составляют большинство населения; вместо 3 автономных сообществ (Баскония, Каталония, Галисия) было создано 17, причем 7 из них признаны национальными АС, в частности, Валенсия, Андалусия, Канарские острова и Балеарские острова; а в Стране басков лишь 1/3 населения является этническими басками; из них лишь 1/2 владеет баскским языком.

Именно поэтому современные российские испанисты уже не склонны столь однозначно, как ранее, рассматривать национальную проблему в Испании. Впрочем, четко выделить эти отличия достаточно сложно, поскольку современная ситуация с данной проблемой в Испании непростая, ибо процесс создания государства автономий еще не завершен, выявляются все новые проблемы в отношениях между центром и регионами, так как существует фактическая и юридическая асимметрия в решении этого вопроса. В самой Испании консенсуса по проблеме до сих пор нет, она крайне политизирована. В качестве примера поисков нового подхода к рассмотрению «национального вопроса» в Испании, направленного на выявление его специфики, обратимся к работе Г. И. Волковой и А. В. Дементьева «Политическая история Испании XX в. М., 2005» и коллективной монографии «Испания: анфас и профиль. М., 2007», в которой все авторы так или иначе эту проблему затрагивают, но специально она рассмотрена в главе, написанной А. Н. Кожановским.

По мнению Г. И. Волковой и А. В. Дементьева, возникновение «этно-территориальной проблемы», «паниспанизма» и «региональных национализмов», под которыми подразумевается «сочетание идеологии и политики, основанное на понимании себя народами отдельных регионов Испании как исключительных этнических и социокультурных общностей», хотя и объясняется особенностями формирования феодальных

княжеств в эпоху Реконксты, тем не менее, эти проблемы проявляются в полной мере только с 30-х гг. XIX в. в связи с ликвидацией фуэрос, т. е. привилегий и свобод отдельных регионов, а затем обостряются в связи с политикой «национального притеснения», проводимой Примо де Риверой и особенно Ф. Франк³. Причины сохранения на протяжении XX в. «межэтнической конфликтогенности», как считают Г. И. Волкова и А. В. Дементьев, вызваны «сопротивлением различных этнических групп слиянию в единую нацию, центром которой стала средневековая Кастилия со своим языком, культурой, администрацией и армией, а также интернационализацией материальных и духовных ценностей, урбанизацией, миграцией людских масс»⁴. Кроме того исторически сложилось так, что «Испания представляла собой пример как фактической (этнокультурные и этнотерриториальные различия, межрегиональные социально-экономические диспропорции, острая конфронтация между солидарным сознанием большинства испанцев и сепаратистскими устремлениями региональных радикалов), так и юридической этнорегиональной асимметрии», которая была закреплена положениями новой конституции 1978 г. В ней, в частности, нет упоминания о статусном равноправии регионов, преимущество регионов обозначено формальной констатацией так называемых исторических национальностей и закреплена разноуровневая процедура достижения автономии и неоднородный объем компетенций регионов⁵. Все эти факторы, по мнению авторов «Политической истории Испании XX в. М., 2005», осложнили процесс создания автономных сообществ после 1978 г. и породили новые проблемы в отношениях центра и автономий. Например, баски и каталонские радикалы в 2004 г. потребовали предоставления их автономным сообществам статуса «свободно присоединившегося государства»⁶. Г. И. Волкова и А. В. Дементьев также обратили внимание на новое содержание этнотерриториальной проблемы в связи с усилением иммиграции из стран Магриба и созданием иммигрантами «изоляционистских товариществ и общин»⁷. В другой работе те же авторы указывают и на появившееся в последние десятилетия стремление региональных автономий доказать «самостоятельность и своеобразие местных языков», хотя с точки зрения лингвистов — это во многом весьма сомнительное желание. Например, валенсийский язык, уже признанный в Испании официальным региональным языком, по мнению филологов, является диалектом каталанского, а не самостоятельным языком. Гораздо более серьезной проблемой для страны, как считают филологи, является сокращение на сегодняшний день испаноговорящего населения

Испании⁸. Кроме того, Г. И. Волкова и А. В. Дементьев обращают внимание на то, что «национализм» все чаще используется (как, впрочем, было и раньше) как «инструмент давления на центральное правительство для удовлетворения корпоративных интересов местной элиты»⁹. Используя термины «этнотерриториальные», «этнорегиональные» проблемы, авторы тем самым подчеркивают своеобразие т. н. «национальной проблемы» в Испании, пытаются уйти от традиционных для отечественной историографии представлений о «национальном вопросе», но в связи с тем, что их работа носит обобщающий характер, эта проблема затрагивается ими вскользь и не всегда последовательно.

Более решительным и последовательным противником сложившихся ранее в отечественной историографии представлений о «национальном вопросе» в Испании является А. Н. Кожановский. Наиболее концентрированно его точка зрения изложена в одной из глав коллективной монографии «Испания: анфас и профиль» (М., 2007).¹⁰ При этом автор опирается, прежде всего, на то, как сами испанцы интерпретируют привычные нам понятия, используя материалы социальных опросов, контент-анализ прессы, высказываний испанских политиков.

В частности, выявляя специфику современного состояния национальной проблемы, он обращает внимание на то, что в самой Испании под термином «народы» чаще всего «подразумеваются не этнокультурные сообщества, принадлежность к которым определяется генетически и рассматривается как неотъемлемая характеристика каждого человека», а «группы людей, объединенные длительным совместным проживанием в пределах одной территории, обуславливающим совместный опыт... общие интересы... черты сходства в облике, культуре, языке»¹¹. При этом «этнокультурные характеристики» в целом подчиняются «земляческому»: быть «арагонцем» значит жить в Арагоне, отстаивать местные интересы и т. д. Таким образом, по мнению А. Н. Кожановского, «Испания — это иерархия территориальных, земляческих общностей»¹². И эта ситуация, как показывает И. Л. Прохоренко, поддерживающая точку зрения А. Н. Кожановского, сложилась в стране еще в эпоху Реконкисты, когда «Испания складываясь как сообщество королевств на Пиренейском полуострове (Las Españas), каждое из которых отличалось своеобразием... и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии... занявшей центральное место в формировании испанской монархии и в управлении ею»¹³.

Всякий житель страны, как показывают современные исследователи, входит одновременно в состав нескольких народов. И ни один из них не является главным, истинным, т. е. — разъясняет А. Н. Кожановский — «каталонцы», «баски», «галисийцы» и т. д. воспринимаются в Испании прежде всего как жители областных сообществ». И хотя в Конституции 1978 г. присутствует термин «национальности» — это, по мнению российского ученого, ничто иное как все те же регионы, которые пожела-ли так себя обозначить. Сейчас таких «национальностей» семь. И это не «национальные меньшинства», а «полноправные граждане «единой испанской нации», — подчеркивает А. Н. Кожановский¹⁴. Впрочем, — отмечает ученый, — есть в современной Испании и «народы» в привыч-ном для нас понимании этого слова: это, по мнению А. Н. Кожановского, опирающегося на социологические исследования испанских ученых, — иудеи, цыгане, бакейрос, аготы и другие пришлые жители полуострова, что не противоречит тому, что они единовременно являются составной частью как «общеевропейского народа», так и народов территорий, где они проживают¹⁵.

Более того, в Статуте Каталонии содержится определение каталонцев как «нации», но «нации в [составе] нации наций [т. е. Испании]»¹⁶. Это, как считает А. Н. Кожановский, для Испании революционное признание, однако вовсе не означающее отказа от земляческой структуры населения страны. А эта структура имеет специфику по сравнению с «этнической», так как «региональное самосознание» совсем не нечто жесткое и раз и навсегда данное. Отсюда и возникновение новых проблем в отношени-ях между центром и автономными сообществами в современной Испа-нии. Таким образом, в Испании следует говорить не о национальной, а о региональной проблеме, — считает А. Н. Кожановский¹⁷. Впрочем, в постфранкистской Испании в комплексе проблем привычно называемых нами «национальным вопросом», по А. Н. Кожановскому, сейчас на пер-вый план выдвигается проблема иммигрантов из вне (4 млн. чел. на 2005 г.)¹⁸, не очень стремящихся входить в испанское общество, впитывая его язык, культуру, традиции.

Таким образом, по А. Н. Кожановскому, и в этом утверждении он солидарен с другими российскими исследователями, именно «проблемы, порожденные иммиграцией и продолжающейся политико-культурной эмансипацией ряда автономных регионов Испании» и определяют специ-фику т. н. «национального вопроса» в Испании, а точнее «регионально-го вопроса», бросая «вызов стабильности испанского общества»¹⁹.

Рассматривая историографические аспекты национальной проблемы в Испании, нельзя не остановиться на баскском сепаратизме и терроризме. Отечественные исследователи не обходят вниманием эту проблему. Г. И. Волкова, С. М. Хенкин, Е. Г. Черкасова, В. Л. Верников²⁰ и др. обращают внимание на то, что вплоть до 1876 г. баски фактически сохраняли свою самостоятельность через систему фуэрос, поэтому отношения с центром носили вполне мирный характер, ибо обе стороны экономически были заинтересованы друг в друге и центр, зачастую в большей степени, поскольку в экономическом отношении Страна басков являлась, наряду с Каталонией, одним из наиболее развитых регионов Испании. Отмена фуэрос в 1876 г., появление в Басконии большого количества трудовых иммигрантов из других регионов Испании, начавшаяся насильственная испанизация способствовали зарождению баскского национализма. Переход к террористическим методам борьбы был обусловлен не в последнюю очередь очень жесткой политикой Ф. Франко по отношению к баскам. После принятия конституции 1978 г. и предоставления Стране басков широкой автономии активизация деятельности ЭТА, по мнению отечественных исследователей и здесь они солидарны со многими современными испанскими политиками, связана не в последнюю очередь с тем, что «люди в ЭТА превратились в профессионалов, живущих вне закона» и уже давно имеют представления о мире, далекие от реальных²¹, поэтому «до распутывания баскского узла еще далеко»²².

Приведенные материалы, как представляется, доказывают не только осознание отечественными исследователями сложности и своеобразия «национальной проблемы» в Испании, но также и трансформацию как самой «национальной проблемы», так и представлений о ней в течение XX – начала XXI вв.

¹Трачевский А. С. Испания XIX в. М., 1872; Трайнин И. П. Баски в борьбе за свою национальную независимость. М., 1937; Майский И. М. Испания 1808 – 1917. Исторический очерк. М., 1957; Современная Испания / под ред. В. В. Загладкина. М., 1983; Испания. 1918 – 1972. Исторический очерк. М., 1975; Ландабасо Ангуло А. И., Коновалов А. М. Терроризм и этнополитические конфликты. М., 2004; Волкова Г. И., Дементьев А. В. Политическая история Испании XX века. М., 2005; Испания: анфас и профиль / под ред. В. Л. Верникова. М., 2007. С. 203.

²Испания: анфас и профиль. М., 2007. С. 203.

³Волкова Г. М., Дементьев А. В. Политическая история Испании XX в. М., 2005. С. 119, 14, 33, 36, 77.

- ⁴Там же. С. 98-99.
- ⁵Там же. С. 99.
- ⁶Там же. С. 148.
- ⁷Там же. С. 162, 164.
- ⁸Испания: анфас и профиль. М., 2007. С. 266-267, 281.
- ⁹*Волкова Г. И., Дементьев А. В.* Политическая история Испании XX в. М., 2005. С. 33.
- ¹⁰*Кожановский А. Н.* Государственная идентификация по-испански // Испания: анфас и профиль. М., 2007. С. 195-212.
- ¹¹Там же. С. 198-199.
- ¹²Там же. С. 199.
- ¹³*Прохоренко И. Л.* Местное самоуправление и децентрализация власти // Испания: анфас и профиль. М., 2007. С. 363-364.
- ¹⁴*Кожановский А. Н.* Указ. соч. С. 201-202.
- ¹⁵Там же. С. 208.
- ¹⁶Там же. С. 210.
- ¹⁷Там же. С. 209.
- ¹⁸Там же. С. 211.
- ¹⁹Там же. С. 212.
- ²⁰*Волкова Г. И., Дементьев А. В.* Политическая история Испании XX в. М., 2005. С. 77-79, 121-125; *Хенкин С. М.* ЭТА: корни, мифы, фанатизм // Латинская Америка. 2005. №2. С. 31-33; *Черкасова Е. Г.* Террористическое насилие продолжается // Испания: анфас и профиль. М., 2007. С. 345-362.
- ²¹*Верников В. Л.* Уроки недавней истории // Испания: анфас и профиль. М., 2007. С. 15.
- ²²*Хенкин С. М.* Указ. соч. С. 33.

АНТИКАТОЛИЦИЗМ И БРИТАНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос о том, как формировалось британское национальное самосознание, каковы его важнейшие исторические компоненты и современное состояние, относится в настоящее время к числу одних из наиболее интенсивно обсуждаемых на Британских островах, причём отнюдь не только в академических кругах. Это связано с кризисом постимперской идентичности, активизацией шотландского и валлийского национализма, следствием чего явилось разграничение понятий *бритишнес* (британскость) и *инглишнес* (английскость), ранее, по крайней мере для англичан, фактически совпадавших. Тенденции последнего времени, проявляющиеся главным образом в размывании *бритишнес*, равно как и их оценку в историографии подробно рассмотрел отечественный исследователь М. А. Липкин¹. Однако, поскольку речь идёт о ситуации конца XX – начала XXI вв., он ограничился констатацией факта признания британской историографией утраты протестантизмом той интегрирующей роли, которую он играл в прошлом². Между тем именно проблема влияния протестантизма, проявлявшегося, прежде всего, в форме антикатолицизма, на формирование британской идентичности в последние десятилетия в зарубежной историографии была подвергнута весьма тщательному анализу.

Если говорить об отечественной историографии, то для неё, по-прежнему, характерна переоценка степени секуляризации европейских обществ XVIII– XIX вв., проявляющаяся в недостаточном внимании к религиозно-политической проблематике. Так, Т. Л. Лабутина лишь вскользь упомянула об антикатолических настроениях конца XVII в., употребив такие выражения, как «нелепые домьслы» и «истерия»³. Более детально проблемы развития антикатолицизма исследовала Т. С. Соловьёва, изучавшая вопрос о предоставлении избирательных прав католикам (эмансипации) в 1820-е гг. Она подчеркнула, что антикатоли-

цизм был в значительной мере обусловлен «национальной памятью», а огромное большинство англичан противилось эмансипации⁴.

В зарубежной историографии также достаточно длительное время господствовала тенденция к недооценке роли религиозного фактора в общественно-политической жизни Великобритании. В середине прошлого столетия Дж. Китсон Кларк призывал «вернуть религию ... в картину жизни Англии XIX века»⁵. К концу века эта задача оказалась полностью реализованной. Дело не только в появлении многочисленных исследований, затрагивающих религиозно-политическую проблематику, но и в том, что религия, по выражению Т. Клейдона и Я. Макбрайда, вышла из «гетто церковной истории»⁶. В историографии второй половины XX в. религия стала рассматриваться не только как система верований, но и как средство создания политических и идеологических связей. Обозначилась и другая тенденция – к абсолютизации конфессионального фактора. Она характерна для работ Дж. Кларка, посвящённых истории английского общества в 1688-1832 гг. Он полагает определяющим конфликт между радикальными протестантами-диссентерами и англиканами, приведший к крушению «конфессионального государства» и английского «старого порядка» в результате «конституционной революции» 1828-1832 гг.⁷

Что касается непосредственно антикатолицизма, то одним из первых серьёзных исследований была книга Э. Нормана, увидевшая свет в 1968 г. Он не затрагивал специально вопрос о влиянии антикатолицизма на британское и английское национальное самосознание, анализируя его проявления в ходе различных политических событий викторианской эпохи. Тем не менее, Э. Норман констатировал как всеохватность антикатолических настроений, захватывавших в той или иной степени все слои общества, так и их постепенное затухание к концу XIX в.⁸

Вопрос о влиянии религии на развитие национального самосознания был рассмотрен авторами сборника «Религия и национальная идентичность», увидевшего свет в 1982 г. Некоторые исследователи проявили скепсис в отношении интеграционной роли протестантизма. Так, К. Роббинс акцентировал внимание на христианском многообразии британских островов (преобладание в Англии, Шотландии, Уэльсе различных версий протестантизма, в Ирландии – католицизма), указывая, что в некоторые периоды времени различные протестантские церкви способствовали поддержанию британской идентичности, но также и английской, шотландской, валлийской идентичности, причём иногда – в противовес британской⁹. Возникали и проблемы иного рода. Например, Церковь Англии

(англиканская) всегда настаивала на том, что именно она выражает *инглишнес*, и это создавало проблемы для не принадлежавших к ней протестантов-диссентеров¹⁰. Поэтому роль церквей в развитии национального самосознания противоречива, и какие-либо обобщения неуместны¹¹.

Иную точку зрения высказал Д. Беббингтон. Хотя в условиях отсутствия серьёзных национальных движений в Шотландии и Уэльсе в XIX в. приверженность местным церквям определялась и этническими причинами, интегрирующая роль протестантизма представляется ему бесспорной¹². Исследователь подчёркивает, что за пределами Англии народный протестантизм был именно британским по своему характеру, а не шотландским или валлийским¹³.

Таким образом, К. Роббинс и Д. Беббингтон выразили противоположные мнения по вопросу о роли протестантизма как фактора, способствовавшего формированию единой британской идентичности. В дальнейшем большинство исследователей будет разделять скорее точку зрения Д. Беббингтона, нежели скептицизм К. Роббинса. Прежде всего следует отметить имевшую значительный общественный резонанс работу Л. Колли «Британцы: изобретение нации». Исследовательница полагает нацию не только историческим феноменом, основанном на этнической или культурной гомогенности. Нация – это «воображаемое политическое сообщество», изобретённое в период между 1707 (Акт об унии между Англией и Шотландией) и 1837 (начало правления королевы Виктории) гг. Именно в это время понятие «британцы» наложилось на более ранние национальные и региональные идентичности¹⁴. По мнению Л. Колли, британцы осознали себя нацией не потому, что существовал культурный или политический консенсус внутри страны, а в процессе реакции на «другое». Этим «другим» был католицизм и его наиболее яркое выражение – католическая Франция¹⁵. Именно с ней с конца XVII в. и до 1815 г. Британия вела почти не прекращавшуюся «Вторую столетнюю войну»¹⁶. Объединял же англичан, шотландцев, валлийцев протестантизм в его антикатолическом варианте. По этой причине ирландцы-католики так и не стали британцами, ассоциируясь с «другим» даже после того, как после 1815 г. постоянным конфликтам с Францией пришёл конец. Именно «протестантизм был тем фундаментом, который сделал возможным рождение Британии»¹⁷.

Вместе с тем Л. Колли не отрицает существования в XVIII – XIX вв. английской, шотландской, валлийской идентичностей, как и разногласий между различными ветвями британского протестантизма¹⁸, в чём её

впоследствии не вполне справедливо упрекали¹⁹. Однако противоречия в протестантском лагере не могут, по мнению Л. Колли, сравниться по масштабу и интенсивности с отрицанием католицизма²⁰. Утрата «другого», начавшаяся в XIX в., ведёт к утрате британской идентичности и возобновлению значения внутренних разделений, что и происходит сейчас, когда протестантизм превратился в «остаточный продукт» британской культуры²¹. Придавая протестантизму решающую роль в формировании *бритишнес*, Л. Колли отмечает и значение иных факторов: урбанизации, развития коммуникаций, способствовавших быстрому распространению информации²².

Другой британский исследователь, Х. Маклауд, анализирует исключительно религиозные аспекты *бритишнес*. Хронологические рамки его исследования – 1815-1945 гг. Если Л. Колли полагает, что исчезновение враждебного «другого» в лице Франции дало довольно быстрый эффект, проявившийся, например, в эмансипации католиков в 1829 г.²³, то Х. Маклауд продлевает время определяющего влияния бескомпромиссного протестантизма (антикатолицизма) на британское национальное самосознание до 1860 г. Наряду с общей приверженностью англичан, шотландцев и валлийцев протестантизму Х. Маклауд отмечает и их совместное участие в построении Британской колониальной империи, лояльность монархии, наличие партий, способных получить поддержку в различных частях Соединённого королевства²⁴.

Х. Маклауд подчёркивает, что на протяжении большей части XIX в. роль католического «другого» для британцев выполняла Ирландия. Антиирландская риторика в прессе имела ярко выраженную антикатолическую составляющую²⁵. Продолжала сохранять силу и корреляция между протестантизмом, свободой и экономическим процветанием, с одной стороны, и католицизмом, деспотизмом и упадком – с другой²⁶. В середине XIX в. многие продолжали «считать Британию избранной страной, вторым Израилем, исполняющим божественную миссию по поддержке и распространению истинного христианства»²⁷. В 1830-е – 1840-е гг. происходит возрождение воинствующего протестантизма. В конце 1840-х гг. на открыто антикатолические позиции встало протекционистское крыло консервативной партии во главе с лордом Стэнли, а восстановление в 1850 г. католической иерархии вызвало массовые протесты под лозунгом «Нет папизму!»²⁸.

Упадок политического антикатолицизма начинается со времен Крымской войны (1853-1856). Х. Маклауд полагает, что целый комплекс обсто-

ятельств (совместные действия с Турцией и особенно Францией, воспринимавшейся одновременно в качестве нерелигиозной и католической страны, наличие в британских войсках значительного числа католиков и финансируемых государством католических капелланов и медсестёр) сделал почти невозможным преобладавшую в XVIII в. интерпретацию войны как борьбы с всемирным католицизмом²⁹.

В 1870-е гг. взгляд на Британию как бастион протестантизма стал рассматриваться как «крайний», а его приверженцы уже казались «фанатиками». Причины этого, по мнению Х. Маклауда, заключаются как в росте религиозного плюрализма в Великобритании, так и в увеличении числа неверующих, укреплении англо-католического направления в Церкви Англии, не склонного отождествлять её с протестантизмом³⁰. К концу XIX в. **религиозная основа британского самосознания** постепенно замещается национальной. В качестве примера автор приводит дискуссию на страницах журнала «Спектейтор» (1898). Некоторые её участники продолжали отстаивать традиционный взгляд, согласно которому величие Британии является прямым следствием её приверженности протестантизму. Однако большинство, включая редактора журнала, видели причину процветания в особых качествах «англо-саксонской расы»: «величие Англии связано с кровью, текущей в жилах её народа, его энергией, преданностью свободе, предприимчивостью, но не с каким-либо вероучением»³¹.

Наконец, в XX в. **антикатолические представления, отнюдь не исчезнув**, перестали быть существенным компонентом национального самосознания, что отразилось в преимущественно светской интерпретации необходимости участия в мировых войнах (защита свободы и демократии против германского «варварства» и «язычества») ³².

Чрезвычайно интересным представляется компаративное исследование финского историка П. Ихалайна. Он рассматривает проблему влияния религии на развитие национального самосознания в трёх преимущественно протестантских странах – Швеции, Англии, Нидерландах конца XVII – конца XVIII вв. **П. Ихалайнен использует преимущественно одну, но весьма репрезентативную группу источников** – проповеди, прочитанные священниками государственных протестантских церквей перед монархами и/ или членами представительных собраний в дни национальных праздников и в связи с другими событиями (коронация, начало войны или заключение мира и др.). Он приводит многочисленные примеры употребления англиканскими духовными лицами

словосочетаний «протестантский народ», «протестантские церковь и королевство», «реформированная церковь и свободная нация», «свободная протестантская нация», «протестантская нация свободнорожденных британцев»³³. Отмечая значительно большее, по сравнению со Швецией и Нидерландами, использование в официальных проповедях антикатолической риторики, П. Ихалайнен подчёркивает, что в Англии *бритишнес* идентифицировалось с *инглишнес*, *инглишнес* – с англиканством, а англиканство – с протестантизмом³⁴.

Вплоть до середины XVIII в. в проповедях игнорировался поликонфессиональный характер Британского государства, а Церковь Шотландии не упоминалась в них ни разу. И только в период Семилетней войны (1756 – 1763), отмечает П. Ихалайнен, происходит сдвиг от англиканской к протестантской идентичности, и понятие «протестантизм» приобретает общебританское измерение. К концу XVIII в. на первый план выходят свобода, торговля, предприимчивость, причём именно первая рассматривается теперь в качестве ключевого элемента британской идентичности³⁵. Таким образом, П. Ихалайнен признаёт существенную роль антикатолицизма в оформлении *инглишнес* и в гораздо меньшей степени – *бритишнес*, полагая, в отличие от Л. Колли и Х. Маклауда, что секулярная парадигма британской идентичности стала преобладающей уже к концу XVIII в.

Британский исследователь К. Хейдон специально рассмотрел развитие антикатолицизма в Англии XVIII в. Историк пришёл к выводу о его географической и социальной неоднородности, отметил ослабление антикатолических настроений среди образованных классов английского общества. Он особенно подчёркнул тот факт, что в качестве враждебного «другого» оказывались и протестанты-диссентеры, а не только католики³⁶. Однако вывод К. Хейдона, сделанный применительно к Англии, в главном совпадает с заключениями Л. Колли: «антикатолицизм был идеологией, которая обеспечивала национальную сплочённость, сглаживая, хотя и не уничтожая, политические и социальные разделения»³⁷.

Скептическую позицию наиболее последовательно отстаивает Дж. Блэк. Он в равной степени не разделяет как тезис Дж. Кларка о «конфессиональном государстве», так и концепцию Л. Колли. По мнению Дж. Блэка, антагонизм между двумя группами протестантов – англиканами и диссентерами был гораздо более существенным, чем их общая приверженность протестантизму. Антикатолицизм был крайне эклектичным явлением, антикатолические кампании не имели постоянного характера,

а потому его интегрирующая роль, если она вообще имела место, была не слишком заметной³⁸.

Более осторожны в своих высказываниях Т. Клейдон и Я. Макбрайд. Не соглашаясь с Л.Колли, они отмечают амбивалентный характер протестантизма, его способность в разных ситуациях быть как фактором объединения, так и разделения. Неприязни к «папизму» было недостаточно для преодоления идеологических разногласий между протестантскими сообществами Соединённого королевства. Однако именно протестантизм определял «внешний круг» британской идентичности, и поэтому католическая Ирландия так и осталась элементом, не подвергнувшимся ассимиляции³⁹.

Помимо исследований, непосредственно посвящённых влиянию антикатолицизма на британскую/английскую национальную идентичность, существует значительное число работ, раскрывающих те или иные аспекты его проявления в различные периоды британской истории. Следует отметить труды Д. Паза и Дж. Волфа о викторианском антикатолицизме. Д. Паз настаивает на том, что и на протяжении значительной части викторианского периода позиции антикатолицизма были достаточно прочны⁴⁰. Дж. Волф отмечает, что после некоторого упадка в конце XVIII – первой трети XIX вв., в 1830-е – 1850-е антикатолицизм вновь набрал силу. Однако воинствующим протестантам не удалось создать ни такой мощной организации, как «Лига борьбы против хлебных законов», ни добиться координации действий англикан и диссентеров⁴¹. Вместе с тем антикатолицизм оставался существенным элементом английского национализма. Именно поэтому ещё долгое время англо-католики в Церкви Англии были вынуждены подчёркивать свою «английскость», а римо-католики – лояльность британской монархии⁴².

Таким образом, можно констатировать, что проблема влияния антикатолицизма на развитие как британского, так и английского национального самосознания весьма интенсивно изучается зарубежной историографией. Большинство исследователей считает его существенным, а иногда и определяющим моментом, по крайней мере, английской, а иногда и британской идентичности. Имеются различные точки зрения относительно вопроса о том, в какое именно время и в какой мере протестантизм выполнял интегрирующую роль. В то же время все исследователи единодушны в том, что в XX столетии антикатолицизм маргинализировался и перестал играть сколь-нибудь заметную роль. Поскольку в научный оборот вовлекается всё большее число самых разнообразных

источников (дешевые альманахи, эстампы, иллюстрированные издания, официальные проповеди в парламенте и др.), надо думать, что новые исследования не заставят себя ждать.

¹*Липкин М. А.* Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности (История, культура и политика в Соединённом Королевстве) // Россия и Британия. Вып. 3. В мире английской истории. М., 2002. ; *Он же.* Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории. М., 2007.

²*Липкин М. А.* Двадцать первый век по Гринвичу. С. 134.

³*Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. С. 259.

⁴*Соловьёва Т. С.* Эмансипация католиков в Великобритании в 1829 году // Религии мира: История и современность. 2003. М., 2003. СС. 173, 185.

⁵*Kitson Clark G.* The making of Victorian England. London, 1962. P. 25.

⁶*Claydon T., McBride I.* The trials of the Chosen people: recent interpretations of Protestantism and National Identity in Britain and Ireland // Claydon T., McBride I. – eds. Protestantism and National Identity, 1650–1850. Cambridge, 1998. P.5.

⁷*Clark J. C. D.* English Society, 1688 – 1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge, 1985.

⁸*Norman E. R.* Anti-catholicism in Victorian England. New York, 1968. PP. 3-20, 113.

⁹*Robbins K.* Religion and Identity in Modern British History (Presidential Address) // Religion and National Identity. Ed. by S. Mews. Oxford, 1982. P. 465-466.

¹⁰*Ibid.* P. 468-472.

¹¹*Ibid.* P. 466.

¹²*Bebbington D. W.* Religion and National Feeling in Nineteenth Wales and Scotland // Religion and National Identity. P. 503.

¹³*Ibid.* P. 502.

¹⁴*Colley L.* Britons: Forging the Nation, 1707-1837. London, 1994. P.5.

¹⁵Подробнее см.: *Ibid.* P. 6-54.

¹⁶*Ibid.* P. 3.

¹⁷*Ibid.* P. 54.

¹⁸*Ibid.* P. 17-18.

¹⁹См. например: *Black J.* Confessional state or elect nation? Religion and Identity in Eighteenth-Century England // Claydon T., McBride I. – eds. Protestantism and National Identity, 1650–1850. Cambridge, 1998. P. 55-61.

²⁰*Colley L.* Op. cit. P. 19. .

²¹*Ibid.* P. 6-7.

²²*Ibid.* P. 369.

²³*Ibid.* P. 324-325.

²⁴*McLeod H.* Protestantism and British National Identity, 1815-1945 // Nation and Religion : perspectives on Europe and Asia. Ed. by P. Van der Veer and H. Lehmann. Princeton, 1999. P.44-45.

²⁵*Ibid.* P. 47.

²⁶Ibid. P. 52.

²⁷Ibid. P. 53.

²⁸Ibid. P. 53-54.

²⁹Ibid. P. 54

³⁰Ibid. PP. 55-57, 64.

³¹Подробнее см.: Ibid. P. 59-60.

³²Ibid. P. 60-65.

³³*Ihalainen P.* Protestant Nations redefined: Changing Perceptions of National Identity in the Rhetoric of the English, Dutch and Swedish Public Churches, 1685 – 1772. Leiden, 2005. P. 174 – 193.

³⁴Ibid. P. 20.

³⁵Ibid. P. 203 – 209.

³⁶*Haydon C.* «I love my King and my Country, but a Roman catholic I hate»: anti-catholicism, xenophobia and national identity in eighteenth-century England // Claydon T., McBride I. – eds. Protestantism and National Identity, 1650–1850. Cambridge, 1998. P. 50 – 51.

³⁷Ibid. P. 49.

³⁸*Black J.* Op.cit. P. 60-62.

³⁹*Claydon T., McBride I.* The trials of the Chosen people... P. 26.

⁴⁰*Paz D. G.* Popular Anti-catholicism in Mid-Victorian England. Stanford, 1992. P. 299-300.

⁴¹*Wolffe J.* The Protestant Crusade in Great Britain, 1829 – 1860. Oxford, 1991. P. 292-297.

⁴²Ibid. P. 308-310.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

А. В. Смолин

РУССКИЕ В ФИНЛЯНДИИ 1918 – 1919 ГГ. ЧАСТЬ 2.*

Воспоминания Н. Луниной «Трагедия русских в Финляндии» написаны уже после завершения событий Гражданской войны в Финляндии. Авторская датировка отсутствует. Мемуары написаны от руки чёрными чернилами и занимают восемь с половиной страниц большого формата. Рукопись представляет собой беловик. Правда имеются две вставки теми же чернилами, поясняющие написанное, что свидетельствует о том, что автор перечитывала текст. Подпись автограф. После неё указано место проживания автора на французском языке (15, **Place des Etats - Unis Montrouge**)¹. Во время Гражданской войны она вместе с мужем, капитаном артиллеристом и девятилетним сыном проживала в Выборге и работала сестрой милосердия в военном госпитале. Лунина была очевидцем захвата города белыми финнами и теми расправами, которые они учинили над побеждёнными. В тексте присутствует прямая речь, но она представлена отдельными репликами и не влияет на передаваемую информацию.

Археографическая подготовка текста воспоминаний к изданию проведена в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). В опубликованном тексте сохранены стилистические и языковые особенности изложения. Сокращения слов восстановлены в квадратных скобках.

Публикуемые воспоминания хранятся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета. **B. I. Nikolaevsky. Collection Box. 148. Series No 95. Folder 17.**

ТРАГЕДИЯ РУССКИХ В ФИНЛЯНДИИ

Незадолго до Пасхи 1918 года, в г. Выборге стало тревожно. Со дня на день ожидался приход «белых», которые с помощью германских войск, почти отовсюду изгнали большевиков, захвативших на короткое время власть в Финляндии². Мы, русские, в большинстве семьи офицеров, с радостью и нетерпением ожидали прихода «белых» финнов, находившихся под командой генерала Маннергейма, бывшего офицера русской армии³. Иначе чувствовали себя толпы распропагандированных солдат и матросов, бежавших со всех концов Финляндии и скопившиеся в Выборге и семьи финских рабочих, почти сплошь коммунистов. Рабочие составляли вооружённые отряды, готовившиеся к обороне города.

Нельзя не отметить довольно странного, на первый взгляд, явления, имевшего место почти всюду, где проживали в Финляндии русские офицеры со своими семьями. В то время как в России продолжались преследования офицеров, наоборот, в Финляндии, после жестокого самосуда солдат и матросов над своими начальниками, в первые дни революции, в дальнейшем, при большевистском режиме отношение «красных» финнов к русскому офицерству было крайне предупредительным и мягким⁴. Объяснить это можно тем, что после того, как в России установилась советская власть, финские коммунисты смотрели на каждого русского, как на союзника. По той же причине «белые» финны рассматривали всех русских, как своих врагов. Те же финны, которые приехали из Германии и сражались во время войны против России, определённо ненавидели всё русское⁵. Но наше офицерство было далеко от всех этих соображений и душой и сердцем ожидало прихода «белых».

Наконец наступил день, когда волнение в городе особенно усилилось и к вечеру слышались первые отдалённые выстрелы из орудий. Началась осада Выборга. По улицам засвистали пули... Один из снарядов попал в стену дома, в котором жила я, работавшая сестрой милосердия в местном военном госпитале, муж мой, капитан артиллерии и наш девятилетний сын. Дом содрогнулся, посыпались кирпичи... Мы бросились в подвал, где нашли прятавшихся жильцов дома. Пришлось принести из квартиры подушки и ковры и устраивать в своей клетке, в подвале, временное обиталище. Вскоре все проходы между клетками были заполнены спасавшимися от стрельбы и бежавшими из рабочего квартала женщина-

ми и детьми.. их жилища были разрушены и сожжены, т[ак] к[ак] «белые» подвергли особенно ожесточённой и меткой бомбардировке заселённый рабочими пригород. В воздухе стоял неумолчный грохот от рвавшихся снарядов. Нервы у всех были напряжены.

И в это невесёлое время нашей «подземной» жизни ворвался, помню, один комический момент. Кто-то из жильцов дома держал в подвале бочку с заготовленной впрок капустой. Бочка была покрыта крышкой. Какая-то толстая финка вздумала устроиться поудобнее и села на бочку. Послышался треск и когда мы обернулись, то увидели торчавшими из бочки одни руки и ноги. Финка продавила крышку и погрузилась в рассол. Не без труда, при общем смехе, её оттуда вытащили. Помню ещё один эпизод, который, быть может, чуть не привёл моего мужа к роковому для него концу. Воспользовавшись тем, что стрельба несколько стихла, я поднялась в квартиру, чтобы взять что-то из белья. Через несколько минут в дверь квартиры раздался стук и когда я открыла её, передо мной стоял вооружённый рабочий, «Rava» (т.[о] е[сть] госпожа) обратился он ко мне: «Не подходите к окнам... это запрещено и опасно». Я обратила внимание на его измученный вид. Он объяснил, что уже два дня беспрерывно занимает пост на нашей улице и ничего не ел. Я решила дать ему что-нибудь съедобного и вынесла затем своё скромное угощение на крыльцо. Он взял, горячо меня поблагодарив... Некоторые из находившихся в подвале мой поступок заметили: Я накормила «красного». А ведь среди прятавшихся в подвале были и «красные» и «белые». Под землёй нам пришлось прожить целую неделю. Финские рабочие с мужеством отчаяния защищали город, последний оплот большевиков. Незначительную помощь им оказывали добровольцы из матросов и солдат. Огромное большинство последних, захватывая поезда бежало в Петроград. На седьмые сутки бомбардировка внезапно прекратилась. Когда мы вышли на улицу, то увидели первых «белых» финнов, носивших на своём головном уборе ветку хвои... Население ликовало. Из всех домов женщины выносили горячий кофе и булки. И как бы нам, русским, не жилось свободно при большевиках, мы также разделяли общую радость. Живя в Финляндии, мы знали, что делали коммунисты у нас на родине...

На следующий день, выйдя из дому и через короткий срок вернувшись, я не застала в квартире ни мужа, ни сына, ни прислуги, девушки-финки. Сына я нашла у соседей, которые мне сообщили, что пришли «белые» и увели мужа и прислугу. Я бросилась на розыски. Но найти местопребывание мужа не могла. Также безуспешны оказались поиски

мой и на следующий день. Но, не одна я, оказывается, была в тревоге. Все находившиеся в городе русские офицеры, пошедшие на объявленную финнами регистрацию, домой не вернулись. Они, как в воду канули... Только от вернувшейся домой прислуги, которую наконец выпустили, я узнала, где находится муж. Его содержали в местном участке. Между тем по городу поползли слухи будто арестованные русские будут расстреляны. Я побежала в участок. Не помню каким образом, но я получила там разрешение видеть мужа. Быть может некоторую роль в этом сыграло моё одеяние сестры милосердия.

Никогда из моей памяти не изгладится та картина, которую я затем увидела... Меня впустили в большую комнату, битком набитую арестованными финскими коммунистами. Эта толпа людей едва держалась на ногах от изнеможения и всей массой качалась из стороны в сторону. Третьи сутки, что их не кормили и не давали им пить. Они не могли ни лечь, ни сесть и спали стоя. В большинстве они имели на головах солдатские шлемы и вообще их одеяние было тем, в каком их захватили на их боевых позициях. Среди них были и сражавшиеся против «белых» их жёны, сёстры, дочери...

Захваченные финские большевики содержались в нескольких местах, в том числе в манеже, находившемся почти в центре города. Из этого манежа доносились стоны заключённых, задыхавшихся от недостатка воздуха и мучимых жаждой. Манеж окружили высоким забором. По ночам из всех мест заключения выводили партии арестованных и направляли их загород. Там они расстреливались из пулемётов....

Возвращаясь однако к своим личным переживаниям. Из большой комнаты участка я протискалась с невероятным трудом в другую комнату, небольших размеров, где содержались русские «белые» офицеры. Когда мне открыли к ним дверь, они все обернулись и я увидела их полные скорби глаза. Стража от них не скрывала, что они будут расстреляны. Они взглянули на меня и потупили головы. – «Игорь» - громко выкрикнула я имя мужа. – Он вышел из рядов товарищей, держа папиросу в зубах. Я это тотчас заметила, т[ак] к[ак] раньше он никогда не курил. При виде меня, в глазах его вспыхнула радость и надежда. Но мы кажется ни сказали тогда друг другу ни слова. Что можно было сказать?...

Я выбежала из этого страшного места, чтобы скорей что-то сделать чтобы спасти мужа. Но, что? К кому идти и кого просить? Кто меня выслушает и кто поможет? Несчастные жёны русских офицеров метались по городу, ища правды и милосердия к своим друзьям. Редко которой их

них удавалось получить разрешение или просьбу от каких-либо финских властей на освобождение арестованного. Но и те, которые получали, когда приезжали к месту заключения, узнавали, что их мужа там нет... Они мчались к другому месту и там отвечали тем же... Добиться освобождения арестованного за редкими исключениями, им так и не удавалось...

Мне пришла в голову мысль, ехать к английскому консулу и просить его. Он меня не знал, но он меня принял.

- «Я бессилен, что-либо сделать. Сегодня я проходил мимо Народного дома и видел приставленных к стенке русских офицеров, которых собирались расстрелять... Я тотчас дал за них своё поручительство, но это не помогло. Все они были расстреляны. –

Я схватилась за голову. Надежды на спасение мужа рушились. Консул подтвердил, что русских расстреливают. На меня напало отчаяние.

- «Единственное, что я могу вам посоветовать, - продолжал консул – поезжайте к коменданту города. Он бывший русский офицер и может быть сжалится. От него всё сейчас зависит. Я знаю, что его управление помещается улице, но № дома мне не известен. Разыщите его и просите».

Я бросилась на названную улицу. Обходя один дом за другим, я нашла наконец комендантское управление, помещавшееся в частной квартире, адрес которой несомненно умышленно от всех скрывался. Владея немного финским языком, я попросила доложить о себе коменданту и была им тотчас принята. В кабинете его находилось несколько финских офицеров и германских егерей. Я обратилась к коменданту с просьбой освободить мужа.

- Как? Он арестован? Я тотчас напишу, чтобы его выпустили, - воскликнул комендант и распорядился, чтобы мне было дано соответствующее предписание. Спасибо ему, за то, что не выдав никогда ни мужа моего, ни меня он представил всё так, будто мы ему лично известны.

Получив нужную мне бумагу, с облегчённым сердцем я вторично приехала в участок. На этот раз меня пропустили беспрепятственно. Я опять прошла через толпу людей, ждавших смерти.

- Игорь, идём, - воскликнула я схватив мужа за руку, вывела его из участка...

Прошло недели полторы. Арестованные русские были уже давно расстреляны... Как-то на улице я повстречала одну знакомую даму, г[оспо]жу С – ву, к которой незадолго до прихода «белых» приехал её сын, гардемарин с целью помочь матери ликвидировать квартирную обстановку

и переехать в Петроград. На регистрацию, объявленную финнами, пошёл и её сын и, как все остальные, назад не вернулся. Бедная мать всё ещё не теряла надежды, что сын её жив и его вернут ей. Как это было мне ни тяжело, но я сказала ей, что лучше знать правду и если сын её убит, то найти его тело и похоронить. Все в городе знали, что расстрелянные русские лежали у Фридрихсгамских ворот и тела их не убирают... Г[оспо]жа С – ва согласилась со мной и мы поехали к городским валам. Вскоре мы нашли место, где толпились любопытные. Тут была устроена лёгкая изгородь, огораживавшая обширный участок, образовавший угол их двух высоких отвесных земляных валов. В толпе любопытных я заметила изящно одетую барышню рядом с немецким егерем, в руках которой находился фотографический аппарат.

- Вот, где русские, - проговорила она по-шведски, собираясь запечатлеть на фотографии то, что она видела за изгородью. А там, в разных позах и на разных местах лежали скорченные трупы убитых русских. Все они были в одном белье...

Получив у дежурившего у изгороди «шюккориста» - «белого» добровольца⁶, разрешение пройти за изгородь, я и Г[оспо]жа С – ва начали обходить трупы, разыскивая тело её сына. Поверхностного взгляда было достаточно, чтобы утверждать, что русские были убиты ручными бомбами. У одного я видела вырванным весь бок. У другого – развороченную грудь. По некоторым трупам можно было судить, что до убийства несчастных истязали и избивали. Несколько я рассмотрела с выколотыми глазами. Решительно все держали пальцы правой руки сложенными для крестного знамения... Нет сомнения, что приведя русских на место убийства, финны приказали им снять верхнюю одежду и пустили их между валов, закрыв выход. Затем они начали упражняться в меткости метания гранат. Убиваемые бегали по небольшому пространству, а их палачи забрасывали их бомбами, наслаждаясь этим кровавым зрелищем. Они наверно наслаждались, потому что если бы они хотели просто умертвить, то применили бы более «гуманный» способ. Страшный крик: - Кока! Кока! – отвлёк меня от ужасного зрелища. Г[оспо]жа С – ва нашла изуродованный труп сына... Шеи любопытных у изгороди вытянулись. У барышни шведки щёлкнул «кодак»... Я обратилась с просьбой к «шюккористу» получить тело убитого юноши. Разрешение он дал и неожиданно заговорил по-русски: « Удивляюсь я вашей психологии. Ведь вы знали, что мы «белые» финны идём и вместо того, чтобы спастись, вы остались здесь... вот, видите, что получилось». Я ответила, что

убитые такие же «белые», как они и потому то в городе и остались. Он недоверчиво пожал плечами...

Кому нужны были эти жертвы? Впоследствии финны утверждали, что убийство русских офицеров было совершено по настоянию германских егерей. Не правильнее ли думать, в таком случае, что по предписанию германского командования, заинтересованного в уничтожении остатков русской воинской силы?

Получив тело бедного Коки, мы не знали, как нам дальше поступить. Везти на квартиру г[оспо]жи С – ой было нельзя, так как тела расстрелянных русских держать на квартирах не разрешалось. Случайно я заметила невдалеке запряжённую лошадью телегу и около неё возницу-финна. Я спросила его, не согласится ли он отвезти тело в какой-нибудь лазарет, где я надеялась упросить положить его в покойницкую. Но финн сказал мне, что везти надо в сарай минной команды, где находятся трупы многих убитых русских... Мы поступили так, как он сказал. Действительно, фельдшер минной команды был занят тем, что за плату конечно, приводил привозимые к нему трупы в порядок. Он их обмывал, выправлял и одевал в простыни, которые ему доставляли, осиротелые семьи расстрелянных. Затем он складывал трупы в сарай, где они лежали до погребения. В сарае этом, когда я вошла в него, находилось несколько сот тел, лежавших длинными рядами. По сведениям финнов, в Выборге было умерщвлено более шестисот русских офицеров.

Н. Лунина

*Первая часть архивных материалов по теме «Русские в Финляндии 1918–1919 гг.» была опубликована в сборнике «Труды кафедры истории Нового и новейшего времени» № 6. 2011. С. 126–152.

¹Под Парижем.

²Революция и Гражданская война в Финляндии продолжалась с конца января по май 1918 г. Для подавления революции финское буржуазное правительство заключило договор с Германией. 3 апреля в Ганге высадились Балтийская дивизия генерала Р. фон дер Гольца, а 7 апреля около г. Ловиза в 100 км от Гельсингфорса отряд полковника О. Бранденштейна. К 21 апреля численность германских войск составляла 13003 человека. 14 апреля был взят Гельсингфорс, а 29 апреля Выборг.

³Маннергеем Карл Густав Эмиль (1867 – 1951). До 1917 г. на русской службе, генерал - лейтенант. В 1918 г. командовал белофинской армией, подавившей совместно с германскими войсками финляндскую революцию.

⁴Здесь имеется в виду восстание 3 – 4 марта 1917 г. в Гельсингфорсе. В результате которого по разным подсчётам погибло от 39 до 45 офицеров.

⁵Егерское движение стало результатом секретного германо-финляндского сотрудничества, которое привело к созданию на территории Германии военной части финляндских сепаратистов – Королевского Прусского егерского батальона. Егерское движение имело ярко выраженную антирусскую направленность.

⁶Шюцкор – охранный корпус, военизированная организация финляндской буржуазии и кулачества, официально создан в 1921 г. на основе добровольческих отрядов(белая гвардия), для подавления Финляндской революции 1918 г.

Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.В.Смолина.

ФИНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Представляемая публикация является первой попыткой создать у читателей некоторое представление о высшем командном составе вооруженных сил Финляндии периода Второй мировой войны, которое существовало у советской военной разведки накануне начала войны. Приводимый ниже документ позволяет нам понять, с каким опытным и умным противником начала воевать Красная армия в ходе двух войн – советско-финляндской 1939–1940 гг. и Великой Отечественной 1941–1945 гг. Публикуемые сведения, по понятным причинам, носят весьма сжатый характер, но, в то же время, дают достаточно яркую и исчерпывающую характеристику всего финского генералитета того периода. Не углубляясь в критический анализ этого документа, хотелось бы обратить внимание на несколько характерных моментов, сразу же бросающихся в глаза при внимательном изучении биографий финских генералов.

Прежде всего, нельзя не отметить тот факт, что практически все финские генералы в период Первой мировой войны, в качестве добровольцев, служили в рядах германской армии (в составе 27-го королевского прусского егерского батальона) и имели за плечами солидный опыт боевых действий на восточном (т.е. русско-германском) фронте в 1915–17 гг. Естественно, что это обстоятельство способствовало определённой сплочённости финского генеральского корпуса, а, кроме того, дало возможность пройти немецкую военную школу и ознакомиться со всеми её достоинствами и недостатками. То обстоятельство, что подавляющее большинство высшего командного состава финской армии получило однородный боевой опыт, было очень удобно как для самих финнов, так, в принципе, и для их противников, которые уже должны были знать, какими шаблонами будут руководствоваться финские командиры. Как это ни странно, но исключением из этого правила является лишь главнокомандующий

финской армией маршал К. Г. Маннергейм, исправно прослуживший 30 лет в русской армии и достигший на этом поприще немалых успехов.

Впечатляет также и образовательный уровень финских генералов. Почти все они окончили какую-либо военную академию (чаще всего, зарубежную), а некоторые – даже две. Именно хорошее сочетание полученной теории и практики уже впоследствии, на полях Второй мировой войны, дало замечательные результаты. Нельзя не признать, что каждый финский генерал был настоящим профессионалом в своей области. Достаточно только почитать характеристики, данные им советской разведкой («умный и ценный генерал», «крупнейший специалист», «имеет большой оперативный кругозор» и т.п.), чтобы убедиться в этом. На формирование такой взвешенной и достаточно уважительной оценки способностей противника, несомненно, оказала очень сильное влияние отгремевшая незадолго до этого советско-финляндская война 1939–1940 гг. Именно в ходе этой войны советское высшее командование смогло «познакомиться» с методами ведения боевых действий финскими командирами. Следует признать, что из этого интеллектуального противостояния финское командование вышло, по сути дела, моральным победителем, уступив лишь колоссальному людскому и особенно техническому превосходству советских войск.

Причина такого безрадостного для РККА положения дел в период т.н. «зимней войны» крылась в том, что советский высший командно-начальствующий состав, ввиду своей относительно невысокой оперативной подготовки, зачастую просто не «дотягивал» до уровня своих противников. Доказательств тому во время боевых действий было множество: неоднократные случаи окружения и разгрома целого ряда советских воинских соединений (75-я, 139-я, 155-я, 163-я, 44-я, 18-я, 168-я стрелковые дивизии, 34-я легкотанковая бригада) в Северной Карелии и в Лапландии в декабре 1939 г. – январе 1940 г., частые безуспешные атаки частей 7-й и 13-й армий против финской обороны на Карельском перешейке в декабре 1939-го года, совершенно неудовлетворительная работа всех видов разведки, плохое взаимодействие пехоты, артиллерии и танков в бою, неудовлетворительное управление советскими соединениями и частями в ходе боевых действий (в основном на начальном этапе войны) и, как результат, – огромные людские и материальные потери РККА.

Теперь следует сказать пару слов и о самом документе. По своему характеру, он является лишь частью разведывательной сводки, составленной разведывательным отделом штаба Ленинградского военного

округа (ЛВО) 7 декабря 1940 г. Эта разведсводка посвящена состоянию вооружённых сил Финляндии и Норвегии и содержит, помимо вышеупомянутых биографических данных, немало ценных сведений о структуре финской армии, дислокации различных войсковых соединений и частей, базировании авиации, кадровом составе и принципах комплектования их армий. Эти документы хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, в фонде Р-92 (Штаб КБФ), и представляют собой отличный материал для исследователей, занимающихся историей финских вооружённых сил.

ФИНЛЯНДИЯ

Краткая характеристика офицерского состава

Кадровый офицерский состав в основной массе тактически подготовлен хорошо по руководству мелкими подразделениями и частями, действиям в особых условиях (ночью, зимой в лесу) и методам партизанской борьбы. Значительная часть офицеров резерва подготовлена слабее офицеров кадра. Потери за время войны¹ из этой категории офицеров были большие.

В среде высших офицеров (генералов и полковников) – 90% из 27-го егерского батальона, участвовавшего на стороне Германии в период первой империалистической войны. Они прошли немецкую школу.

Значительная часть кадрового офицерского состава (генералы, полковники и подполковники) являются участниками «освободительной войны» 18–19 года². Эта категория офицеров пропущена вся через военную академию. Значительное количество генералов и полковников, кроме того, обучалось в военных академиях других стран (шведской, французской, германской, английской и итальянской).

Абсолютное большинство офицеров являются ярыми шовинистами и до конца преданными своему буржуазному правительству.

Генералитет Финской Армии

Маршал Маннергейм. Родился в 1867 г. Дворянин. Окончил кавалерийскую школу в России. Участвовал в русско-японской и мировой войне на стороне России. В 1916 г. был в качестве командира кавдивизии³. Сатрап Николая II. Организатор подавления революции в Финляндии в 1918 г. Маршал с 1933 г. В правительственных кругах и среди военных

пользуется большим авторитетом. Во время войны 39–40 гг. был главнокомандующим⁴. В этой должности остаётся и в настоящее время.

Генерал-лейтенанты:

1. *Генерал-лейтенант Остерман*. Родился в 1892 г. Сын полицейского чиновника. Окончил финскую и шведскую высшие военные школы. Участник империалистической войны на стороне Германии. Во время гражданской войны командовал батальоном и полком. В 1925–1928 гг. – командир дивизии. С 1933 г. – Главнокомандующий и Член Совета Обороны. В 1939–1940 гг. командовал армией на Карперешейке⁵. За допущенный прорыв «линии Маннергейма» освобождены от должности. В правительственных кругах считался за умного и ценного генерала.

2. *Генерал-лейтенант Мальмберг*. Родился в 1888 г. Дипломированный инженер. Участник империалистической войны в составе финского батальона. Командир артиллерии при взятии Виипури 1918 г., командир 1 полевого артиллерийского полка 1918–1921 гг., министр обороны – 1924 г., врид командующего армией – 1925 г., командующий щюцкором⁶ с 1928 г. В период военных действий в 1939–1940 гг. был командующим тыловой армией. Сторонник германской ориентации. Среди щюцкористов и военщины имеет большой авторитет. В настоящее время – командующий щюцкором.

3. *Генерал-лейтенант Охгуйст*⁷. Родился в 1891 г. Военное образование – курсы высшего начсостава в 1923 году и шведская военная академия в 1924 году. Участвовал в 27-м егерском батальоне в Германии – Восточный фронт в 1915 г. Активный участник подавления революции в Финляндии. Командир 2-й дивизии с 1925 г. и командир корпуса с 1933 г. Считается знатоком современной военной техники. Имеет широкий оперативный кругозор. Пользуется авторитетом и доверием в высших военных и правительственных кругах. В период военных действий 1939–1940 гг. командовал 2 армейским корпусом⁸ на Карельском перешейке.

4. *Генерал-лейтенант Эш*. Родился в 1892 году. Происходит из семьи фабриканта. Общее образование – высшее. Военное – окончил французскую военную академию в 1926 году. Перемещения. Командир отделения 27 егерского батальона в 1915 году. Слушатель французской военной академии в 1923–1926 гг. Командир 1 пех. дивизии – 1929 г. Начальник Генерального Штаба с 1932 г. С 1927 г. главн. редактор журнала «Суомен Сотиласайка-кауслехти». Считается знатоком военной техники. Поклонник французской школы. Участвовал в операциях на Восточном фронте в Германии в 1915 г. Участвовал в подавлении революции в Финляндии

в 1918 г. В период военных действий 39–40 гг. был начальником штаба главнокомандующего. В последние дни войны руководил обороной северо-западного побережья Выборгского залива⁹. В настоящее время командир 2-го армейского корпуса, дислоцированного в Лахти. Талантливый генерал с широким политическим и оперативным кругозором. Во время мирных переговоров 1940 г. стоял на точке зрения продолжения войны с СССР.

5. *Генерал-лейтенант Сихво*. Родился в 1889 году. Окончил академию генерального штаба в Италии в 1923 г. Поездки с учебной целью во Францию и Швейцарию в 1920–1921 гг. Генерал-лейтенант Сихво – ставленник финских шовинистических и фашистских группировок. Основные тенденции: удаление из армии офицеров, бывших на русской службе, затирание по службе шведов, стремление сосредоточить руководство в руках офицеров-егерей истинно-финнов. Участник империалистической войны в составе 27 егерского батальона в 1915 г. Участвовал в боях при взятии Выборга и других фронтах в Финляндии в 1918 г. Командир 3 пех. дивизии в 1918 г., комвойсками Олонецкого фронта в 1919 г., командующий армией в 1926–1933 гг. По характеру прямолинеен и упрям. Твёрд в проведении в жизнь принятых решений, иногда в ущерб делу, не взвешивая и не оценивая всесторонне обстановку. Во время войны 39–40 гг. был начальником ПВО страны¹⁰.

6. *Генерал-лейтенант Хейнрикс*. Родился в 1890 году. Окончил французскую академию в 1928 году. В империалистическую войну участвовал на Восточном фронте Германии, в составе 27 егерского батальона в 1915 г. Комбат – 1918 г., командир полка – 1920 г., начштадив 3 пд – 1921 г., начальник военной академии – 1929 г., командир 1 дивизии с 1931 г., с 1938 г. инспектор пехоты. Является офицером генштаба с 1919 г. В период военных действий 1939–1940 гг. командовал армейским корпусом¹¹ на Карпершейке. После прорыва «линии Маннергейма» был назначен командующим армией Карпершейка. В настоящее время начальник Генштаба. Имеет большой оперативный кругозор. Среди военных кругов пользуется большим авторитетом

7. *Генерал-лейтенант Неконен*. Родился в 1883 г. в г. Куопио. Военное образование – кадетский корпус – 1901 г., артучилище – 1903 г.¹², артакадемия в Петербурге – 1916 г. и французская артиллерийская академия – 1923 г. Командир береговой обороны – 1918–1919 гг. Генерал-лейтенант с 1930 г. Считается крупнейшим специалистом по артиллерии. Имеет ряд ценных изобретений.

Генерал-майоры:

1. *Генерал-майор Валве*. Родился в 1895 г. в Лаппеенранта. Егерь 27 батальона. В Гражданскую войну – командир батареи и командир дивизиона. Член Совета Обороны с 1938 г. В период военных действий оставался начальником береговой обороны¹³.

2. *Генерал-майор Валден*. Родился в 1878 г. Генерал-майор. Член Совета Обороны с 1931 года (освобождён от кадровой службы). В настоящее время - министр обороны.

3. *Генерал-майор Сарлин*. Родился в 1893 г. Образование общее – высшее. Военное – был в учебной командировке во Франции (военная академия) – 1927 г. Участвовал в боях на Восточном фронте Германии в составе 27 егерского батальона в 1915 г., участник «освободительной войны» под Таммерфорсом и на Карперешейке в 1918 году. Инспектор технических войск с 1927 г. Генерал-майор с 1933 г. В период военных действий непосредственно руководил строительством оборонительных сооружений. Большой специалист по военно-инженерным вопросам. Живой и инициативный генерал. После войны руководил постройкой оборонительного рубежа.

4. *Генерал-майор Валленуус*. Родился в 1893 году в Куопио. Сын директора банка. Егерь 27 батальона с 1915 г. В 1918 г. был на стороне белых, командовал взводом. В 1925-27 гг. – начальник оперативного отдела Генштаба. В 1927 г. – начальник Генштаба, с последней должности ушёл в 1930 г. В 1931–32 гг. был главным организатором фашистского путча¹⁴. Яркий сторонник германского фашизма. В 1939–40 гг. в период военных действий командовал Северной Армией¹⁵. Хорошо знает северный театр военных действий. Человек с авантюристическими замашками. Во время военных действий, по оценке финского командования, действовал умело.

5. *Генерал-майор Хеглунд*. Родился в 1893 г. в г. Хельсинки. Общее образование - высшее. Военное образование – окончил военную академию в Швеции в 1932 г. В империалистическую войну в составе 27 егерского батальона участвовал на стороне немцев против России. Во время белофинской авантюры в Карелии был начальником штаба полка и дивизии. В военных кругах считается хорошо подготовленным в оперативно-технических вопросах офицером. Обладает недюжинными организаторскими способностями. Не в меру высокомерен и горд. Начальник Штаба Карельского фронта – 1918 г., Начальник штаба 3 дивизии – 1918 г., Начальник штаба 2 дивизии – 1920–21 гг., Командир Среднефинского

полка – 1922 г. Генерал-майор с 1936 г. В период военных действий командовал армейским корпусом на северном побережье Ладогои¹⁶. В настоящее время тоже командует корпусом.

6. *Генерал-майор Хейсканен*. Родился в 1879 году. Происходит из зажиточной кулацкой семьи финского фермера. Общее образование – высшее. Военное образование получил в Германии. В период 1925–26 гг. учился в высшей военной школе. В ноябре 1916 г., оказавшись, по заданию Германского Генштаба, в Петрограде, был арестован (за шпионаж в пользу Германии). Во время белофинской авантюры в Карелии¹⁷ командовал батальоном Саволакского полка, в 1934 г. назначен командиром 2-й дивизии. Генерал-майор с 1934 г. В настоящее время – командир корпуса. Сторонник германской ориентации.

7. *Генерал-майор Лунгвист*. Родился в 1896 году. Сын директора банка. Общее образование – высшее – окончил Университет в Хельсинки в 1914 г. Военное образование – окончил краткосрочные офицерские курсы в Германии в 1915 г. В империалистической войне участвовал на стороне Германии в составе 27 егерского батальона. Во время белофинской авантюры в Карелии командовал батареей. Совершал поездку в Англию. Генерал-майор – 1936 г. В период военных действий 1939–40 гг. был начальником ВВС¹⁸.

8. *Генерал-майор Лаатикайнен*. Родился в 1886 г. в Хаукивуори, происходит из семьи землевладельца. Общее образование – высшее. Военное – окончил командные курсы при военной академии в 1927 г. и военную академию в 1932 г. Считается хорошим знатоком вопросов подготовки кадров офицеров и недюжинным организатором. Поклонник и эрудит шведской школы. В империалистическую войну участвовал на стороне немцев в составе 27 егерского батальона. Командир 1 пехотной дивизии с 1938 года. Генерал-майор с 1938 г. В период военных действий 1939–40 гг. командовал корпусом¹⁹. В настоящее время командует корпусом.

9. *Генерал-майор Грандель*. Егерь 27 батальона, офицер с 1918 года. В гражданскую войну – командир роты и командир батальона. В 1920–1922 гг. – в отставке. С 1923 г. в щюцкоре, 1925–1927 гг. – преподаватель в высшей военной школе. С 1927 г. начальник мобилизационного отдела Генштаба. С 1936 г. начальник военно-хозяйственного отдела Генштаба. С 1936 г. начальник военно-хозяйственного отдела Министерства обороны. Считается большим знатоком вопросов мобилизации промышленно-сти.

10. *Генерал-майор Сванстром*. Родился в 1884 г. в г. Хельсинки. В 1907 г. окончил офицерскую школу в Киеве. До мировой войны служил в Сибири в различных артчастях. В мировую войну на Западном фронте на стороне России. В гражданскую войну – начальник укреплений Свеаборгской крепости и командир 3 берегового полка. С 1933 г. пом. инспектора артиллерии. С 1938 г. инспектор артиллерии²⁰. Как офицер, служивший в русской армии, в чинах и по службе продвигается медленно, хотя считается хорошим специалистом-артиллеристом и организатором. В чине генерал-майора с 1938 г. Большой специалист своего дела. В среде генералитета пользуется авторитетом.

11. *Генерал-майор Полмротч*. Родился в 1881 г. в Хельсинки. Служил в русской царской армии, в мировую войну в чине полковника. Образование общее – окончил реальное училище; военное – Елизаветградское кав. училище. Высшая военная школа 1925–26 гг. В чине генерал-майора с 1932 г. До войны 1939–40 гг. и после – командир кавбригады²¹.

12. *Генерал-майор Туомпо*. Родился в 1893 г. в Пориайнен. Образование общее – философский факультет в 1912 г. Военное – военная академия Швеции. Егерь 27 батальона. В гражданскую войну – командир роты и на различных мелких должностях в Генштабе. В 1922–23 гг. начальник штаба полка. С 1935 г. начальник пограничных войск. Генерал-майор с 1938 г. Звание офицера Генштаба присвоено в 1919 г. В период военных действий 1939–40 гг. командовал корпусом на Кухмониемском направлении²². В настоящее время также командует корпусом. Инициативный генерал. Прекрасно знает всю пограничную полосу.

14. *Генерал-майор Ханелл*. Родился в 1894 г. в Торнио. Общее образование – 5 классов гимназии. Военное образование – учебная поездка в Англию в 1919 г. и французская военная академия 1926–28 гг. В империалистическую войну участвовал на стороне немцев на Восточном фронте в составе 27 егерского батальона в качестве командира взвода – 1916 г. Участник подавления революции в Финляндии в 1918 г. В качестве командира 4-го егерского батальона участвовал при взятии г. Тампере и на Карпершейке. С 1933 г. – начальник военной академии. В начале войны 39–40 гг. командовал корпусом²³, а позже был назначен техническим инспектором армии. Офицер с живой натурой, обширной эрудицией и с большой предприимчивостью. Принимает активное участие в общественной деятельности и в работе щюцкора. В среде офицерского состава пользуется авторитетом.

15. *Генерал-майор Айро*. Образование общее – высшее. Военное – окончил военную академию. 1931–33 гг. – Начальник опер. отдела Генштаба. С 1933 г. – Начальник секретариата Совета Оборона. Звание офицера Генштаба присвоено в 1923 г. В 1940 г. получил чин генерал-майора и назначен зам. начальника Генштаба. В период военных действий был главным квартирмейстером при главнокомандующем. Имеет большой оперативный кругозор.

16. *Генерал-майор Талвела*. Родился в 1897 г. Егерь 27-го батальона. Участвовал в империалистическую войну на стороне Германии. Участник Олонекской авантюры в 1919 г. В 1932 году вышел в отставку. Вновь призван в 1939 г. Сначала был членом Совета по вооружению армии при Главнокомандующем. 6.X.1939 г. был назначен командиром войсковой группы, действовавшей в северной части побережья Ладоги²⁴. С 20 февраля 1940 г. командир 3 армейского корпуса, действовавшего в восточной части Карперешейка. По оценке финского командования, действовал умело. За боевые успехи на фронте получил чин генерал-майора.

17. *Генерал-майор Силасвуо*. Родился в 1892 г. По образованию юрист. Егерь 27 б-на, участвовавшего на стороне Германии. В гражданской войне участвовал в качестве командира роты и батальона. В 1923 г. – начальник отдела боевой подготовки Генштаба. В 1930 г. вышел в отставку. Во время войны 39–40 года командовал группой на Суомуссалминском направлении. По отзыву финнов, Силасвуо вполне справился со своей задачей²⁵. За успехи на фронте повысили в генерал-майоры.

18. *Генерал-майор Оленуус*. Родился в 1890 г. В период империалистической войны участвовал в составе 27 егерского батальона на стороне Германии. Во время гражданской войны в качестве командира роты участвовал при взятии Виипури в 1918 году. Последующие годы работал постоянно в министерстве обороны. С 1938 года начальник канцелярии министерства обороны. Полковник с 1928 года. В 1940 году присвоили чин генерал-майора. В оперативно-тактическом отношении значительно отстал от современных требований.

(РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 765. Л. 212–215. Типографский экземпляр).

¹ Имеется в виду советско-финляндская война (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.).

² Таким термином финская историография обозначает гражданскую войну в Финляндии в январе–мае 1918 г..

³ Генерал-майор К. Г. Маннергейм с начала Первой мировой войны командовал 13-м уланским кавалерийским полком. С февраля 1915 г. он командовал 12-й кавалерийской дивизией из состава 2-го кавалерийского корпуса Юго-Западного фронта, отлично проявив себя в боях в Галиции, Волыни и Румынии, а в июне 1917 г. был назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса того же фронта. В декабре 1917 г., в связи с революционными событиями, К. Маннергейм оставил службу в русской армии.

⁴ Утром 30 ноября 1939 г., указом президента Финляндии К. Каллио № 45, маршал К. Г. Маннергейм был назначен главнокомандующим. Своим приказом № 1 от 30.XI.1939 г. Маннергейм объявил о начале военных действий против Советского Союза.

⁵ Армия «Карельский перешеек», которой командовал генерал-лейтенант Х. Эстерман, составляла 42% от всей численности войск и насчитывала в своих рядах 133 тыс. солдат и офицеров. Она состояла из II-го и III-го армейских корпусов и имела в своём составе 6 пехотных дивизий (4-я, 5-я, 6-я в резерве), 8-я, 10-я и 11-я), 4 пехотные бригады (1-я, 2-я, 3-я и 4-я) и 1 кавалерийскую бригаду, а также отдельные пехотные, егерские и пограничные батальоны и роты, объединённые в четыре группы прикрытия.

⁶ Щюцкор – финская добровольческая военнизированная организация, существовавшая в период 1918-1944 гг. Общая численность доходила до 110 тыс. человек, в военное время исполняла роль ополчения. Располагала собственными военно-морскими силами, имевшими 363 различных катера и буксира.

⁷ Фамилия генерала в документе написана неправильно. На самом деле – Х. Эквист.

⁸ Генерал-лейтенант Х. Эквист в начале советско-финляндской войны командовал II-м армейским корпусом (в него входили 4-я, 5-я, 6-я (в дальнейшем – 3-я дивизия) и 11-я пехотные дивизии) общей численностью 65400 человек, который до конца боевых действий, прикрывал главное стратегическое направление на Карельском перешейке – Выборгское. Благодаря умелым действиям командира корпуса, финские войска сумели избежать окружения во время прорыва советской 7-й армией главной оборонительной линии финнов в феврале 1940 г. и организованно отошли на тыловую оборонительную полосу, после чего приняли участие в заключительных боях за г. Выборг. В марте 1940 г. состав II-го армейского корпуса сильно изменился: в него входили 3-я, 5-я и 23-я пехотные дивизии и части Выборгского укрепрайона.

⁹ Генерал-лейтенант К. Л. Эш на заключительном этапе советско-финляндской войны 1939-40 гг. командовал прибрежной группой – «Rannikkoryhma», защищавшей северо-западную часть Выборгского залива, на участке Виипури–Ристиниеми. В состав группы входили остатки 4-й пехотной дивизии, 1-я пехотная бригада и группа «Berg», в которую входили 5 батальонов щюцкора и 4 отдельных пехотных батальона, переброшенные из Лапландии и Северной Карелии.

¹⁰ Противовоздушная оборона Финляндии состояла из двух зенитно-артиллерийских полков, одного стационарного зенитного дивизиона, одного подвижного зенитного дивизиона и десяти стационарных зенитных батарей, что составляло в сумме около 30 батарей. Система ПВО Хельсинки состояла из пяти зенитных батарей, оборонявших подступы к городу, и зенитных средств, находившихся в самом городе.

Всего в ПВО страны насчитывалось 172 орудия. (См.: РГА ВМФ. Р-92. Оп. 2. Д. 770. Л. 28).

¹¹ Генерал-лейтенант Э. Хейнрик с начала советско-финляндской войны командовал **III-м армейским корпусом (8-я и 10-я пехотные дивизии), прикрывавшим кексгольмское направление**. В корпусе насчитывалось 45600 человек. К концу войны состав корпуса изменился: в него входили 2-я, 7-я, 8-я и 21-я пехотные дивизии. После прорыва главной оборонительной полосы «линии Маннергейма» в середине февраля 1940 года, Хейнрик был назначен командующим армией «Перешеек» и находился в этой должности до конца войны.

¹² Имеется в виду Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, основанное в 1855 г.

¹³ Береговая оборона Финляндии (командующий – генерал-майор В. Валве) состояла из 1-го берегового артиллерийского полка, расположенного в р-не Хельсинки, 2-го берегового артиллерийского полка, расположенного на островах в Финском и Выборском заливах и имевшего 8 батарей, 1-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны, расположенного в р-не Ханко и имевшего 5 батарей, 2-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны, дислоцированного на о-вах в р-не г. Котки, и 3-го берегового артиллерийского полка, расположенного на Ладожском озере. Всего числилось до 30 береговых батарей, на вооружении которых имелось около 100 орудий калибром от 120 до 305 мм. В систему береговой обороны входил также военно-морской флот (командующий – контр-адмирал Э. Рахола), имевший в своём составе 2 броненосца береговой обороны, 4 канонерские лодки, 6 минных заградителей, 19 тральщиков, 7 торпедных катеров, 5 подводных лодок, 27 вспомогательных кораблей и 8 ледоколов. – См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. Д. 499. Л. 9, 14–16. Д. 637. Л. 8.

¹⁴ Здесь подразумевается неудавшийся фашистский путч, организованный в 1932 г., в Мянсяля. После провала путча, организация лапуасцев была распущена правительством. Однако, деятельность лапуасцев продолжалась в рамках партии фашистского толка, называвшейся «Патриотическим народным движением».

¹⁵ Имеется в виду Лапландская группа, выделенная из состава Северо-Финляндской группы 13 декабря 1939 г. и состоявшая первоначально из нескольких отдельных батальонов и рот. Эта группа прикрывала северную часть Финляндии. С началом войны, часть Лапландской группы – «подразделение Пеннанена» (включало в себя 3-ю, 10-ю и 11-ю отдельные роты, 11-й разведывательный взвод и 5-ю артиллерийскую батарею) было вынуждено оставить г. Петсамо, порт Лиинахамари, пос. Луостари, пос. Салмиярви и другие населенные пункты. Отступая по шоссе Петсамо – Рованиemi перед войсками советской 14-й армии (командующий - комдив В. А. Фролов), группа А. Пеннанена в марте 1940 г. закрепились на рубеже пос. Наутси, в 153 км от Петсамо. Советские войска (104-я горнстрелковая и 52-я стрелковая дивизии) в ходе боевых действий захватили важный в стратегическом отношении порт Петсамо и полуострова Рыбачий и Средний. Потери обеих сторон в ходе войны в Заполярье были не очень велики: у финской «группы Пеннанена» – 102 человека убитыми и пропавшими без вести и 87 ранеными, у 14-й армии – 183 человека убитыми и пропавшими без вести и 402 – ранеными и обмороженными.

¹⁶Севернее Ладожского озера, в районе Сортавала-Лоймола, располагалась группа «Восточная Карелия» в составе двух пехотных дивизий (12-й и 13-й) IV-го армейского корпуса (командир – генерал-майор И. Хейсканен (потом его сменил генерал-майор Э. Хеглунд)). Финским войскам противостояли две советские стрелковые дивизии (18-я и 168-я) и 34-я танковая бригада из состава 8-й армии (командующий – комдив И. Н. Хабаров). В результате упорных кровопролитных боёв в р-не Леметти в январе–феврале 1940 г., финским войскам удалось практически полностью уничтожить 18-ю стрелковую дивизию и 34-ю танковую бригаду, а в р-не Китела – до конца войны блокировать и частично уничтожить 168-ю стрелковую дивизию. Из-за безграмотных действий советского командования, 15-я армия (командующий – командарм 2-го ранга М. П. Ковалёв), образованная на базе левофланговых соединений и частей 8-й Армии, за время войны понесла наибольшие потери – 49787 человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными, а также 320 танков и 45 бронемашин.

¹⁷ Здесь имеется в виду вторжение финской армией на территорию Советской Карелии в октябре 1921 г. – феврале 1922 г. В январе–феврале 1922 г. советские лыжные отряды под командованием Т. Антикайнена выбили финнов с территории Карелии.

¹⁸ Военно-воздушные силы Финляндии включали в себя 1-й (10-я, 12-я, 14-я и 16-я авиагруппы), 2-й (24-я и 26-я авиагруппы) и 4-й авиационные полки (44-я и 46-я группы), а также 36-ю и 39-ю отдельные авиагруппы морской авиации. Общая численность финских ВВС составляла 145 самолётов, из них 115 боеготовых. В ходе боевых действий финская авиация потеряла 67 боевых самолётов, а, кроме того, получили повреждения ещё 69 машин. Погибло и пропало без вести 394 лётчиков, штурманов и стрелков, а также 105 – ранено.

¹⁹ В начале советско-финляндской войны генерал-майор Т. Лаатикайнен командовал 1-й пехотной дивизией, а с 22 февраля 1940 г. – I-м армейским корпусом. I-й армейский корпус финнов, образованный в феврале 1940 г. из 1-й и 2-й пехотных дивизий, к концу советско-финляндской войны уже состоял из 1-й пехотной дивизии, 5-го пехотного полка и группы «Siivo».

²⁰ Артиллерия финской армии накануне «зимней войны» была немногочисленной и насчитывала 530 орудий, в том числе 418 полевых орудий, из которых 306 бывших русских 76-мм полевых орудий обр. 1902 г., 104 русских легких 122-мм гаубиц и 152-мм французских тяжелых гаубиц и 10 107-мм бывших русских корпусных орудий обр. 1910 г. Противотанковая артиллерия располагала 112 37-мм шведскими орудиями системы «Бофорс».

²¹ Кавалерийская бригада с начала «зимней войны» находилась в резерве армии «Карельский перешеек», в районе Выборга, а в марте 1940 г. была придана группе «Хамина», под командованием генерал-майора Э. Ф. Ханелла.

²² К началу «зимней войны» генерал-майор В. Туомпо командовал Северо-Финляндской группой (9-я пехотная дивизия и несколько отдельных батальонов пограничников), прикрывавшей р-н Суомуссалми-Кухмо. Финским частям противостояла 9-я армия (командующий – комкор М. П. Духанов) в составе 54-й, 44-й и 163-й стрелковых дивизий и 21-й танковой бригады. В конце декабря 1939 г., в районе озера Киантаярви, финские войска нанесли поражение 163-й советской дивизии, а

в начале января 1940 г., в р-не Раати, финнам удалось частично уничтожить 44-ю стрелковую дивизию, потерявшую около 5 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 42 танка, 102 орудия и много другой боевой техники. Финские потери за это время составили 900 человек убитыми и 1770 – ранеными. В конце января 1940 г., около Кухмо, была окружена советская 54-я стрелковая дивизия, однако, уничтожить её до конца войны финнам так и не удалось. В итоге, за время кровопролитных боёв в р-не Суомуссалми, 9-я армия понесла огромные людские и материальные потери – 46109 человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными, а также 60 танков и много другой техники.

²³ Генерал-майор Э. Ф. Ханелл в феврале 1940 г. был назначен командующим группой «Хамина», развёрнутой на направлении Выборг–Хельсинки и являвшейся оперативным заслоном для наступавших советских частей. Группе придавались кавалерийская бригада и все части, находившиеся к западу от Выборгского залива, а также части, составлявшие береговую оборону Котка.

²⁴ Полковник П. Талвела был назначен 8 декабря 1939 г. командиром группы «Северная Карелия», располагавшейся в районе Вяртсяля–Иломанси. Группа состояла всего лишь из 16-го пехотного полка, трёх отдельных батальонов и артиллерийского дивизиона. Ей противостояли советские 75-я, 139-я и 155-я стрелковые дивизии 8-й Армии. В ходе боёв с 12 по 24 декабря 1939 г. финская группировка нанесла крупное поражение 75-й, а затем 139-й стрелковой дивизиям в р-не Толвоярви. Советские войска потеряли около 4000 человек убитыми, 60 танков и 30 орудий и были вынуждены отступить на исходные позиции. Параллельная операция финнов против 155-й стрелковой дивизии в р-не Иломанси не привела к решительным результатам, хотя и здесь линия фронта не изменилась до конца войны. За время боевых действий, 8-я армия потеряла 44887 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

²⁵ Полковник Х. Ф. Сииласвуо командовал 9-й пехотной дивизией, которая к началу боевых действий находилась ещё в процессе формирования, а один из её полков (26-й) был переброшен на Карельский перешеек. Именно части 9-й пехотной дивизии сорвали попытку частей советской 9-й армии пересечь территорию Финляндии в самом её узком месте (т.н. «финской талии»), нанеся крупное поражение 163-й и 44-й стрелковым дивизиям в декабре 1939 г. – январе 1940 г.

V. РЕЦЕНЗИИ

А. В. Смолин

Рецензия на книгу: Шацло В. К. Последняя война царской России. М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 352 с.

За последние двадцать лет в российской историографии резко вырос поток книг и статей посвящённых Первой мировой войне. Увеличилось и количество различного уровня конференций связанных с этим знаковым событием в истории XX в. Продолжалось и издание документов. Всё это свидетельствует как о научном, так и общественном интересе к этому событию. Вместе с тем в широком общественном мнении знания о Первой мировой войне крайне скудны и это во многом происходит из-за отсутствия доброкачественной научно – популярной литературы о событиях той «забытой» войны.

Книга В. К. Шацло «Последняя война царской России» призвана до некоторой степени восполнить этот пробел. По своему содержанию представленная работа шире, чем заявлено в названии и это хорошо. По сути, это краткий, достаточно живо написанный и не перегруженный излишней цифровой информацией очерк событий Первой мировой войны. Кратко рассказав о предыстории возникновения европейского противостояния, выразившимся в столкновении экономических и геополитических интересов ведущих европейских держав, автор дал представление и о тех приготовлениях, которые осуществляли Англия, Франция, Германия и Россия в преддверии войны.

Последующие главы посвящены изложению событий на фронтах войны. Совершенно справедливо первое место по значимости автор отводит Западному и Восточному фронтам, так как там, по сути, решалась судьба войны. Поскольку война была коалиционной, то для Австро-германского блока и Антанты приобретало большое значение координация действий между партнёрами по каждой из коалиций. На первых порах французским и английским военным не удалось достичь взаимопонимания по

координации своих действий, что явилось одной из причин неудач в «Приграничном сражении». Практика войны показала, необходимость новой системы организации – созданию группы армий. Координировать действия союзников стал генерал Ф. Фош. Усилия по объединению действий союзных войск позволили остановить движение немцев на Париж, а также похоронить планы «блицкрига». С конца 1914 г. маневренный характер войны на Западном фронте сменился на позиционный.

Одновременно с боями на Западном фронте развернулись операции на Восточном фронте. Описывая Восточно-Прусскую операцию русских войск, В. К. Шацило вполне справедливо останавливается на непростительных промахах русского командования, которые привели к разгрому 1-й армии и большим потерям. Причины этого автор видит в некомпетентности высшего русского командования, которая стала закономерным итогом выдвижения на руководящие посты офицеров не по их профессиональным качествам, а по их близости к царскому двору и политической благонадёжности. Это сказалось не только в Восточно-Прусской операции. Во время Галицийской битвы нерешительные и неумелые шаги русского командования не позволили добиться полного разгрома противника, тем самым дав возможность ему подготовиться к реваншу.

Помимо действий на Западном и Восточном фронтах, В. К. Шацило рассмотрел боевые действия на балканском театре против Сербии. Упорное сопротивление сербов войскам Австро-Венгрии заставило Центральные державы отложить активные действия на Балканах до осени 1915 г. Остановился автор и на весьма своеобразных боевых действиях японской армии и флота. Захватив немецкий гарнизон в Циндао и китайскую провинцию Шаньдун, а также принадлежавшие Германии тихоокеанские острова, Япония уже никакого участия в войне не принимала. Успешными оказались действия союзников по захвату германских колоний в Восточной и Юго-Западной Африке. На ближневосточном театре англичане только начинали боевые действия против Турции. Весьма непростыми оказались и действия русских войск на Кавказском фронте. Однако в этом сюжете автором были допущены досадные неточности. Так, помощником командующего Кавказской армией и фактическим командующим являлся генерал А. З. Мышлаевский, а начальником штаба генерал-лейтенант Н. Н. Юденич. Бои, начавшиеся на Кавказском фронте, поставили русские войска в тяжёлое положение под Сарыкамышем. Растерянность и неумение принимать решения в сложной обстановке со стороны Мышлаевского привели к окружению Сарыкамышской группы войск. Сам же генерал

уехал в Тифлис создавать новую армию, отдав приказ об отступлении. Настояв на отмене приказа об отступлении, Юденич, умело маневрируя войсками, разжал кольцо окружения изнутри и разгромил турок. За это сражение ему было присвоено звание генерала от инфантерии, он был награждён орденом Георгия 4-й степени и назначен командующим Кавказской армией.

Отрадно отметить и то, что В. К. Шацило уделил внимание боевым действиям на море. При этом автор обратил внимание на теорию «морской силы», которая возобладала в конце XIX начале XX вв. и стала определяющей для развития флота в ряде ведущих стран мира. Однако этот сюжет почти дословно повторяется дважды (с. 25 – 27, 134 – 135). Такие повторы, встречающиеся в книге, кроме как увеличения объёма издания ничего читателю не дают.

Переходя к рассказу о событиях 1915 г., Шацило совершенно справедливо указал на то, что голод вооружений охватил все воюющие страны. При этом положительное решение проблемы зависело от довоенного состояния экономики воевавших стран и того, насколько быстро они смогли мобилизовать свои экономики. Быстрее всего этот процесс удалось наладить в Германии, Англии, Франции и, в последнюю очередь, в России.

В 1915 г. основные боевые действия развернулись на Восточном фронте. Стратегическая цель германского командования состояла в разгроме России и заключению с ней сепаратного мира. В результате успешных действий австро - германских войск русские армии оставили Галицию, русскую Польшу, дошли до Риги. Россия потеряла огромную территорию, однако русская армия избежала разгрома. А потому стратегическая цель германского командования по выводу России из войны оказалась невыполненной. Вместе с тем под пером В. К. Шацило отступление русских армий под ударами немецких войск превратилось в некое «продавливание», а «если они и отходили, то в полном боевом порядке, нанося сильные контрудары». Ну, прямо таки «скифская тактика». С армией отступали десятки тысяч беженцев, а это затрудняло железнодорожные перевозки и снабжение армии. Да и вообще говорить о порядке при отступлении равносильно полному вздору. Правда, на с. 246 говорится о тяжёлых поражениях России в ходе кампании 1915 г. Не проще ли было сказать, что русская армия была хуже технически оснащена, да и командование не всегда находилось на должном уровне руководства.

Просто противник был сильнее. Однако автор глубокомысленно замечает: «Удача была вновь на стороне рейхсвера». К тому же снова всплывает набивший оскомину сюжет об интригах Александры Фёдоровны и Г. Е. Распутина, которые привели к Отставке великого князя Николая Николаевича с должности Главнокомандующего. Автор книги является профессиональным историком и всё это прекрасно знает, но зачем ему понадобилось наводить тень на плетень? Ответ, на мой взгляд, состоит в том, что с недавнего времени становится модным изображать царскую Россию в белых одеждах, но как говорит одна русская пословица «чёрного кобеля не отмоешь до бела». Всё-таки, как ни крути, а русские войска в кампанию 1915 г. потерпели поражение. Так что давайте придерживаться научной честности, а не зигзагов политической конъюнктуры. Определённое противоречие содержится и в заявлении о том, что Вторая балканская война «окончательно положила конец мифу о солидарности славянских народов» (с. 38) и утверждению, что «Болгария ввязалась в самоубийственную войну против своих православных братьев» (с. 254).

Описание событий на фронте в 1916 г. сделано достаточно корректно, хотя о разгроме Особой армии под Ковелем, где практически была похоронена русская гвардия, говорится, что армия достигла частичных успехов. Не выдерживает критики и характеристика остзейского немца, премьер-министра Б. В. Штюрмера, как сторонника мира с Германией. Штюрмер, как и многие другие немцы, верно служили России, поэтому в современной исторической работе обращаться к кадетским политическим бредням столетней давности просто бессмысленно.

События 1917 г., описываемые В. К. Шацило, вызывают наибольшие вопросы. Скажем, что такое явление как сдача в плен получила широкое распространение не в 1917 г., а гораздо раньше. Станным выглядит и утверждение автора о подготовке к отражению немецкого наступления под Ригой летом 1917 г. На с. 221 он пишет: «...подготовка германского наступления не являлось секретом для русского командования. Тем не менее для отражения наступления противника ничего существенного сделано не было». А на с. 223 можно прочесть: «...русское командование было заранее хорошо осведомлено о намерениях противника и сумело провести необходимую подготовку к отражению наступления». Вот и понимай, как хочешь. Или другой пассаж. Автор пишет, что в сентябре 1917 г. англичане обратились к командующему Кавказским фронтом генералу Н. Н. Юденичу с просьбой о совместных действиях на Мосульском направлении. 7 мая 1917 г. генерал Юденич был отстранён от долж-

ности как «сопротивляющийся указаниям Временного правительства» и вызван в Петроград, так что осенью его на Кавказе уже не было.

Общим местом в современной политической пропаганде, журналистике и в трудах ряда «историков» стало утверждение о большевиках как немецких шпионах. Не преминул отметить в этом хоре и наш автор. По его мнению, в апреле 1917 г. в Берлине было принято решение переправить в Россию несколько групп большевиков, в одной из которых находился В. И. Ленин. Однако этим В. К. Шацило не ограничился и добавил утверждение о том, что большевики на немецкие деньги безбедно существовали в Швейцарии (с. 305). Это явно что-то новенькое. Не менее любопытно и объяснение автором причин подписания большевиками дополнительного договора к Брестскому миру, по которому они обязались заплатить 6 млрд. золотых марок. «Так немцы попытались с лихвой компенсировать свои затраты на осуществление у нас социалистической революции и развал Российской империи» – написал Шацило. В действительности дело обстояло по-другому. Согласно финансовому соглашению, Россия удовлетворила претензии Германии связанные с национализацией и аннулированием иностранных займов¹. Однако людям, уверовавшим в немецкие деньги большевиков, нет дела до тех исследований, которые противоречат их вере². Главное вбить в массовое сознание очередной миф и, судя по всему, это удаётся.

Подводя некоторые итоги, скажу, что выпуск научно-популярной литературы крайне необходим, но к этому делу необходимо подходить столь же ответственно, как и к написанию научных исследований, без оглядки на политическую конъюнктуру.

¹Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С.272.

²Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001; Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота» СПб., 2002; Он же. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914 – 1918. СПб., 2009; Lyandres S. The Bolsheviks' «German Gold» Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995.

VI. ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИИ, ПРОВЕДЕННЫЕ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (АПРЕЛЬ-СЕНТЯБРЬ 2011 Г.)

Кафедра истории Нового и новейшего времени за апрель-сентябрь 2011 г. провела четыре научные конференции.

ХIII-я международная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»

6-7 апреля 2011 г. в Санкт-Петербурге прошла XIII-я международная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Организаторами конференции выступили Центр по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии Ассоциации международного сотрудничества, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, Российская национальная библиотека, Русская христианская гуманитарная академия, а также кафедра истории Нового и новейшего времени Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Открытие конференции состоялось 6 апреля в конференц-зале Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества. На открытии с приветствием к участникам конференции выступил заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени СПбГУ профессор В. Н. Барышников, а также председатель правления Ассоциации международного сотрудничества М. Ф. Мудрак, проректор по науке Русской христианской гуманитарной академии профессор Д. В. Шмонин и Генеральный директор Российской Национальной библиотеки А. В. Лихоманов. Кроме того в процедуре открытия конференции принял участие генеральный консул республики Финляндия в Санкт-Петербурге г-н О. Перхентупа. Участникам конференции был также представлен сборник материалов предыдущей XII-й международной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Большой интерес у участников конференции вызвали два пленарных доклада, которые сделали профессор Санкт-Петербургского государственного университета д. и. н. Кривошеев Ю. В. («Профессор-скандинавист Н. И. Барышников – ученый и человек») и исследователь Хельсинкского университета к.и.н. Шкваров А. Г. («Население Финляндии и русские гарнизоны в годы первой мировой войны (1914-1918 гг.): проблемы взаимоотношений»). Дискуссионным обсуждением этих докладов, а также музыкальным концертом закончился первый день работы XIII-й международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Второй день работы конференции, который проходил в Русской христианской гуманитарной академии, на пленарном заседании было заслушано ряд принципиально важных докладов, связанных с историей Второй мировой войны (Барышников В. Н. «Переписка генштаба Красной армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией») и Геуст К.-Ф. «Мины на фарватер Кронштадта, бомбы на Турку». Эти доклады создали дискуссионный характер продолжающейся работы конференции, что подтвердили секционные заседания. На них участники конференции постарались рассмотреть весь спектр вопросов, раскрывающих отношения Петербурга со Скандинавией и Финляндией. В программе конференции по традиции предполагалась работа четырех секций: «Экономика, война и политика», «Балтийское море: сотрудничество и противостояние», «Исторические источники, взгляды и оценки», «Наука, культура и религия».

В результате, на конференции было заслушано около 50 докладов и научных сообщений историков, филологов, этнографов, искусствоведов, социологов и культурологов, касающихся отношений Петербурга со странами Северной Европы. В конференции приняли участие исследователи из различных научных, учебных и исследовательских центров Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Выборга и других городов Российской Федерации. В конференции с докладами также выступили известные учёные-скандинависты из Финляндии, Дании и Великобритании.

Программа конференции
6 апреля
Пленарное заседание

Кривошеев Ю. В. Профессор-скандинавист Н. И. Барышников – ученый и человек; *Шкваров А. Г.* Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.): проблемы взаимоотношений; *Мальмсткём С. Х.* Бакмансон на выставке в музее Амоса Андерсона.

7 апреля

Пленарное заседание

Мехиас-Ойярви И. Неизвестные картины русских художников в Национальной галерее Финляндии; *Барышников В. Н.* Переписка генштаба Красной армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией; *Геуст К.-Ф.* Мины на фарватер Кронштадта, бомбы на Турку.

Секционные заседания

Секция «Экономика, война и политика»

Петухова А. П. Причины и ход информационных кампаний по вопросу о русификации Финляндии в российской консервативной прессе (к. XIX - н. XX вв.); *Мусаев В. И.* Петроград как центр финской «красной» эмиграции (1918 - 1920-е гг.); *Васара В.-Т.* К вопросу об отношениях У.К. Кекконена с крайне правыми силами Финляндии (1920-1930-е гг.); *Журавлёв Д. А.* Лечебные учреждения Ленинграда после окончания советско-финляндской войны: уроки и просчеты; *Уитто А.* Битва за Ханко (Гангут) в 1941 г.; *Веригин С. Г.* Рейды партизан Карельского фронта на территорию Финляндии в 1942-1944 гг.: два взгляда на одну проблем; *Софронова З. Н.* Взаимоотношения между финскими и немецкими солдатами в период 1941-1944 гг.; *Макуров В. Г.* Об эвакуации населения Карелии в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.; *Дубинко-Гуца Е. О.* Трансформация доктринальных основ внешней политики Дании во второй половине XX в.; *Балашова К. С.* Проблемы осуществления культурного сотрудничества СССР и Финляндии в начале 50-х гг.; *Фокин В. И.* Современный мировой порядок и страны Северной Европы; *Харламьева Н. К.* Роль стран Северной Европы в формировании арктической политики; *Савицкий А. А.* Население Карелии в обсуждении путей развития России в начале 1990-х гг.

Секция «Балтийское море: сотрудничество и противостояние»

Кротов П. А. Пётр I и Карл XII в сочинении П.Н. Крёкшина о России в год Полтавской победы; *Лебедев А. А.* «А как военное время наступило, то и... матросы... обучение получают» (проблемы боевой подготовки русского парусного флота на Балтике); *Славитский Н. Р.* Укрепления Кронштадта и их оборона от шведского и английского флотов в 1720 г.; *Кент Н.* Шведская «эра свобод» - короткий период межвластия перед началом абсолютизма; *Попов Ю. М.* Роль Елизаветы Петровны в переустройстве Европы в годы Семилетней войны; *Партала М. А.* Деятельность русского командования по организации разведки на балтийском морском театре в июле 1914 года с привлечением судов частных пароходных компаний; *Смолин А. В.* Формирование антифинляндских настроений среди русских эмигрантов в Финляндии (1918 - 1919 гг.); *Петров П. В.* Расширение системы базирования КБФ в Балтийском море в 1935-1941 гг.

Секция «Исторические источники, взгляды и оценки»

Жаров Б. С. О. И. Сенковский и скандинавистика; *Возгрин В. Е.* Исчезнувшие острова (скандинавская Вест-Индия); *Шрадер Т. А.* Скандинавия глазами гардемарина Дмитрия Головина (1800 г); *Базарова Т. А.* Письма В. Л. Долгорукого из Копенгагена вице-канцлеру П. П. Шафирову в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН; *Кривдина О. А.* Русско-шведский аспект «Записок о войне с Наполеоном в 1807 г.» автора Л. Л. Беннигсена; *Ивлева С. Е.* Иллюстрированные издания о Скандинавии из собрания принца Петра Георгиевича Одьденбургского (1812-1881); *Терюков А. И.* Переписка Г.И. Вербова с Т. Лехтисало; *Бурков В. Г.* Изображение льва в государственной символике Финляндии; *Векишин А. П.* Вид города Ниена и крепости Ниеншанц; *Забавская Н. И., Дмитриева Н. В.* Финские помощники В. И. Ленина, «красные финны» в Петрограде: история семьи Хайконенов-Латука в документах архивов России и Финляндии; *Дубровская Е. Ю.* «Суровое прошлое» и «героические» образы времени: представления жителей Карелии о событиях Гражданской войны и иностранной интервенции.

Секция «Наука, культура и религия»

Александрова Л. Б. Архитектор Теодор Хейер; *Васильева М.В.* Работы керамиста М. Шилкина в архивных фотоматериалах; *Цоффка В. В.* Надгробие финского художника Акселе Гален-Каллела на кладбище *Netamiet* в Хельсенки (анализ); *Суворова Л. В.* Кистью Г. Бакмансона. Выставка в музее Амоса Андерсона; *Йотунсен Н. Л.* Русский драматический театр

в Гельсингфоргсе; *Баданов В. Г.* Святитель Феофан Затворник (Говоров) в Карелии 1855-1856 гг.; *Макуров В. Г.* О религиозной ситуации на оккупированной финнами территории Карелии. 1941-1944 гг.; *Бородина Т. П.* Дар Репина Финляндии; *Мошник Ю. И.* Спортивная жизнь финского Выборга в 1920-1930-х гг.; *Шкаровский М. В.* Эстонские и финские православные общины в Петербургской губернии; *Фруменкова Т. Г.* Кренгольмская стачка 1872 г. и питомцы Петербургского воспитательного дома; *Алимов А. А.* Проблема взаимосвязи устойчивого развития в странах Северной Европы и система образования.

Конференция

«Церковь, власть и национально-освободительное движение в Европе. Памяти профессора С. М. Стецкевича»

Конференция «Церковь, власть и национально-освободительное движение в Европе» прошла на Историческом факультете СПбГУ 8 апреля 2011 г. Она была посвящена памяти профессора кафедры истории Нового и новейшего времени Станислава Михайловича Стецкевича. Конференция была организована совместно с кафедрой Истории славянских и балканских стран. В открытии конференции приняли участие проректор по направлению история, психология и философия СПбГУ к. психол. н., доцент Л. А. Цветкова и заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени д.и.н., профессор В. Н. Барышников. В ходе работы конференции наибольшее внимание было уделено роли церкви в политической и культурной жизни Европы.

Программа конференции

Пленарное заседание

Шершинева С. В. Профессор С. М. Стецкевич - ученый и человек; *Щеголев С. И.* Костел в январском восстании 1863 года; *Таирова-Яковлева Т. Г.* Митрополит Андрей Шептицкий и национально-культурное движение в Галиции в конце XIX - начале XX вв.; *Василик В. В.* Становление культа Св. Станислава в XI-XIII вв. в Польше.

Секционные заседания

Секция «Церковь в истории славянских и балканских стран»

Цертицкая О. Л. Духовные миссии как метод мировой политики: Русская духовная миссия в Иерусалиме и ее деятельность в I половине XIX в.; *Волобуев С. Г.* Церковь как институт гражданского общества: история, современность, перспективы; *Фирсов С. Л.* Церковно-государственные отношения в современной России. К постановке проблемы; *Ноздрин О. Я.* Между С-Петербургом и Римом: конфессиональная и общественная деятельность графа Эдварда О'Рурка (1876-1943), первого епископа Гданьского; *Алимов Д. Е.* Власть и церковь в Хорватии в эпоху христианизации; *Хижая Д. М.* Проблема взаимоотношений церкви и государства в Польше в период с 1944 по 1956 гг.; *Хижий М.* Русская военная администрация и религиозный вопрос в Галиции в 1914-1917 гг.

Секция «Церковь в истории Нового и новейшего времени»

Стецкевич М. С. Церковь Англии, власть и общество в конце XVIII - первой трети XIX вв.; *Сидоренко Л. В.* Государство и церковь Великобритании: роль неангликанских протестантских конфессий в политической жизни страны в XVIII веке; *Шершневa С. В.* Мятёж священников в Массачусетсе в первой половине 30-х годов XVII века; *Кормилицын С. В.* Расовая политика германских нацистов и конкордат с Ватиканом в 1933 году; *Пленков О. Ю.* Церковь в нацистской Германии 1933-1945 годов; *Быкова Е. А.* Концепция Ф. Кастро о союзе коммунистов и христиан и ее значение для стран Латинской Америки; *Дестивель И.* Богословский диалог между Католической и Православной Церквями после Ватиканского собора 1965 года.

Секция «Церковь как часть мировой культуры»

Адамова Н. Э. «Новый Иерусалим» как государственная модель для «исключительного сообщества» Массачусетса в 1629-1640 гг.; *Прикладова М. А.* Церковный заказ и испанская скульптура II пол. XVII в.; *Рогозина А. А.* Школа живописи Эскориала в свете постановлений Тридентского собора; *Банников А. В.* Христианизация римской армии в IV в.; *Пантелеев А. Д.* Римская власть в раннехристианских агиографических текстах (II - сер. III в.); *Рашкова Р. Т.* Иоанн Павел II: Католицизм и нация.

Российско-французский круглый стол

**«Женщины, гендер и феминизм XVIII - XIX - XX вв.:
практические исследования и методы»**

20 апреля 2011 г. кафедра истории Нового и новейшего времени совместно с Французским Университетским колледжем в Санкт-Петербурге провела российско-французский круглый стол «Женщины, гендер и феминизм XVIII-XIX-XX вв.: практические исследования и методы».

Круглый стол, в котором приняли участие исследователи Исторического факультета СПбГУ и других научных и учебных центров Санкт-Петербурга прошел в рамках цикла семинаров и лекций, прочитанных профессором Университета Париж VIII г-жой Мишель Рио-Сарсе во Французском Университетском колледже. На торжественном открытии Круглого стола проректор по направлениям история, психология и философия СПбГУ, кандидат психологических наук, доцент Л. А. Цветкова отметила интерес, который в наши дни вызывает тема гендера и феминизма. В силу широты своего охвата эта тема по праву может считаться междисциплинарной, способной объединить усилия исследователей, принадлежащих к самым разным направлениям гуманитарного знания. Л. А. Цветкова также подчеркнула, что происходящие на наших глазах изменения социальных ролей и ценностей, которые традиционно отождествляются с мужчинами и женщинами, в том числе и в российском обществе, делают тему Круглого стола актуальной и привлекательной для студентов – будущих историков.

Декан Исторического факультета, доктор исторических наук, профессор А. Ю. Дворниченко признал, что долгое время отечественные историки не уделяли должного внимания гендерным исследованиям, и согласился с тем, что ныне подобные исследования не только стали интересны, в частности, студентам Исторического факультета, но и даже в каком-то смысле модны. В последние годы в этой области, по оценке Андрея Юрьевича, был достигнут существенный прогресс и в отечественной науке. По количеству представляемых докладов и собравшихся слушателей данный Круглый стол вполне может быть назван конференцией, заметил А. Ю. Дворниченко, с чем выразил согласие заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени, доктор исторических наук, профессор В. Н. Барышников, обратившийся с приветственным словом к участникам.

В. Н. Барышников отметил, что идея проведения совместного российско-французского научного форума в рамках сотрудничества кафедры истории Нового и новейшего времени и Французского Университетского колледжа родилась больше года назад. Русско-французский круглый стол, посвященный проблемам изучения гендера и феминизма, стал своеобразным продолжением Года Франции в России. В. Н. Барышников поделился с собравшимися кафедральными планами провести в ближайшие годы масштабную конференцию по той же тематике, которая охватила бы еще более широкий круг участников.

В свою очередь, г-жа Э. Лезеан, директор Французского Университетского колледжа при СПбГУ, высказала слова благодарности г-же М. Рио-Сарсе и российским историкам, подготовившим доклады для Круглого стола. Ею был отмечен большой вклад в дело его организации ассистента кафедры истории Нового и новейшего времени, кандидата исторических наук, Т. Н. Гончаровой, без настойчивости и усилий которой его проведение было бы невозможно.

Сам Круглый стол открылся сообщением преподавателя истории Французского колледжа г-на Ф. Шартрё, рассказавшим о цикле лекций, прочитанных французскими историками в рамках темы «История женщин, гендерная история» по приглашению колледжа. Он отметил, что ключевой в ее рассмотрении применительно как к Средневековью, так и к Новому времени остается проблема источников: какие методы, какие текстологические подходы должны быть выработаны в рамках данной проблематики, дабы по-новому взглянуть на историю европейского общества как историю доминирования одного пола над другим.

Любопытная возможность проникнуть в сознание женщины Петровской эпохи была предоставлена слушателям вслед за этим проф. П. А. Кротовым на примере неизданных писем Авдотьи Степановны Мордвиновой (Ушаковой) сыну Семену Ивановичу Мордвинову, обучавшемуся в 1717-1722 гг. навигации во французском Бресте. Эти письма, по мнению П. А. Кротова, являются не только прекрасным образцом старомосковского литературного стиля, но и показательным проявлением любви, глубокой религиозности и заботы матери, не жалевшей на дорогостоящее заграничное обучение сына огромных средств. Обращает внимание тот факт, что первые письма А. С. Мордвиновой были составлены под ее диктовку, но впоследствии ради общения с сыном она выучилась грамоте и писала сама.

К. и. н. Т. Н. Гончарова в своем докладе сопоставила историю жизни двух женщин, Жозефины Богарнэ и Жермены де Сталь в преломлении их отношений с Наполеоном Бонапартом. Активно претендуя не только на гражданские, но и политические права, мадам де Сталь не вписывалась в нормы, принятые для женщины ее эпохи, чем вызвала неприязнь со стороны Первого консула, которому хотела нравиться. При этом, принадлежа к привилегированным кругам в силу своего рождения, Ж. де Сталь не отождествляла себя с феминистками своего времени, найдя реализацию своему творческому потенциалу в литературе, где создала ряд выдающихся женских образов. Ж. де Богарнэ, супруга Первого консула, на первый взгляд кокетливая и ветреная, полная противоположность мадам де Сталь, преуспела больше ее в деле политического управления, воздействуя на Бонапарта традиционными женскими средствами.

Переход женского движения к активным формам борьбы за свои, в том числе и политические права, на примере британского суфражизма XIX – начала XX вв. стал предметом выступления проф. С. И. Бугашева. В своем докладе он осветил историю суфражистского движения от возникновения в 1865 г. первой организации до предоставления женщинам ограниченного избирательного права в 1918 г., рассказал о ярчайших представительницах движения и его основных течениях, включая т.н. суфражеток – сторонниц радикальных, милитантских форм. Феномен зарождения суфражизма в Великобритании коренился в развернувшемся с 1850-х гг. в стране более широком движении за демократические свободы и психологическом воздействии жесткой викторианской морали, сделал вывод докладчик.

От феминизма к понятию гендера переключил внимание слушателей центральный доклад Круглого стола – выступление г-жи М. Рио-Сарсе. Она отметила, что гендерные исследования в изучении самых разных тем и стран – прежде всего новый взгляд на историю через призму отношений мужчин и женщин, на условия возникновения этих отношений и переход от господства/подчинения к подлинному равноправию. Г-жа Рио-Сарсе признала, что гендерные исследования весьма трудны, поскольку призваны охватить разом политику, экономику и культуру и связаны с постановкой таких «вопросов» историческим источникам, которые их авторы, возможно, перед собой не ставили. Еще одним важным прозвучавшим в докладе тезисом стало то, что в этом долгом процессе ликвидации последних привилегий в европейском обществе – привилегий мужчин – нельзя провести прямой линии без разрывов. Ген-

дерная история избегает строгой линейности, и новаторские идеи, связанные с проблемой построения справедливых взаимоотношений двух полов, предавались забвению, чтобы затем воскреснуть вновь. Подобный ренессанс, в частности, состоялся на волне европейских революций 1848 года, на чем подробно и остановилась в своем выступлении французская исследовательница.

Элемент живой научной дискуссии привнесло в более чем двухчасовое заседание Круглого стола эмоциональное выступление проф. О. Ю. Пленкова, обратившегося на примере нацистской Германии к проблеме феминизма в условиях господства тоталитарного режима. Олег Юрьевич призвал не драматизировать проблему мужской и женской сексуальности, полное «освобождение» в рамках которой ведет порой не к гармонии и свободе, а противоестественным отношениям несвободы. Он акцентировал внимание на том, что государство даже в условиях жесткого официального неприятия феминизма способно эффективно выполнять свои функции защиты достойного социального положения и здоровья женщины. По мнению О. Ю. Пленкова, опыт гитлеровской Германии показывает, что творческий потенциал женщин был способен успешно реализовываться, несмотря на все доктринальные барьеры.

Последовавшая после этого выступления дискуссия началась с шуточной ремарки профессора С. И. Бугашева, который попросил О. Ю. Пленкова уточнить высказанную им в докладе фразу: «"Если секс – это власть", то можно ли использовать эту формулу, наоборот?», на что последовал отрицательный ответ. Вопросы продолжались, что свидетельствовало об интересе, вызванном выступлением профессора Пленкова. К.и.н. Т. Н. Гончарова попросила уточнить проблему антифеминизма рейхсминистра пропаганды нацистской Германии Й. Геббельса. Профессор О. Ю. Пленков дал весьма развёрнутое объяснение своего видения этой проблемы, подтвердив высказанные в докладе тезисы о весьма почетном положении женщины в условиях режима нацистской диктатуры в Третьем рейхе.

Следующие вопросы были адресованы профессору истории Университета Париж XVIII г-же М. Рио-Сарсе. В частности, студент 1-го курса кафедры истории Нового и новейшего времени Арсений Веснин поинтересовался перспективами феминистского движения в будущем, «учитывая, что в настоящий момент оно уже добилось огромных успехов». Г-жа М. Рио-Сарсе ответила философски, заметив, что «нужно продолжать бороться за полное освобождение и стремиться к полной свободе

существования, в том числе и интеллектуальной». Французская исследовательница также заметила, что «достигнутые права надо уметь использовать, но при этом понимая других людей и уважая их». Студентка 3-го курса Анна Чернегова попросила г-жу М. Рио-Сарсе уточнить, «добились ли женщины в 1848 г. каких-либо значимых результатов»? На что получила отрицательный ответ. «Ничего не произошло: женщины были изолированы и их не услышали», а потому приходилось «дождаться конца XIX-го века, когда во Франции был проведён комплекс мероприятий по эмансипации женщин». Студент 2-го курса Чарахчан попросил уточнить, а «известно ли самим женщинам о том, что их дискриминируют», на что г-жа М. Рио-Сарсе ответила утвердительно, оговорившись, что «наверное в России ситуация не такая, как в Европе, и женщины не осмеливаются поднимать многие проблемы». Далее французская исследовательница кратко пересказала основные положения феминистского движения в отношении дискриминации женщин и привела исторические примеры, высказав при этом ряд категорических замечаний в отношении тех положений, которые содержались в докладе профессора О. Ю. Пленкова. По ее мнению, доклад был сделан на основе «старых исторических позиций и методов».

Возвращение к выступлению О. Ю. Пленкова вновь вызвало дискуссию. Положения, выдвинутые им в своем докладе, многим казались спорными. Следующим вопросом из зала стала просьба уточнить высказанный Олегом Юрьевичем факт высокого процента дебильности у детей, помещённых нацистами в изолированные интернаты, создававшиеся специально для будущей элиты немецкого общества. Профессор О. Ю. Пленков подробно остановился на этой проблематике. Однако в ходе последующей дискуссии между ним и некоторыми участницами круглого стола (студентками), вопрос перерос в обсуждение педагогических проблем. Дискуссия завершилась обсуждением социальных и биологических различий полов. Доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Б. П. Заостровцев обратился к французским участникам круглого стола с просьбой разъяснить связь феминизма и принятого недавно французским правительством решения о запрете ношения паранджи в общественных местах. Профессор М. Рио-Сарсе, достаточно резонно ответила, что это решение затрагивает культурные особенности определённой группы людей, проживающих во Франции, но с её точки зрения «паранджа – символ подчинения. При этом, – как она подчеркнула,

-
- нужно коллективное решение и осознанный выбор каждой женщины
 - носить ее или не носить».

Вопросы и острая дискуссия между участниками круглого стола показала, что своей главной цели – познакомить студентов с таким актуальным направлением в историографии, как гендерные исследования – круглый стол, безусловно, достиг. Остается лишь только выразить надежду на продолжение, вне всяких сомнений, плодотворной и полезной практики совместных выступлений российских и французских историков в стенах Исторического факультета.

Программа

Шартрё Ф. Цикл лекций во Французском университетском колледже «История женщин, гендерная история»: вопросы образования; *Кротов П. А.* Русская дворянка Петровской эпохи: неизданные письма Авдотьи Мордвиновой сыну гардемарину во Францию (1717–1722); *Гончарова Т. Н.* Наполеон, Жозефина, Жермена и другие. Какая роль для женщины сразу после Французской революции?; *Рио-Сарсэ М.* Женщины 1848 г.; *Бугашев С. И.* Британский суфражизм в XIX – начале XX вв.; Пленков О. Ю. Проблема феминизма в тоталитарных режимах.

Конференция

**«Россия и Финляндия: через века истории:
к семидесятилетию начала Великой Отечественной войны.
Памяти профессора Н. И. Барышникова»**

30 июня в поселке Ильичёво Выборгского района Ленинградской области в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала» прошла международная конференция «Россия и Финляндия: Через века истории. К семидесятилетию начала Великой Отечественной войны».

Конференция была посвящена памяти известного петербургского историка-скандинависта профессора Николая Ивановича Барышникова.

Конференция была организована Комитетом по культуре правительства Ленинградской области, ГУК «Музейное агентство», Государственным историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала»,

а также Кафедрой истории Нового и новейшего времени Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

В работе конференции приняли участие более тридцати исследователей из различных научных, музейных и учебных центров Петербурга, Выборга, Старой Ладogi, Петрозаводска, Хельсинки и Тампере.

На открытии конференции в пленарных выступлениях прозвучал целый ряд докладов и научных сообщений, раскрывающих, прежде всего, научное наследие крупнейшего специалиста нашей страны в области истории советско-финляндских отношений и Второй мировой войны профессора Н. И. Барышникова. Особенно ярким в данном случае был доклад д.и.н., профессора Фокина В. И. (СПбГУ), который обратил внимание участников конференции на необходимость широкого изучения научного наследия профессора Николая Ивановича Барышникова, поскольку, по его взглядам, он является, фактически, основателем целой современной научной школы изучения истории Финляндии. В подтверждение этих слов в историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала» была торжественно открыта новая экспозиция, посвященная научно-исследовательской и общественной деятельности Н. И. Барышникова и произошло представление воспоминаний профессора Н. И. Барышникова, опубликованных в пятидесятом томе «Книга Памяти» (СПб., 2011).

Перейдя затем в режим двух секционных заседаний, на конференции были рассмотрены вопросы, связанные с историей развития российско-финляндских отношений. Особое внимание здесь было, прежде всего, уделено проблемам становления политических, экономических и культурных связей между двумя государствами. Весьма интересными, в частности, были выступления к.и.н. Шкварова А. Г. (Университет Хельсинки) – «Петр I и казаки. Северная война. Обзор историографии», а также д.и.н., проф. Санкт-Петербургского государственного университета Л. В. Выскочкова «Образ имперской Финляндии в российских путеводителях начала XX-го века». С большой научной заостренностью прозвучал доклад финской исследовательницы В.-Т. Васара, которая затронула в своем выступлении проблему политического террора в Финляндии рубежа XIX–XX вв. на почве антирусских настроений.

Работа второй секции была целиком посвящена рассмотрению событий Второй мировой войны. Здесь были затронуты вопросы, связанные с началом Великой Отечественной войны на северо-западных границах СССР и участием Финляндии во Второй мировой войне. Также в отдельных выступлениях были рассмотрены основные современные тенденции

в фальсификации истории Второй мировой войны и действиям советских, а также финских войск на Карельском перешейке и в Карелии в 1941-1944 гг. Открылось заседание интересным докладом д.н., Геуст К.-Ф. (Военно-историческое общество Финляндии), в котором была затронута проблема действия авиации Финляндии и СССР на Северо-Западе до и после 22 июня 1941 г. Научное сообщение декана исторического факультета Петрозаводского государственного университета к.и.н. С. Г. Веригина о финском населении Петрозаводска в начальный период Великой Отечественной войны также вызвало большой интерес. Работа секции проходила в живой творческой атмосфере. Доклады нередко заканчивались уточняющими вопросами и дискуссией по поднимаемым в выступлении проблемам.

В завершение секционных заседаний было принято решение опубликовать материалы конференции в виде отдельного сборника.

Программа конференции
Пленарное заседание
«Вклад профессора Н. И. Барышникова в развитие
отечественной скандинавистики»

Фокин В. И. Профессор Николай Иванович Барышников – основатель научной школы изучения истории Финляндии; *Вассоевич А. Л.* Профессор Николай Иванович Барышников – почетный член «Петербургского исторического радио-клуба»; *Белозеров Б. П.* Ученый, воин, патриот: памяти доктора исторических наук, профессора Николая Ивановича Барышникова; *Усыскин Г. С.* Профессор Николай Иванович Барышников по личным воспоминаниям.

Представление книги Воспоминания профессора Н. И. Барышникова в книге «Память»

Открытие выставки «Ученый, воин, патриот. Памяти участника Великой Отечественной войны, доктора исторических наук, профессора Николая Ивановича Барышникова»

Секционные заседания
Секция «Финляндия и Вторая мировая война»

Доклады:

Бекман Й. Основные тенденции фальсификации истории Второй мировой войны в Финляндии; *Белозеров Б. П.* Ленинградский военный округ накануне Великой Отечественной войны: к постановке проблемы; *Геуст К.-Ф.* Действия авиации Финляндии и СССР на Северо-Западе до и после 22 июня 1941 г.; *Веригин С. Г.* Финское население города Петрозаводска в начальный период Великой Отечественной войны; *Барышников В. Н.* Оценка в финской армии советского наступления на Карельском перешейке 10-20 июня 1944 г.; *Шкаровский М. В.* Финляндская Православная Церковь в годы Второй мировой войны.

Сообщения:

Кормилицын С. В. Реакция прессы Третьего рейха на начало войны СССР и Финляндии; *Кривошеев Ю. В.* Переселенцы на Карельском перешейке: «Татарское дело»; *Терюков А. И.* Изменение отношения у финской элиты к «войне-продолжения»; *Журавлев Д. А.* Боевые действия 1939-1944 гг. в Карелии и на Карельском перешейке глазами военных медиков; *Мусин М. М.* Первые двенадцать часов боя за Энсо в 1941 г.; *Мусаев В. И.* Карельский Укрепрайон – система обороны северных подступов к Ленинграду; *Софронова З. Н.* Мирная жизнь лучшего снайпера Финляндии Симо Хяюхя; *Бочков Е. А.* Материальное снабжение Красной армии в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

Секция «Финляндия и Россия с древности до XX-го века»

Доклады:

Селин А. А. Корелянин Тимоха Хахин – герой «смутного времени»; *Василик В. В.* Православие в Финляндии XIII- нач. XX вв.; *Кротов П. А.* Финское население Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. (к постановке вопроса); *Шкваров А. Г.* Петр I и казаки. Северная война. Обзор историографии; *Высочков Л. В.* Образ имперской Финляндии в российских путеводителях начала XX-го века; *Васара В.-Т.* Политический террор в Финляндии на почве антирусских настроений на рубеже XIX-XX вв.

Сообщения:

Стерликова А. А. Дипломатические переговоры между Россией и Швецией в 1716-1718 гг.;

Шрадер Т. А. Очерки этнографии шведов крестьян в Финляндии конца XIX - нач. XX вв.; *Суворова Л. В.* Г. Бакмансон. в Санкт-Петербурге; *Смолин А. В.* «Белое движение» в Финляндии к истории изучения; *Кляровская Г. В.* Судьба памятника: К вопросу о восстановлении памятника Торкелю Кнутсону в Выборге.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

8 сентября 2011 г. на заседании Ученого совета Д.212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук аспирантом кафедры истории Нового и новейшего времени Анисимовым Олегом Викторовичем. Тема его квалификационного исследования – «Проблема Святых мест Палестины во франко-русских отношениях 1848–1853 гг.».

Ведущая организация: Балтийский федеральный университет имени Эммануила Канта.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент исторического факультета СПбГУ Евдокимова Нина Петровна.

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров Козлов Сергей Александрович и кандидат исторических наук, доцент СПбГУ Павлов Андрей Юрьевич.

Согласно протоколу на заседании присутствовали 31 член Ученого совета. Из них за присвоение степени кандидата исторических наук Анисимову Олегу Викторовичу проголосовали 31, голосов против и воздержавшихся не было, недействительных бюллетеней не было.

РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

УДК 94 (44).081 + 94 (44).082

Евдокимова Н. П. **В поисках истины: Был ли Аристид Бриан ренегатом социалистического движения?** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В статье говорится об участии видного французского политического деятеля в синдикалистском и социалистическом движении. Автор рассматривает причины, приведшие Бриана в рабочее движение, его позицию в этом движении, его противостояние с гедистами, отрицание Брианом революции как средства борьбы, связанного с насилием, и его пропаганду всеобщей стачки как универсального, легального, ненасильственного средства борьбы пролетариата. Рассматриваются также обстоятельства разрыва Бриана с социалистическим движением.

Ключевые слова: Аристид Бриан, Жюль Гед и гедисты, социалистическое и синдикалистское движение, революция и всеобщая стачка, объединение социалистов.

УДК 94(48).072+94(48).081+94(48).082

Катцова М. А. **К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX – первой половине XX вв. /продолжение//** Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В статье предпринята попытка анализа явления т. н. «практического скандинавизма» под которым подразумевается реализация проектов регионального сотрудничества на гражданском, административном, бытовом уровнях в странах Северной Европы. В 1920–1930-х гг. произошло глубокое укоренение практики северного сотрудничества в повсед-

невной жизни общества скандинавских стран и Финляндии. Выводы позволяют опровергнуть мнение о том, что северного сотрудничества до появления Северного Совета в 1952 г. не существовало или оно было крайне незначительно.

Ключевые слова: регионализм, скандинавизм, северное сотрудничество, Северная Европа, Северные Ассоциации, межвоенный период.

УДК 94(480)

Барышников В. Н. **К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939-1940 гг. «войной Эркко»?** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В статье рассматриваются субъективные обстоятельства причин возникновения советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Особое место в работе уделено рассмотрению роли министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко в принятии судьбоносных для своей страны решений осенью 1939 г.

Ключевые слова: советско-финляндские отношения, «зимняя война», ксенофобия, национализм, русофобия.

УДК 94(470)

Фокин В. И. **Уроки Нюрнбергского трибунала и преодоление национализма и ксенофобии в современной России** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

Статья посвящена анализу влияния Нюрнбергского трибунала на формирование международной системы защиты основополагающих прав человека в послевоенном мире и факторам, которые в современном мире ведут к созданию условий возрождения фашизма.

Ключевые слова: Международный военный трибунал в Нюрнберге, международная защита прав человека, геноцид, расизм, геополитика, антропология, духовный кризис.

УДК 94(430).086

Вассоевич А. Л. **Нацистская русофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса)** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

Сюжет данной статьи – русофобия как составная часть нацистской идеологии. Автор анализирует значимые для понимания нацистской

русофобии тексты, как «**Mein Kampf**» А. Гитлера, «**Der Mythos des 20. Jahrhunderts**» А Розенберга и др. Вожди национал-социалистического государства пытались обосновать в них «моральное право» арийцев на захват восточной территории изначальной ущербностью русского, как и вообще славянского, населения. Розенберг употреблял термин «**Untermenschen**» применительно к населению постреволюционной России. Теоретическая русофобия имела для нацистской Германии драматические последствия: недооценка способности русского народа к сопротивлению и нанесению ответного удара привела, в конечном счете, к краху Третьего рейха.

Ключевые слова: русофобия, А. Гитлер, А. Розенберг, Третий рейх, нацистская идеология, немецко-русские отношения.

УДК 94(44).033

Яковлева М. А. **Положение гугенотов и границы религиозной терпимости во Франции в 1661-1683 гг.** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

Во второй половине XVI в. нарастали настроения нетерпимости по отношению к протестантам во Франции. Занимая ведущие позиции в экономической жизни страны, гугеноты стали объектом интереса со стороны генерального контролера финансов Ж.-Б. Кольбера, который старался удержать короля от их преследований. Государство было заинтересовано в работающих и знающих людях. Но для Кольбера, как и для торгово-промышленных кругов XVII в., веротерпимость была лишь возможностью получения дополнительных выгод и не имела моральной подоплеки.

Ключевые слова: Франция, XVII век, Людовик XIV, Ж.-Б. Кольбер, положение гугенотов, внутренняя политика

УДК 94(420).07

Сидоренко Л. В. **Лорд Бьют и политическая элита Великобритании в 1760-х гг.** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В статье рассматривается политическая биография Джона Стюарта, третьего графа Бьюта (1713-1792), ставшего для общественного мнения королевства и многих последующих историков едва ли не последним примером фаворитизма в истории Великобритании. Центральное место в данной публикации занимает рассмотрение взаимоотношений графа Бьюта с представителями политической элиты страны в критически важные для истории Великобритании 1760-е гг. Автор статьи поставил

целью проанализировать влияние фактора фаворитизма и этнического происхождения Бьюта (шотландец) на его взаимоотношения с другими политиками высшего уровня и королём Георгом III. **Статья завершается** рассмотрением положения лорда Бьюта в период после его отставки с официальных постов.

Ключевые слова: Бьют, элита, политика, Великобритания, Георг III.

УДК 94(438).081

Грудаков Ф. В. **К вопросу об антисемитизме в Польше в межвоенный период (1918–1939 гг.)** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В статье рассматриваются истоки и проявления антисемитизма в Польше межвоенного периода. Политика царизма «разделяй и властвуй» была у истоков образа еврея как врага польской независимости. Сопоставив польский антисемитизм 1918–1920 гг. и конца 1930-х гг., автор приходит к выводу о постепенной его трансформации Стихийно-народный в 1920-е гг., антисемитизм становится инструментом государственной политики правительства санации.

Ключевые слова: антисемитизм, Польша, межвоенный период 1918–1939 гг., правительство санации.

УДК 94(430).087:323.15+314.742+172.3

Туманова К. А. **Проблема интеграции** мусульманских общин в Германии на современном этапе / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

Статья рассматривает проблемы интеграции мусульманских общин в Германии на современном этапе. Автор описывает основные мусульманские организации на территории Германии и их воздействие на общественные и политические процессы в стране. Показано, что сложность проблемы взаимоотношений с эмигрантами-мусульманами заключается не только в изъянах законодательства или выбора стратегии этнического плюрализма, но также и в психологическом нежелании немцев отказаться от привычной моноэтничности своего государства и признать немцами выходцев из других, тем более мусульманских государств.

Ключевые слова: Германия, мусульманские общины, национальная идентичность, интеграция, иммиграция, межнациональные конфликты.

УДК 94(430).075

Дубинко-Гуща Е. О. **Исторические предпосылки шлезвиг-гольштейнского конфликта и его влияние на формирование внешней политики Дании** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

Датские провинции Шлезвиг и Гольштейн были в течение длительного времени предметом конфликта между Данией и Пруссией-Германией. В статье рассматривается, как после их потери Данией в результате войны 1864 г. датская внешняя политика претерпела существенные изменения. Дания смирилась со статусом малого государства, что предопределило проводившуюся ею впоследствии, в том числе и во время Второй мировой войны, политику нейтралитета.

Ключевые слова: Шлезвиг, Гольштейн, шлезвиг-гольштейнский конфликт, Дания, Пруссия, Мунк, политика нейтралитета.

УДК 94(44).082+94(44).083+930(44)

Гончарова Т. Н. **Прозорливый националист: журналист и историк Жак Бэнвиль** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В статье предлагается анализ статей, дневников, исторических произведений Жака Бэнвиля, талантливого журналиста на службе «Аксъён франсез» и выдающегося историка, в которых он с прозорливостью сумел предсказать надвигавшиеся на мир напасти в виде двух мировых войн. Проницательность Ж. Бэнвиля имела истоком глубокое знание им всемирной истории, как и истории франко-пруссских, франко-германских отношений. Объединенная под эгидой милитаристской Пруссии, Германия представлялась ему корнем зла, такова была отправная точка всех его рассуждений. И хотя, отстаивая заранее заданные тезисы, Бэнвилю случалось допускать преувеличения, его способность распознавать политическую правду под покровами лжи или видимости, столь часто вводившими в заблуждение большинство его современников, удивляет и по сию пору всякого, кто знаком с его трудами.

Ключевые слова: Жак Бэнвиль, «Аксъён франсез», национализм, объединение Германии, Пруссия, Франция, франко-германские отношения.

УДК 930(460)''19''

Петрова А. А. **«Национальная проблема» в Испании: история и современность (историографический аспект)** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть трансформацию взглядов отечественных (советских и российских) испанистов на так называемую «национальную проблему» в Испании, историю ее возникновения и современное состояние. Этот вопрос в той или иной степени нашел отражение как в обобщающих трудах по истории Испании, так и в работах, посвященных отдельным проблемам или периодам испанской истории.

Ключевые слова: история Испании, национальная проблема, историография, современность.

УДК 930 (420)''19''

Стецкевич М. С. **Антикатолицизм и британское национальное самосознание: проблемы историографии** / Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. 2011. С.

Статья посвящена анализу историографических аспектов влияния антикатолицизма на развитие британского национального самосознания в Новое время. Автор приходит к выводу о том, что большинство исследователей (Л. Колли, Х. МакЛауд, К. Хейдон) подчёркивает объединяющую роль антикатолицизма (протестантизма) в формировании идеи британскости. Другие историки (Дж. Блэк, К. Роббинс) акцентируют внимание на противоречивой роли протестантизма, выполнявшего, в зависимости от обстоятельств, роль как разделяющей, так и объединяющей силы. Общим для британской историографии является вывод о том, что упадок идеи объединяющего англичан, валлийцев и шотландцев протестантизма приводит к размыванию британской идентичности.

Ключевые слова: историография, религия, антикатолицизм, протестантизм, британское национальное самосознание, Л. Колли, Х. Маклауд.

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS

Evdokimova N. P. In quest of truth: was Aristide Briand renegade of the socialist movement?

This article narrates about the participation of famous French political promoter A. Briand in the syndical and socialist movement. Author examines the reasons of his joining the proletarian movement, his position in this movement and contradictory with gueudists, Briand's negations of the revolution as violent means of fight and his propaganda of general strike as universal, legale, non-violent contest of proletariat are revealed. The Briand's rupture of the relation with socialist movement is examined too.

Keywords: Aristide Briand, Jules Guesde and gueudist's, socialistic and syndical movement, revolution and general strike, unification of socialist's.

Katsova M. A. To the problem of the origins of Northern regionalism: the phenomenon of «practical scandinavianism» in the last third of XIX – first half of XX centuries /part I/.

The article examines the phenomena of so called «practical scandinavianism» in the end of XIX – first half of XX centuries. The numerous projects of regional cooperation between three Scandinavian countries and Finland on the level of «low politics» - notably in social, administrative, cultural fields – are described in its variety, the reasons and the patterns of its growth are investigated. The evolution from idealistic schemes of early XIX-century «scandinavianism» to practical «nordism» is traced. The detection of the roots of the policy of regionalism in the countries of Northern Europe enables to ascertain that the Nordic Council, instituted in 1952, was not solely the brainchild of its time.

Keywords: regionalism, scandinavianism, Nordic cooperation, Northern Europe, Nordic Associations, interwar period.

Baryshnikov V. N. About Xenophobia: was the Soviet-Finnish war of 1939–1940 an «Erkko war»?

This paper discusses the existence of subjective reasons to explain the origins of this war. Did the Finnish Foreign minister E. Erkko play a leading role in the crucial decisions which his government took in Autumn 1939?

Keywords: Soviet-Finnish relationships, «Winter war» 1939–1940, xenophobia, nationalism, russophobia.

Fokin V. I. Learning from the Nuremberg trials. How to fight the nationalism and xenophobia in contemporary Russia?

The article is devoted to the analysis of influence of Nuremberg tribunal on the formation of international system of protection of basic human rights in the post-war world and to factors which in the modern world conduct to creation of conditions of revival of fascism.

Keywords: the international military court in Nuremberg, the international protection of human rights, genocide, racism, geopolitics, anthropology, spiritual crisis.

Vasoevich A. L. Nazi Russophobia and its historical consequences (65 years after the Nuremberg trials).

This paper describes Russophobia as an essential component of nazi ideology. It bases on an analysis of such major works as Hitler's «Mein Kampf», Rosenberg's «Der Mythus des 20. Jahrhunderts» and other minor productions. The nazi leaders meant they had a «moral right» to submit all slavian peoples as they considered them inferior to the aryan race. Moreover Rosenberg came to see the postrevolutionary inhabitants of Russia as mere «Untermenschen», denying them any human qualities. As a result, nazi Germany dramatically underestimated the Russian ability to resist aggression and strike back, which led ultimately to its defeat.

Keywords: Russophobia, Hitler, Rosenberg, Third Reich, nazi ideology, German-Russian relationships.

Jakovleva M. A. The lot of Huguenots and limits of religious tolerance in France, 1661-1683.

In the second half of the XVI century a mood of intolerance towards Protestants constantly grew in France. Well represented among the merchant classes, the Protestants became an object of interest for the Minister of Finances of France J.-B. Colbert. He realized the commercial value of Huguenots and

was trying to keep the King from their persecution. The State was interested in the hard-working and knowledgeable people. But for Colbert as for industrial and commercial circles of the XVII century the tolerance problem was just a matter of additional benefits and not the point of moral sense.

Keywords: France, XVII century, Louis XIV, Colbert, Huguenot's position, internal policy.

Sidorenko L. V. Lord Bute and the Political Elite of Great Britain in 1760s.

The article covers political biography of John Stuart, Third Earl Bute (1713-1792), who became for public opinion and most of historians nearly the last example of favouritism in the history of Great Britain. Central point of this publication is investigation of the relations of Earl Bute and representatives of the political elite during the critical for the history of Great Britain years of 1760s. The author also analyses the influence of the favouritism and ethnic origin of Bute (Scot) on his relations with other high level politicians and King George III. Article concludes with examination of the political position of lord Bute after his official resignation.

Keywords: Bute, elite, policy, Great Britain, George III.

Grudakov F. V. Antisemitism in Poland between the wars (1918–1939).

This paper discusses the origins and forms of antisemitism in Poland between the two world wars. The author goes back to the end of the tsarist period to trace the origins of Polish antisemitism. He then makes a distinction between the spontaneous, popular forms of antisemitism in the 1920s and its instrumentalization by the national government in the 1930s.

Keywords: Antisemitism, Poland, interwar period 1918–1939.

Tumanova K. A. Problem of integration of Muslim communities in contemporary Germany.

The article deals with the problem of integration of Muslim communities in contemporary Germany. The author describes main Muslim organizations and measures its impact on the social and political processes in Germany. She shows that complexity of the problem of relations with Muslim emigrants consist not only in defects in the legislation or in a choice of strategy of ethnic pluralism but also in psychological unwillingness of Germans to abandon habitual monoethnic conception of the state and to recognize as Germans the natives of other, especially Muslim states.

Keywords: Germany, Muslim communities, national identity, integration, immigration, international conflicts.

Dubinko-Guscha E. O. **Shleswig-Holstein and the Foreign policy of Denmark.**

The Danish provinces of Shleswig and Holstein were long a matter of conflict between Denmark and Prussia-Germany. This paper shows how their loss after the 1864 war brought a radical change in the Danish Foreign policy. From then on Denmark considered itself a small country and remained faithful to its neutrality policy, even in the Second world war.

Keywords: Shleswig, Holstein, Denmark, P. Munk, neutrality policy.

Goncharova T. N. **A perceptive Nationalist: Journalist and Historian Jacques Bainville.**

This paper relies on a critical reading of various articles, diaries, history works by Jacques Bainville, known first as a talented journalist of the “Action française”, then as a first-ranking historian, who proved great foresight in predicting the impending misfortunes of the two world wars. His clear-sight based on his knowledge of world history as well as the history of the Franco-Prussian / Franco-German relations. He considered Germany, united under militaristic Prussia, the root of all evil. Although this obsession may have brought him sometimes to exaggerated statements, one is still astonished at his capacity to unveil political truth under its garments of lies or appearances, while most of his contemporaries were so often misled.

Keewords: Jacques Bainville, “French action”, nationalism, German unification, Prussia, France, Franco-German relations.

Petrova A. A. **“National Problem” in Spain: Past and Present (historiographical aspect).**

This article attempts to consider the transformation of views of domestic (Soviet and Russian) Hispanists on the so-called “national problem” in Spain, the story of its origin and current status. This question is to some extent reflected in general works on the history of Spain, and in the papers devoted to specific problems or periods of Spanish history.

Keywords: history of Spain, national problem, historiography, present.

Stetskevich M. S. **Anticatholicism and British national consciousness: problems of historiography.**

The article is devoted to the analysis of the historiographical aspects of the influence of anticatholicism on the development of British national consciousness. The author comes to the conclusion that most scholars (L. Colley, H. MacLeod, C. Haydon and others) emphasize the uniting role of anticatholic protestant feelings for the formation of the idea of britishness. Some other scholars (J. Black, K. Robbins) consider, that the role of Protestantism was more controversial: in some cases it was uniting, but in other – dividing force. But all researches stress, that in XX century gradual decay of the idea of Protestantism as the common thing for English, Welsh and Scottish parts of British nation leads to partial lost of British identity.

Keywords: historiography, religion, anticatholicism, protestantism, britishness, L. Colley, H. MacLeod.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Владимир Николаевич, д-р истор. наук, проф., Исторический ф-т СПбГУ.

Вассоевич Андрей Леонидович, д-р филос. наук, канд. истор. наук, проф., Психологический ф-т СПбГУ.

Гончарова Татьяна Николаевна, канд. истор. наук, Исторический ф-т СПбГУ.

Грудаков Филипп Владимирович, аспирант Исторического ф-та СПбГУ, научный руководитель д-р истор. наук, проф. О. Ю. Пленков.

Дубинко-Гуца Елизавета Олеговна, Датский институт международных исследований.

Евдокимова Нина Петровна, канд. истор. наук, доцент, Исторический ф-т СПбГУ.

Катцова Мария Андреевна, аспирантка Исторического ф-та СПбГУ, науч. руководитель д-р истор. наук, проф. В. Н. Барышников.

Петрова Ариадна Александровна, канд. истор. наук, доцент, Исторический ф-т СПбГУ.

Петров Павел Владимирович, канд. истор. наук.

Сидоренко Леонид Владимирович, канд. истор. наук, Исторический ф-т СПбГУ.

Смолин Анатолий Васильевич, д-р истор. наук, проф., Исторический факультет СПбГУ.

Стецкевич Михаил Станиславович, канд. истор. наук, доцент, Фило-софский ф-т СПбГУ.

Туманова Ксения Александровна, студентка IV курса Исторического ф-та СПбГУ, научный руководитель д-р искусствоведения, доцент В. Г. Власов.

Фокин Владимир Иванович, д-р истор. наук, проф., Факультет международных отношений СПбГУ.

Яковлева Мария Андреевна, студентка V курса Исторического ф-та СПбГУ, науч. руководитель канд. истор. наук А. В. Бодров.

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
№ 7 2011**

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: Т. Н. Гончарова

Подписано в печать 07.02.12. Формат 60х90 1/6.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.
Тираж 300 экз.

РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.
Тел. 8 (812) 945 09 22
post@arculture.ru